Владимир Ценципер
Юрий Ценципер

Я люблю, и мне некогда!

Истории из семейного архива

CORPUS

Это — живая книга.
Книга, населенная людьми,
в чьих судьбах отразился
весь наш XX век.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В основу этой книги легли материалы из семейного архива – воспоминания, дневники, письма, фотографии, а также документы из архивов НКВД-КГБ-ФСБ, познакомиться с которыми авторам удалось лишь в 1998–2000 годах. В результате получился рассказ о многих и многих людях, связанных семейными, профессиональными и дружескими узами. И шире – рассказ о XX веке, о том, как он отразился на конкретных человеческих судьбах, каким виделся не с высот исторической науки, а при непосредственном столкновении с его большими и малыми событиями. Послереволюционные годы и романтика мечтаний о новом обществе, Большой террор и Вторая мировая, “оттепель” и освоение целины – все это так или иначе пережито героями книги, а теперь предстает перед читателем в подробностях и деталях, которые так легко могут быть стерты временем и уйти навсегда.

- Владимир Ценципер, Юрий Ценципер
  -
  - От авторов
  - Глава 1
    - Ася Ужет. Детство
    - Витебск
    - В Москву
    - Артур Вальтер
    - Любовь
  - Глава 2
    - Миша Ценципер
    - Знакомство
    - Последние дни Артура Вальтера
    - Член семьи изменника родины
  - Глава 3
    - Сталино и Буденовка
    - Рождение Володи
    - Перед войной
    - Поезда 1941 года
    - В хаосе
  - Глава 4
    - Дербышки
    - Дедушки и бабушки
    - Самуил Ценципер (Тарас)
    - В тылу

        - Евгений Еремин
        - Леонид
        - Домой
        - 1945-й
    - Глава 5
        - Неистовый директор
        - “Склиф”
        - Львов и Киев
        - Спекулянт
        - Юра. Школа
        - Володя. Школа
        - Измайлово
    - Глава 6
        - Юра. Институт
        - Реабилитация
        - Утраты
        - Короткие разлуки
        - Приключения педагога
        - Целина
        - “Лагерь и ссылка”
        - Алтай – Средняя Азия – Кавказ – Байкал
    - Глава 7
        - Юрин космос. Юрина земля
        - Иринка
        - Мамино зарубежье
        - М. Б.
        - Володя. Работа
        - Дербышки. Через 40 лет
    - Глава 8
        - Расставания
        - “Я не один”
        - “Радость тихая дышать и жить…”
        - “Я вас всех очень люблю”
    - Вкладка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

Владимир Ценципер, Юрий Ценципер
Я люблю, и мне некогда! Истории из семейного архива

Авторы выражают благодарность за помощь в работе над книгой Илье Осколкову-Ценципер и Петру Фаворову

© В. Ценципер, Ю. Ценципер, 2015
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

* * *

От авторов

Эта книжка – о наших родителях.

Их жизни почти совпали с рамками XX века и поэтому, на наш взгляд, могут оказаться интересными не только тем, кто их знал и находился под обаянием их личностей.

Текст в максимальной степени построен на использовании семейного архива, содержащего многочисленные письма, документы, фотографии и другие материалы. Отец – Михаил Ценципер – всю жизнь испытывал страстный интерес к собиранию любых письменных свидетельств времени, что сохранило для нас массу интересных документов. Кроме того, в семье существовала традиция регулярно обмениваться письмами.

Кроме семейного архива мы использовали воспоминания, дневники, печатные публикации родственников, друзей и знакомых, а также документы из архивов НКВД-КГБ-ФСБ, доступ к которым мы получили в 1998–2000 годах, книги исследователя Коминтерна профессора Фридриха Фирсова "Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943" (2007) и "Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка" (2011), а также материалы Российского государственного архива социально-политических исследований (РГАСПИ).

Владимир Ценципер

Интерес к документам, письмам и прочему "бумажному" у меня, конечно, от отца. Я что-то всегда откладывал, вырезал, собирал. Раньше – совершенно не задумываясь. Теперь – задумываясь. Время пока есть.

Но все-таки надо вспомнить и историю создания конкретно этой книги. Книги-архива.

Первый толчок, связанный с интересом именно к архиву отца, помню отлично. Поразительна была оставленная отцом на видном месте, перевязанная бечевкой небольшая пачка бумаг с запиской "Уничтожить не читая". Мы с моим братом Юрой, конечно, догадывались, что это за письма – история его первой любви. Было письмам около семидесяти лет! У отца не поднялась рука уничтожить их самому. Это была его история. Мы выполнили последнюю волю отца. Именно тогда я и начал размышлять обо всем архиве семьи. Надо привести его в порядок.

А за несколько лет до этого, незадолго до того как мамы – Аси Ужет – не стало, я буквально украл ее ранние-ранние дневники. Я никогда и не знал, что они существуют. Вернее, это были только фрагменты дневников, так как большую часть

мама заодно с каким-то толстеньким конвертом уже уничтожила. Вместе с остатками дневника была и часть воспоминаний. Мама была в этом смысле совершенно другой, чем отец: у нее была установка: все, что можно, не сохранять – может быть, с 30-х годов.

Последние документы, появившиеся уже в нашем с Юрой архиве, тоже связаны с моим “воровством”. Тетка моя Адочка (Ада Борисовна Ценципер, сестра отца) начала чистку их семейных бумаг задолго до своего конца. Оставляла она только то, очень немногое, что было связано с ее дочерью, нашей сестрой Иринкой. Кроме этих документов и фотографий Адочка долго хранила только военный дневник своего мужа Евгения Николаевича Еремина. Дневник этот – маленькую толстенькую записную книжечку – я и увел у Адочки, когда она стала все окончательно подчищать перед своей смертью. Из близких людей около нее был только я. Тяжелая и очень одинокая смерть.

Уверен, что и мама, и Адочка мне эти поступки простили бы. Но сказать о них надо.

Вот с этих дневников – маминых конца 20-х годов и Евгения Николаевича 1941–1945 годов – я и стал постепенно разбирать наш семейный архив. По годам, по характеру – письма, документы, вырезки, газеты, публикации и так далее.

Основной рывок в систематизации архива, в приведении его в нынешнее состояние произошел тогда, когда я после МЭЛЗа (Московского электролампового завода) пошел работать в школу. Однажды, рассказывая и показывая что-то “архивное” ученикам, я увидел эти документы их глазами: ветхие, затертые, еле читаемые. При помощи ребят-добровольцев архив стал перепечатываться. Стали складываться папки по годам и по типам документов. В итоге – более сорока папок и еще примерно пятнадцать альбомов. Внутри папок – листы с напечатанными текстами. В конце каждого текста приклеен конверт с прозрачным окном. В конвертах – подлинники. Привел я в порядок и свои личные записи. В том числе воспоминания, написанные в 1970 году. Отрывки из этих воспоминаний частично использованы в этой книге. В 1970-м я назвал их “Золотые шары”, имея в виду цветы. Основания к этому у меня были.

Однажды, когда мы с Юрой были вместе и размышляли, что дальше делать с архивом, обоим пришла мысль: а что, если составить “Избранное”?! Это же слово мне уже приходило в голову, когда я показывал документы друзьям в Москве. “Избранное”. И началось!

В процессе этой работы возникла идея сделать самостоятельно десяток экземпляров. Опыт такой был у меня еще

с 80-х годов. Затем захотелось издать это небольшим тиражом, но…

КНИГОЙ. Книга потребовала несколько другого подхода к материалу, но дело шло. Хотя и медленнее, чем хотелось. И еще одно: с самого начала очень многие искренне спрашивали: кому это нужно? Ответ и у Юры, и у меня здесь был одинаковый и очень простой: это нужно нам! А теперь, завершив наш труд, я уверен, что не только нам. Это история не только наша. Это и есть ИСТОРИЯ. А время этой работы – время счастья.

Юрий Ценципер

Я человек старой закваски. В моих руках – бумага, шариковая ручка, ножницы, клей.

После того как мы с Володей решили сделать эту книгу, у меня в комнате оказались десятки папок и альбомов. Голова пошла кругом – где их сложить, в каком направлении действовать. Сначала надо было все скопировать, а это – часы стояния у ксерокса, около двух тысяч страниц. Но самое главное – продумать содержание книги, ее разделы и главы. Решил идти в хронологическом порядке – от начала века, рождения родителей, их молодости, нашего с Володей рождения и далее, через войну, – к концу века.

В каждой из папок десятки, сотни писем и документов. Прочитав очередное письмо, брал ножницы и вырезал главное – то, что отражало характер, личные качества тех, кто писал и кому написано. Попутно затрагивались те или иные детали эпохи. Это был нелегкий труд, потому что нужно было многое сокращать, а почти каждая строка была дорога.

Первая запись появилась 25 января 2012 года. Но мало иметь эти вырезки из документов. Их надо было выстроить в определенном логическом коридоре, сделать связки, ремарки. По мере составления глав отсылал их Володе, который, в свою очередь, что-то изменял, многое дополнял, работал в государственных архивах, подбирал фотографии. Очень многое обсуждали по телефону. Но это был только остов задуманного. Стало ясно, что необходимо еще больше сокращать, шлифовать и уточнять.

Читая письма родителей, их воспоминания, а также воспоминания родственников и знакомых, я все время открывал для себя что-то новое, чего не знал раньше. Благодаря письмам все рельефнее, глубже и тоньше раскрывались их черты. Благодаря этим письмам родители становились для меня все ближе и ближе.

И через долгие годы свет и благородство их душ доходит

до меня и помогает жить.

Глава 1

Ася Ужет. Детство

Из тетради воспоминаний:

Мои родители познакомились в Ковенской губернии в деревне Бобьяны. Мама приехала туда на лето, так как ее семья сняла дачу у одного зажиточного хозяина. Мама жила в городе Ковно, получила хорошее образование, бывала за границей и сильно полюбила одного русского офицера. Они решили бежать, но родители матери не допустили этого позора в богатом еврейском доме, офицера прогнали, ее заперли на несколько лет дома, следили, не отпускали ни на шаг. Женихов не стало.

И вот двадцатисемилетняя дева приезжает в деревню, где в нее влюбился сын хозяина дачи, совсем простой крестьянин. Но какой добрый, какой красивый! Как он любил ее! И мама неожиданно дает согласие стать его женой. Брак неравный. Она – из богатой семьи, образованная, культурная, он – почти неграмотный. Мама капризная, не приспособленная к жизни, считающая, что она осчастливила отца. Отец – всю жизнь преклоняющийся перед ней неудачник. Дон Кихот. За что только не брался, чтобы из бедности вылезти, но так ничего и не смог.

Родители – очень красивые оба. И всегда в доме культ мамы – “ей, бедной, жизнь не удалась”.

Помню ее всегда с книжкой, с мечтательным выражением лица и очень часто болеющую. У нее была язва желудка, она очень страдала, а во время приступов кричала так, что на улице слышно было. И вечно занятый, перед всеми нами виноватый папа. В чем виноват?

В Бобьянах помню наш длинный деревянный дом, в котором жило много народу: дедушка, бабушка (ковенские редко приезжали), наши двоюродные брат и сестра, и мы – пятеро. Леонид (Леня-Леля) родился через год после свадьбы, через два года – я и еще через два – Анатолий (Тонька).

Через дорогу от дома – лес, там мы играли, проводили целые дни. Помню хорошо, что как-то сын лесника, дом которого стоял напротив, забрался в отсутствие родителей на сеновал, закурил там, сгорел сам. Неделю горел наш лес, мы все это время были на улице, так как дома лопнули все стекла от жара, и мы боялись, что дом загорится.

Как горел наш лес, я никогда не забуду.

Летом мы играли на пепелище. Однажды Ленька упал в яму, в которой “курили” смолу. Мы с Толей не могли никак его вытащить, а он стоял в яме на краю бочки, в которой была горячая смола. Я помню очень хорошо, как я бежала пепелищем,

спотыкалась и падала на пни и сучья, поднималась и опять бежала, и кричала, и звала на помощь. Как мне было трудно, как я любила и жалела брата.

Я привела взрослых, они вытащили его, а дома дедушка нас троих очень сильно бил. Было очень обидно.

Мы все трое были очень дружны, были всегда вместе, всегда помогали и покрывали друг друга.

Когда Лене исполнилось шесть лет, его отдали в хедер. Он ходил в соседнюю деревню Рейданы к ребе. Однажды мы с Толей пошли за ним туда. Через окна я увидела небольшую комнату: большой стул, две скамьи, возле одной скамейки – столб, по-видимому, он поддерживал избу; к столбу был привязан Ленька, руки он держал на столе, а ребе бил его палкой по рукам. Ленька не хотел учиться. Я, с маленьким Толькой за руку, вбежала в комнату и стала кричать на ребе и дергать его за сюртук. Леньку развязали. Больше он в хедер не ходил.

В 1915 году нужно было куда-нибудь уезжать от Первой мировой войны.

В Луганске жила племянница мамы Анюта, вышедшая замуж за фабриканта Сагаловича. После некоторых сомнений, переписки мы всей семьей переехали в Луганск. Отец устроился на эмалировочный завод каким-то служащим. Наняли жилье из двух комнат на Каменном Броде, жили впроголодь, донашивали обноски детей Анюты.

Ходили к ним редко в гости, это было большое событие каждый раз. Чаще приходила тетя Анюта с подарками. Жизнь наших братьев и сестер была нам недоступна.

Вскоре отец ушел с завода, работал где-то приказчиком, часто разъезжал. Как он, бедняга, старался вывести нас из бедности, но ничего у него не получалось. Богатых родственников матери он не любил. С нами, детьми, особенно со мной, был очень нежен, ласков. Когда бывал дома, играл с нами, никогда не наказывал, хотя мы все были большие озорники.

По-прежнему очень любил маму, просто молился на нее. Утром в самые голодные годы вставал раньше всех, ставил самовар, подавал ей чай в постель, а нам варил галушки из отрубей. Полную большую грязную кастрюлю – и мы всегда ее всю съедали.

После революции положение наше не улучшилось.

А в Луганске, больше двух лет, каждую неделю власти менялись. Долго были немцы, они заняли у нас одну комнату, а во дворе, в сарае, держали лошадей. Днем мы часто забирались в сарай и крали у лошадей “макуху”, иногда забирались в комнату, чего-то подбирали, удивлялись их вещам, белью.

Однажды забрались на подоконник и играли с ружьем, а оно выстрелило, пуля прошла над самыми лицами, моим и Леньки, и застряла в потолке. Мы очень испугались, я плакала. Больше мы к ним в комнату не приходили.

После немцев недолгое время были красные; в это время в городе сразу объявились три племянника мамы – три красных командира: Марк, Абраша и Исак Вольпе. Все они в 1918 году были уже коммунистами.

Никогда не забуду, как однажды ночью, когда в городе были махновцы, в дверь тихонько постучали – это пришел Марк; он был обросший, грязный и шепотом попросил поесть и спрятать его. Он прожил у нас несколько дней, а потом исчез. Также несколько раз после этого мы прятали в погребе Исака и Абрашу. Мама их всех очень любила, Марк вырос у нас, так как родители их (мамин старший брат и его жена) умерли рано. Рано началась их рабочая и революционная жизнь. Самому старшему из них, Исаку, в это время было 24 года, Марку – 23, Абраше – 18.

Абраша был в 1920 году расстрелян деникинцами.

За два года власти у нас менялись часто, город без конца переходил из рук в руки, кроме немцев в нем побывали деникинцы, махновцы, петлюровцы, даже банда какой-то Маруськи.

Когда начинались бои за город, мы забирались всей семьей в сарай и сидели там, только неугомонный Ленька не выдерживал и часто для разведки выбирался на крышу. Однажды он зазевался, упал с крыши и сломал себе ногу, которая болела потом всю жизнь.

К концу 1919 года мы погибали от голода. А тут появилось сообщение, что желающие могут возвратиться в Литву.

Отец куда-то бегал, потом мы сели в какой-то вагон и поехали на родину в Литву.

Наша поездка за границу продолжалась несколько месяцев. Поезд большей частью стоял, изредка ехал. За это время мы проели последние запасы. На остановках отец куда-то бегал, что-то доставал и иногда приносил поесть. В поезде было так холодно, что однажды у мамы примерзли волосы к стене вагона: помню, как папа их осторожно отрезал. В Смоленске, куда мы наконец приехали, отец с Ленькой пошел на базар, продали наши последние вещи, и здесь у Леонида украли его заграничный паспорт.

Добрались до границы. Пропускают папу, маму, меня и Тольку, а Леонида не пускают. Боже мой, какое отчаянье, сколько слез. Ничего не помогло.

И мы едем обратно в Россию. Доехали до Витебска, дальше

нету сил ехать. Заболели мама, я, Толька, еле держатся отец и “виновник” всего – Леонид. Сошли с поезда, почему-то пошли в синагогу, в которой было еще много таких же, как мы. И мы остались в Витебске.

Там мы прожили с 1920 до 1925 года. Жили несколько месяцев в синагоге, какие-то благотворители помогали не умереть с голоду. Потом отец устроился на работу, получили жилье в большом, населенном евреями доме, в подвале. Мама кое-как хозяйничала, большей частью болела. Мы, все дети, пошли в школу.

Витебск

Из тетради воспоминаний Аси Ужет:

Моя школа № 1 была на Замковой улице. Когда я первый раз пришла в 1-й класс, Таня Раппопорт посадила меня с собой на первую парту и стала моей самой лучшей подругой. Таня, в отличие от меня, жила в очень красивой, богатой квартире, отец ее – в прошлом фабрикант – сумел пристроиться к советской власти. Семья была большая, шумная, дети подрастали и уезжали в Москву, в Ленинград – учиться. Мы очень дружили с Таней, часто я приходила к ним и всегда уходила сытая.

Дома было очень плохо. И я все время проводила в школе.

Из учителей помню Маргариту Петровну, добрую, смешную, Льва Давыдовича – учителя математики, незабвенного Алексея Николаевича Калитина (русский язык, литература) и Анатолия Васильевича Богданова.

Часто после уроков мы тушили в классе свет, усаживались в уголке, рассказывали разные истории, фантазировали о будущей жизни, делились самым сокровенным. Забывали о голоде. Да, в классе учились в пальто, чернила замерзали.

В 5-м классе обнаружилось, что мы все влюблены в нашего учителя литературы и директора Алексея Николаевича. Сочинили песню и на мотив “Доли” тихо ее пели. До сих пор помню слова:

Где, Алеша, ты, Алеша,
Где ты, солнышко мое,
В канцелярии сидишь ли
Или смотришь ты в окно.
Ждем тебя мы, не дождемся,
Проглядели все глаза,
Ужель своего мы не добьемся,
Прошибает нас слеза.

Это был добрый, справедливый человек, прекрасный педагог. Он знал нас всех и незаметно помогал.

В 6-м классе его неожиданно сняли с работы, решив, что по его вине ученики на масленицу не пришли в школу.

Вместо него был назначен отвратительнейший Бусевич-Лутянский. Мы решили объявить ему бойкот, а в школе устроить забастовку.

Стихийно возник забастовочный комитет, в который вошла и я. Мы выходили молча и организованно, как только новый

директор появлялся в классе, оставляя его одного в пустом помещении. Мы выстраивались вдоль мраморных лестниц и кричали: “Долой Бусевича”, “Верните нам Калитина”.

Целых 7 дней мы держали школу в своих руках, и никто не попытался нарушить установленный стачечным комитетом порядок. Мы боролись за справедливость, а через неделю, придя в школу, мы увидели большое объявление: “Все, кто хочет учиться, подают вновь заявления”. Весь стачечный комитет (перечислены фамилии) решением ГорОНО исключен из школы без права поступления в другие.

В тот же вечер собрались родители, выбрали трех человек и отправили в Москву. Дело окончилось нашей победой. С этого начались моя активная общественная деятельность и вера, что добро и справедливость всегда побеждают.

Моя школа, мой класс – это была моя жизнь.

Помню смерть Ленина. Был очень холодный зимний вечер, когда известие о его смерти пришло в наш дом. Какой страх и ужас охватили меня. Я бежала со всех ног в школу, было очень холодно и очень страшно: “Что будет с нами? Как мы будем жить?” В школу прибежали все ребята, мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, все плакали: и ученики, и учителя. Никто нас не утешал, но мы были вместе, и мы были сильны. А скоро мы стали первыми пионерами-ленинцами.

Осенью 1924 года был торжественный вечер, посвященный семилетию Октябрьской революции.

В первом ряду сидели моя мама и оба брата, а я с трибуны по-белорусски выступала с приветствием, которое написал для меня Анатолий Васильевич и заставил выучить: “Дорогие Туварыши! Вас с семой годовиной Растричниковой революции…”, а дальше забыла и кончила приветствием по-русски, а потом мы все пели.

К 1925 году мало что изменилось в нашей семье. По-прежнему мы жили в полуподвальной квартире на Замковой, по-прежнему папа с трудом зарабатывал на жизнь и часто надолго уезжал. Ленька бросил школу и работал в каком-то учреждении. Он был добрый, очень красивый. Хорошо пел. Был организатором коллектива “Синей блузы”. Много и очень успешно занимался спортом. Я и Толька учились. А мама болела. Болела подолгу, мучилась. Мы были предоставлены сами себе. Часто вечерами ребята убегали, а я сидела с больной мамой.

Помню: был поздний вечер, в комнате было холодно и нечего было есть, отец был в отъезде. Я очень устала от маминых жалоб, стонов, хотела спать, есть. Мне очень было жаль маму и себя

саму. Мама часто бредила. Она подозвала меня и говорит: “По мне мышь бегает”, я ее утешаю, говорю: “Нет мыши, я с тобой, мамочка”. Она опять говорит, что по ней мышь бегает, я опять отвечаю ей то же самое. И вдруг мама вскочила, с криком отбросила одеяло, и на пол выскочила большая мышь, я с диким воплем схватила со стола стеклянный шар, бросила его и рухнула без сознания.

Когда пришли братья, они застали следующее: у двери лежала убитая мышь, я на маминой кровати, исплакавшаяся и обессиленная, рядом напуганная мама.

На другой день Ленька мне сказал, чтобы я не ходила в школу, он скоро принесет много денег. В этот день он не пошел на работу, вместо этого они с Толькой пошли на мост через Западную Двину. Ленька разделся и предложил за деньги спрыгнуть с моста. Толька собирал деньги и стерег вещи, а Леонид несколько раз прыгал. Это был высокий большой мост, по которому ходили трамваи. Они принесли деньги, мы купили хлеба, молока, еще что-то из продуктов и маме лекарство.

Из дневника Аси Ужет:

1925 г., 17 апреля

Опять вечер, опять тоскливое настроение, опять одна дома, опять мама чувствует себя неважно. Да обо всем, в чем не буду разбираться из окружающей меня обстановки, обо всем хочется сказать “опять”, потому что все похоже одно на другое, один день на другой, как пара ног у человека. От безделья философствуешь слишком много. Написала “безделья” и рассмеялась, на самом деле кто скажет, что я бездельничаю, все меня жалеют, что я слишком много работаю, и правда: стирка, уборка, уход за мамой, печка и т. д. и т. п. приводят к тому, что так кости ноют, что вчера легла и подняться не могла.

За последнее время упаднические настроение бывает у меня очень часто, я ненавижу себя в такие минуты, но не всегда сейчас же могу его в себе побороть. И в самом деле, никто из ребят не знает, до какой степени мне тяжело. Я знаю, что должна отсюда уехать, уехать в Москву, во что бы то ни стало. Иначе я пропаду, я это чувствую. Но я знаю, что уехать не могу, не потому, что меня не пускают. Если надо будет, у меня хватит силы порвать с домом, но ведь уход за мамой лежит на мне, больше некому, а мама очень и очень больна, нет уже сил, поэтому и плакать в последнее время так часто хочется. Если уж я начала плакать, то это что-нибудь да значит, т. к., по крайней мере до этого года, никогда не плакала.

1925 г., 24 апреля

Последние дни настроение довольно хорошее, бодрое, способствует ему чудесная погода – кажется, весна пришла, а у меня всегда весна в мае – много бодрости, веселья, только бродит у меня в душе, часто против воли.

На днях в политшколе во время наших занятий "живая газета" техникума ворвалась в нашу комнату.

Потом один парень стал играть полонез Шопена, а на меня ничего так не влияет, как музыка, музыка может заставить меня убить человека, а часто влияет как на собаку – выть хочется. Задорное, боевое настроение понемногу утихает, и в конце концов так давить что-то начало, что я ушла домой.

1925 г., 1 мая

Сегодня один из моих самых любимых праздников, веселый звонкострунный, ожидала его с большим нетерпением. Вчера целый вечер ходили с Зиной по улицам, пели, смеялись. В городе было очень торжественно. Несмотря на то, что за 8 лет можно было уже привыкнуть к ярким лозунгам, знаменам, факелам и т. д. и т. п., меня все это очень будоражит, хочется быть со всеми ласковой, простой, искренней… Пришла домой и сама не знаю, что со мной: грызет тоска и места себе не нахожу.

Я часто ругаю себя за то, что так люблю своих друзей и вообще почти что всех людей. Я же люблю их, как жизнь, и так привязана к ним, из-за этого тоже много переживаю. Мне многие говорили, что я удивительно легко и хорошо схожусь с людьми, а, между прочим, я часто думаю, какая я со своим внутренним миром от них далекая, как они все меня мало знают. Много неприятностей мне доставляет то, что люди, которые меня любят, видят во мне только хорошее. А люди, которые меня не любят, видят во мне только плохое. Очень многие говорят, что я самоуверенная, слишком я знаю себе цену. Они не знают, как часто я себя ненавижу, как часто я над собой смеюсь, какая у меня вечная борьба моих двух внутренних голосов – голоса разума и голоса натуры.

Думаю скоро подавать заявление о приеме в комсомол. Я много думала над этим и пришла к убеждению, что могу это сделать. Не знаю, вполне ли я подготовлена, – об этом будут судить другие, но ответственность я буду чувствовать, а, по-моему, это самое главное.

Бронька из всех моих друзей – самая близкая. Она мне дорога как тип настоящей комсомолки.

Из воспоминаний Аси Ужет:

Летом 1925 года в моей жизни произошли большие изменения. После долгих уговоров, угроз, истерик со стороны мамы и молчаливого страдания папы я осталась в Витебске (“временно”), а родители уехали в Юзовку, которая потом стала Сталино. На этом закончилась навсегда моя жизнь в семье. Устроился там на работу отец, пошел в ФЗУ Толька, и вскоре (ему было 14 лет) стал работать на металлургическом заводе, в кузнечном цехе. Леонид вскоре ушел в армию и возвратился из нее тоже к родителям. Там и жили они все до войны. Там и женились братья.

Я осталась одна в Витебске. Поселилась у знакомых. Семилетка была закончена, друзья по школе постепенно терялись. Часто мне вспоминается наш прощальный вечер, напутствие нашего учителя математики Льва Давыдовича. Это был маленький, плохо одетый и плохо по-русски говоривший еврей. Добрый, умный, все понимающий человек. Мне он сказал: “Вы уже очень умная, очень способная, но вы хотите ничего не делать и все знать”.

Мы забрались в наш класс, потушили свет, прижались друг к другу, пели песни, вспоминали наше голодное, веселое, озорное детство. Читали стихи свои и чужие. Этот вечер был расставанием с детством.

Вскоре я устроилась курьером в ЦРК № 1[1] – так назывался большой, недавно открытый магазин. Получала 12 рублей в месяц и так жила целый год. Мои обязанности вначале были простые: рано утром, до открытия магазина, я должна была ехать на извозчике на колбасную фабрику, получать там колбасу и везти в магазин. Там я увидела, как делали тогда колбасу, как чистили грязные, вонючие кишки, в которые набивали фарш, обработанный босыми ногами рабочих. Позже, когда я стала работать ученицей продавца в колбасном отделе, я, голодная, не могла есть колбасу. В магазине у меня был враг, которого я очень боялась, – здоровый рыжий рабочий Петька, который целый день подстерегал меня, где бы прижать, обнять, облапать. Ах, как я его боялась, как ненавидела!

Магазин был расположен недалеко от Замковой горки, где находился техникум. Учащиеся часто приходили в магазин, здесь я познакомилась со своей первой любовью, Васей, а также с Семеном Богуном, который сыграл немалую роль в моей жизни.

Вася был красивый парень, настоящий белорус, светловолосый, голубоглазый, ласковый. Все свободное время я проводила с ним, мы были сильно увлечены друг другом. Он был старше меня, много мне рассказывал о себе, товарищах, родных, мы мечтали о подвигах, целовались. Но это был рыцарь,

как вообще большинство хороших ребят в то время. Относился он ко мне очень бережливо. Любовь наша продлилась до самого моего отъезда в Москву. Вася был веселый, беззаботный, легкомысленный, рубаха-парень.

У Васи был друг Семен Богун, старше Васи, он участвовал в Гражданской войне, был коммунистом и учился в техникуме.

Из дневника:

1926 г., 14 июня

Вчера была именинница – исполнилось 17 лет. Четверть жизни ушло, а жизнь не видела и не чувствовала. Сама не знаю, что хочу – только хотелось бы что-нибудь сильное, здоровое, красивое, последнее время так часто чувствую, как мне нужна была бы хорошая, здоровая среда, хорошее влияние, заполненная жизнь – а это все отсутствует. За последнее время довольно часто встречаюсь с Богуном – ему 25 лет. Как странно, что все мои интересные встречи бывают обыкновенно с людьми гораздо старше меня. Он очень интересный парень, выдержанный, сильный, стойкий, партиец, и вообще очень хороший парень. Мы с ним незаметно и интересно проводили время.

Вчера было 13 июня. Это день моего рождения. До трех часов ночи сидела с Богуном возле дома. Сошло не совсем благополучно. Помню только, что он, всегда такой ровный, спокойный, говорил, что задушить меня мало. Видно, я ему нравлюсь. Интересно, как мы теперь встретимся. Я об этом никому ничего не говорила и не думаю, чтобы сейчас могла сказать. Стыдно как-то. Злость на себя. Но я ведь не виновата. Ира принесла мне вчера красивые белые цветы. Я их очень люблю.

В Москву

Из дневника Аси Ужет:

1926 г., 11 июля

Живу сейчас только надеждами на поездку в Москву. Бронька приезжала и опять всколыхнула. Почему-то представляю себе, что только исключительно там сумею жить, работать, учиться, быть хорошей, полезной комсомолкой.

Из воспоминаний:

Однажды вечером, когда мы все спускались по темной лестнице на улицу после собрания, меня прижал к стене наш секретарь, пытаясь обнять, поцеловать, я его оттолкнула, тогда он сказал: “ Ты мещанка, ходишь с косами и ведешь себя как благовоспитанная барышня, ты еще вспомнишь меня”. На собрании, где обсуждалось мое заявление, он заявил то же самое, и собрание большинством голосов воздержалось от принятия меня в комсомол.

Ох, какой это был удар для меня, как горевала, сколько слез пролила, я думала, что, может быть, он был прав. Я, наверное, мещанка. В то время не было слова обиднее этого.

Вскоре я отстригла свои косы. К моему счастью, этот секретарь куда-то уехал, и через несколько месяцев меня приняли в комсомол.

Семен приходил каждый день ко мне в магазин, а иногда проводил со мной вечера. Этот человек приносил мне читать много книг. Он хорошо знал, любил поэзию, заставлял меня читать, заниматься самообразованием, раскрывал передо мной мир, рассказывал о том, как будет со временем все прекрасно. Мне было с ним очень интересно, под его влиянием я начинала глубже задумываться о жизни, людях, мне хотелось, чтобы ему тоже было со мной интересно.

И вдруг незадолго до моего отъезда он мне говорит: “Я очень люблю тебя, Ася. Это на всю жизнь. Выходи за меня замуж”. Это было очень неожиданно. Я была еще очень молода и очень глупа…

Потом Семен уехал в Одессу, но мы продолжали переписываться.

Ни на минуту я не переставала думать о Москве, будущую свою жизнь я не представляла вне ее. Осенью 1926 года я получила отпуск на две недели, немного денег и твердо решила туда поехать. Сборы были очень недолгими – вещей у меня не было. Тетя Соня, у которой я жила, подарила мне сшитую ею

рубашку, Вася подарил кожаную куртку, все мои вещи уместились в небольшой узелок. Был куплен билет на поезд, собрались все мои друзья, уверенные, что я скоро вернусь, недолгое прощание, и я поехала.

В Москве вышла с Белорусского вокзала, увидела Триумфальную арку, площадь, звенящие трамваи. Я тут же решила, что не уеду отсюда. Приехала к Броне в Марьину Рощу, в тот же вечер туда приехала Таня, разговорам конца не было.

Уже на следующий день встали вопросы: как жить? на что жить? Я написала в Витебск, что остаюсь в Москве, написала родителям, но никто мне помочь не мог, да я и не хотела ни от кого помощи.

Жить я стала с Броней в Марьиной Роще. В то время не было в Москве района, пользующегося большей “славой”, чем Марьина Роща. Это был район воров, проституток, фальшивомонетчиков, разных темных личностей, спекулянтов. В каждом доме ежедневные пьяные скандалы, драки. Наш деревянный, одноэтажный, с тремя окнами на улицу и одним во двор, дом принадлежал вечно пьяному сапожнику, у которого работало 2 подмастерья-ученика. Квартира представляла из себя одну большую комнату с двумя окнами, в которой находилась мастерская сапожника, тут же стояла огромная, с несколькими грязными перинами и подушками кровать, в углу – иконы; кроме этой комнаты была большая кухня с огромной печью с лежанкой и большим столом, а между этими двумя комнатами была отгорожена фанерой маленькая клетушка, в которой жили мы с Броней.

Вечно пьяный наш хозяин Василий Петрович сдал нам эту комнату за несколько рублей, в ней было слышно все, что происходило в доме, а с лежанки на печке хорошо было наблюдать через дырки в стене за всем, что происходило у нас; подмастерья-ученики этим часто занимались.

Особенно страшно было возвращаться домой вечерами.

Хозяйственная Броня поставила на дверь несколько крючков, на окно – тоже, но наша фанерная дверь на фанерной стенке могла развалиться от сильного удара, поэтому мы жили в постоянном страхе. В редкие минуты протрезвевший Василий Петрович извинялся перед нами, и мы пользовались его уважением. “Барышни” называл он нас.

Вот в этой комнате мы и прожили первые годы нашей московской жизни.

Через два дня после приезда я поехала на Неглинную на биржу труда. Это было большое серое мрачное здание

с огромным залом и множеством окошечек. Каждое утро сюда приходило очень много людей, они отмечались и ждали работы. Легче было тем, которые готовы были уехать, и очень трудно было получить какую-либо работу в Москве.

Несколько месяцев изо дня в день я приезжала сюда, часто приходила пешком, предпочитая израсходовать 7 копеек на два бублика. Очередь продвигалась очень медленно, надежды на получение работы было все меньше. Положение мое становилось хуже, мне стыдно было питаться за Бронин счет, да и что он, этот счет в 18 рублей ежемесячной зарплаты, поэтому я часто нарочно не приходила допоздна домой, шатаясь голодная по улицам.

Я могла пойти к Марку – двоюродному брату, который жил в то время в Москве и занимал уже очень крупный военный пост. Но и это мне казалось унизительным.

Я ходила к ним (к Марку и его семье. – *Ред*.) только раз в неделю, на обед в воскресенье, пешком с Марьиной Рощи на Таганку и ничего не рассказывала им о своем бедственном положении.

Однако голод меня мучил все больше, да и обувь совсем развалилась. Мысль о том, как жить и что делать, мучила меня.

Когда я ездила на трамвае, то всегда смотрела на людей, старалась угадать их характер, профессию и часто думала, кто из них может мне помочь.

Однажды я увидела человека, одетого в дорогую шубу и шапку. И после долгих сомнений и страха, что он сойдет с трамвая, решила спросить у него, не может ли он помочь мне с работой.

На мой вопрос он ответил: “Да, смогу”. Написал адрес и велел прийти на следующий день утром. И вот я в Трубном переулке в подвальном помещении, маленькая вывеска “Иголки для примусов”, владелец Блюменкранц. В мастерской душно, шумно, всюду обрезки жести и тонкой проволоки и несколько штамповочных прессов. Работали 4 рабочих. В отгороженной конторе сидел хозяин – мой вчерашний знакомый. Он меня подробно расспросил обо всем и сказал: “Я могу тебе помочь, но работать ты будешь после четырех часов дня, когда мастерская будет закрыта для всех, у меня нет денег, чтобы платить за тебя налоги. Ты можешь привести с собой свою подругу”. Я согласилась и позвала с собой Броню и Таню.

Работа была несложная, но тяжелая – одной рукой нужно было крутить тяжелое колесо, а другой подставлять нарезанные кусочки жести под штамп, который пробивал в них желобок.

Следующая операция – насаживать проволоку на узкий конец жестянки.

Как жестоко он нас эксплуатировал, но все-таки это был заработок! Я по-прежнему ходила отмечаться на биржу.

Очень плохо стало зимой. В подвале было холодно и бегали огромные крысы. Однажды, когда было особенно холодно, я взяла керосинку, подставила под нее высокую табуретку и не заметила, как промасленная табуретка начала тлеть. Схватились мы только тогда, когда она вспыхнула. Мы, три испуганные девчонки, бросились к дверям, но они были заперты, и никто не слышал ни наших стуков в двери, в окна, ни криков. Поняв, что мы погибаем, мы начали тушить огонь, который перекинулся уже на станок, схватили свои пальтишки и закрывали ими, обливали водой, топтали огонь. Помещение было полно удушливого дыма, почему-то потухла лампа, но огонь нам удалось потушить. Когда пришел хозяин, он застал нас в углу у двери. Темнота и мы три, плачущие криком, задыхающиеся. Он очень напугался, подарил нам по три рубля и просил никому не рассказывать. С этого дня мы особенно жестоко его возненавидели, часто между собой мечтали и клялись отомстить ему, но на работу ходили по-прежнему.

Условия наши нисколько не менялись. Мы боролись с холодом, с наглыми скользкими мышами, по-прежнему жили впроголодь, уставали от тяжелой работы. Очень болели руки.

Из дневника:

17.12.1926, Москва

Состояние в последние дни страшно напряженное. Привязана я к Сеньке страшно. Так привыкла к нему. Вечно пишу ему, что нам порвать необходимо, сама делала попытки к этому, а все же тянет он меня к себе. Всегда такой аккуратный в переписке, он на мое последнее письмо не ответил. Не знаю, какая этому причина. Или рассердился на меня, или… Охота написать ему, да сдерживаюсь. Самолюбие не позволяет. Натура у меня болванская.

Сколько времени все было сосредоточено на том, чтобы уехать в Москву, а теперь уже мне кажется это простым, обыкновенным. Хочу поехать в Одессу. Что это? Неужели я люблю Сеньку? Сама не могу отчета себе отдать.

Из воспоминаний:

Позже он приехал в Москву. Он был вторым секретарем Одесского горкома партии. Он умолял меня выйти за него замуж. Обещал хорошую жизнь, учебу, звал в Одессу. Но я уже тогда

понимала разницу между нами, я сказала, что сначала должна достигнуть чего-нибудь в жизни…

Ох, как трудно было мне начинать жить.

Из дневника:

5 января 1927 года

Предполагала больше не писать дневник, хотела сжечь, а сегодня опять пишу. Пишу, потому что скучно и тяжело. Вот уже в Москве семь недель, а все еще такая неопределенность, что жить неохота. Пока, вот уже несколько дней, совсем ничего не делаю. В мастерской прессом себе пальцы придавила (левую руку так, что делать ничего не могу). Счастье, что этим отделалась, – могло быть хуже.

Из воспоминаний:

Я вынуждена была пойти в амбулаторию, где мне наложили гипс. Испуганный хозяин сказал нам, что вынужден отказаться от нас, т. к. закрывает мастерскую. А когда я пришла домой, Броня позвонила Марку и все ему рас сказала.

До приезда в Москву Ася не видела двоюродного брата с 1918 года, когда они прятали его в своем доме от махновцев. Его биография во многом была типична для революционно настроенных людей того времени, но в чем-то она была уникальна.

Марк родился в 1895 году. Окончил Ковенскую гимназию, Институт экспериментальной психологии в Лейпциге, Одесскую школу прапорщиков. В школу прапорщиков он был принят, так как на войне 1914 года получил “полного” “Георгия”, и поэтому ограничения по “еврейству” были с него в соответствии с царским указом сняты как с “пролившего кровь”.

После Февральской революции 1917 года – председатель исполкома Херсонского совета. В Гражданскую войну – военком дивизии, участвовавшей в боях с Колчаком в Сибири. В 1922-м окончил Военную академию. В 1924–1928 годах работал в аппарате Реввоенсовета СССР.

После звонка Брони Марк отчитал сестру, предложил переехать к ним. Она категорически отказалась бросать подругу. Марк устроил ее на работу в Реввоенсовет, но через полгода она оттуда ушла – работа непыльная, не по ее активному характеру. Продолжала отмечаться на бирже труда, оттуда в конце концов получила направление на завод № 1 Авиахима, где работала сначала токарем-револьверщицей, а затем на фрезерном станке арматурщицей. На заводе она была и передовиком,

и комсомольским активистом.

Вот часть документа, написанного Асиной рукой:

Обязательство

Комсомольской бригады им. “Осоавиахима”

Арматурной мастерской цеха спец. Хрома в колич. 8 чел., организованная в день 1-го августа 1931 года в составе: Ужет, Засова, Гордеева, Шеванова, Прохорова, Никитина, Анонин, Халуев.

Учитывая рост социалистического строительства, долг каждого рабочего перед ним, становясь в передовые шеренги борцов за промфинплан…

Почувствовав себя увереннее, Ася стала чаще бывать в семье Марка. Вот тут-то и случилось событие, перевернувшее жизнь Аси.

Артур Вальтер

[2]

Артур Вальтер родился 18 августа 1898 года в польском городе Лодзь. Его родители – Елизавета и Яков Хавкины. У Артура были две сестры – Анна и Берта. Отец Артура был совладельцем хлопчатобумажной фабрики.

В 1908 году Артур поступил в 1-ю Лодзинскую гимназию. После начала Первой мировой войны мать с детьми эвакуировалась в Москву, где Артур в 1917-м закончил Черкизовскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета.

После заключения Брестского мира в 1918 году мать с дочерьми возвратились в Лодзь, а Артур остался учиться и одновременно работать в районном жилотделе Москвы. В это же время он вступил в Российскую социалистическую рабочую партию интернационалистов, что дало впоследствии повод обвинять его в меньшевистском прошлом.

Очень скучая по родным и не имея с семьей никакой связи, в августе 1918-го Артур на короткое время приехал в Лодзь. Это совпало по времени с проходившей там волной забастовок, в том числе и на фабрике его отца. Артур принял довольно неординарное решение – встать на сторону рабочих, несмотря на то что отец намеревался “принять его в дело”. В результате стачки требования рабочих были удовлетворены.

После событий на фабрике отношения сына с отцом осложнились, но все же некоторое время он жил в семье.

Друг Артура с раннего детства Михаил Бабицкий говорил, что сенсационное участие сына фабриканта в руководстве стачкой на фабрике отца сделало его объектом внимания польских органов политического надзора и ускорило его нелегальный отъезд в Россию, где шла Гражданская война.

В мае 1919-го Артур ушел добровольцем на Восточный фронт. Он был направлен на политическую работу в 5-ю армию. Будучи редактором газеты “Окопная правда”, органа политотдела 26-й дивизии, он в 1920 году поместил в ней свою статью о непорядках в работе отдела снабжения. И за “подрыв авторитета руководства” был привлечен к суду, но в связи с амнистией дело было прекращено.

На фронте Артур познакомился, а затем подружился с военкомом дивизии Марком Вольпе.

Пока Артур находился на фронте, произошло слияние его партии с Российской компартией (РКП (б)). В результате этого

принципы “пролетарского демократизма” меньшевиков оказались несовместимы с линией российских коммунистов. Более того, были случаи репрессий по отношению к однопартийцам Артура. Поэтому он подал заявление о выходе из рядов РКП.

> В ЦК РКП
>
> …Будучи сторонником полной легализации меньшевистской организации и предоставления ей права участия в государственной жизни страны, я не считаю возможным находиться в рядах РКП, а потому прошу считать меня выбывшим из нее.
>
> *Хавкин.*
>
> P. S. При сем прилагаю свой членский билет.

После демобилизации в феврале 1921 года Артур вернулся в Москву, где поступил рабочим на металлургический завод Гужона (вскоре переименованный в “Серп и Молот”).

Работая на заводе, он стал корреспондентом “Правды”. Своими статьями привлек внимание Марии Ильиничны Ульяновой, ведавшей рабкоровским отделом газеты. Она предложила Артуру перейти в “Правду”, но он отказался.

Еще на фронте Артур познакомился с Ю. Ю. Мархлевским, который несколько позже стал Председателем ЦК МОПРа (Международная организация помощи борцам революции). В начале 1924 года по его приглашению Артур перешел на работу в эту организацию. Ее деятельность, помимо пропаганды коммунистических лозунгов, заключалась в оказании материальной помощи детям революционеров, рабочим, крестьянам и всем остальным, пострадавшим в борьбе за левые идеалы. В Германии МОПР назывался *Internationale Rote Hilfe* – Международная красная помощь.

В конце 1924 года Артур закончил работу над книгой “Большая солидарность” о деятельности МОПРа в СССР. Книга была издана, а затем переведена на несколько европейских языков, в том числе на немецкий.

В марте 1925-го Артур приехал в Берлин для организации 1-го Международного конгресса МОПРа. Там он познакомился с активисткой немецкой Красной помощи Бертой Даниэль и ее семьей – мужем Рихардом и четырехлетней дочкой Лорой.

С Бертой у Артура завязалась дружба, переросшая затем во взаимную любовь. Все это могло кончиться разрушением брака, но из-за маленькой дочки семью удалось сохранить. Позже у Артура и Рихарда сложились товарищеские отношения.

А с Бертой его долгие годы объединяла общая работа.

Когда Артур бывал в Берлине, он всегда заходил к ним в дом, где его с радостью принимали. Берта в своих письмах вспоминает, что Артур очень любил музыку, особенно Бетховена, сам прекрасно играл на фортепиано. Ему нравилось играть в четыре руки с гостившей в их доме польской преподавательницей музыки. Особенно Берте запомнилось исполнение ими концерта Бетховена.

Артур крепко подружился с маленькой Лорой, которая его очень любила.

Вот выдержка из ее письма, написанного много лет спустя:

> Дядя Артур, добрый хороший дядя Артур. Он никогда не повышал голоса, был тихий и очень скромный. Однажды он подарил мне детский граммофон с набором пластинок – увертюры из опер, симфонические концерты и т. д. Так я с ранних лет научилась любить классическую музыку.

С 1925 по 1931 год он постоянно живет в Польше и работает в запрещенной польской компартии. Вот тогда он и взял себе псевдоним Вальтер.

Артур неоднократно бывал в Берлине, где находилось руководство нелегальной партии. В апреле 1929 года польская контрразведка “Дефензива” арестовала его и допросила на предмет принадлежности к компартии. Он, естественно, все отрицал и за незаконный переход границы из Германии в Польшу был осужден на десять суток тюрьмы.

В Польше Вальтер жил под видом скромного учителя музыки.

Артуру иногда удавалось нелегально съездить в Москву, где он бывал в доме своего друга Марка Вольпе.

Любовь

Из воспоминаний Аси Ужет:

Имя Артура я впервые услышала в 1926 году, в семье моего двоюродного брата Марка Вольпе, в то время крупного военного.

Участник Гражданской войны, командир 26-й дивизии, он в составе 5-й армии освобождал Сибирь от Колчака. Жена его Галина Федулова – дочь знаменитого в Сибири коннозаводчика Федулова – вышла за него замуж в Барнауле, после того как пришедший туда с 5-й армией Марк реквизировал у Федуловых все их богатства, поселился в их квартире вместе со всем штабом (сам Федулов был тяжело болен, лежал и очень скоро умер). Там любовь соединила черноволосого кудрявого красивого еврея-большевика с русской красавицей купчихой Галиной. Мать ее прокляла в главном соборе Барнаула.

Они вместе прошли всю Гражданскую войну, а с 1924 года поселились в Москве. В это же время Галина вступила тайно от матери в переписку со своей младшей сестрой Катериной (по-семейному – Котей), пригласила ее к себе в гости. Та приехала и вскоре вышла здесь замуж за друга Марка – тоже военного, большевика, еврея Георгия Иссерсона, повторила судьбу своей сестры и так же была проклята.

Когда у Галины и Коти родились дочери Галочка и Иренка, мать их, Фелицата Павловна Федулова, приехав посмотреть на внучек (они-то прокляты не были), так и осталась с ними в Москве, горячо полюбив своих зятьев и девочек.

Это была очень красивая женщина, великолепная рассказчица, добрый человек. Сколько историй она мне рассказала о жизни своей в дореволюционной Сибири. Это было более увлекательно, чем романы Мамина-Сибиряка.

Марк дружил с Артуром с 1919 года, они воевали в 26-й дивизии 5-й армии на Восточном фронте. Когда я приехала в Москву, я ходила к ним обедать по воскресеньям. Здесь я и услышала про Артура. Галя мне сказала: вот скоро он приедет, перед ним на коленях стоять нужно, это необыкновенный человек, он на подпольной работе в Польше, его ищут, преследуют, а он живет там под видом учителя музыки. Он мог бы стать знаменитым музыкантом, но он от всего отказался, единственное его дело – революция на родине.

После этого разговора я не переставала думать о нем. Я тайно любовалась его фотографией, без конца расспрашивала о нем. Он стал моим героем, идеалом. Я искала дела, достойного его, много читала, занималась самообразованием, я мечтала о нем

и решила, что всю свою жизнь посвящу ему, но никогда ему об этом не скажу. Кто я? Штамповщица, необразованная, невоспитанная, плохо одетая, с трудом кончившая семилетку, да и старше он меня на десять лет. Но прошло около двух лет, прежде чем я его увидела. Никогда не забуду, как это случилось.

Маленькая Галочка заболела свинкой, а я пришла к ним и заразилась. У меня поднялась температура, и я осталась болеть с ней. Хотя я почему-то очень тяжело переносила детскую болезнь, у меня было хорошее настроение. Не нужно было ездить в Марьину Рощу, где я очень боялась вечно пьяного хозяина-сапожника и его подмастерьев.

Я лежала на большом диване, на чистой постели, обо мне кто-то заботился, а когда никого не было, ко мне забиралась маленькая Галочка, и мы с ней играли. У меня была высокая температура, распухшая перевязанная шея, и очень воняла ихтиоловая мазь. Однажды вечером Галочка уже спала, я лежала в темноте и смотрела на уличный фонарь и тени на стене. Вдруг звонок, кто-то бежит, отворяет, восклицания, поцелуи, крик Галины: “Марк, смотри, кто приехал”, чей-то незнакомый приятный голос.

А сердце мое сжалось-застучало – это Артур. Долгая беседа в соседней комнате за столом. Я прислушивалась, но плохо слышно, только голос его, как далекая музыка. Потом он уходит, но перед уходом хочет посмотреть на спящую Галочку, они все заходят, наклоняются над кроваткой ее, а я – притворяясь, что сплю, – вижу его такого, каким уже давно представляла: широкие плечи, большая голова, вьющиеся черные, блестящие волосы, прекрасная улыбка, большие добрые, умные карие глаза, высокий. Потом он видит меня, шепотом спрашивает: кто это? Марк: это моя сестра Ася. И где-то на одно мгновение в темноте (свет только с уличного фонаря) наши глаза встретились.

Какие дни наступили в моей жизни! Внутри все ликует, поет, я твердо решаю, что я с помощью Артура найду наконец-то для себя настоящее дело. Я должна отдать свою жизнь за дело революции, за дело, которому посвятил свою жизнь Артур. Ох, как я тяну с выздоровлением, как жду встречи с ним. В отчаянии я, вопреки предупреждениям врача, без конца мажу свою шею сильной мазью, пока там не начинается воспаление, и я с температурой остаюсь у них еще на несколько дней. Наконец Галина говорит: в воскресенье мы все – и Артур – приглашены на обед к тете Анюте (старшей сестре Марка). Я тут же выздоравливаю, уезжаю в свою Марьину Рощу, тщательно стираю

свои тряпочки – так называемое белье – и глажу, без конца глажу свое единственное платьице, синее с красным воротничком.

У тети Анюты я сажусь рядом с Артуром, и начинается разговор, разговор взрослого, умудренного опытом человека с маленькой глупенькой девочкой. Сразу ласковый тон, сразу – ты, Асенька, а во мне звенит его голос – музыка, и его добрые-добрые глаза, которые смотрят в мои и что-то спрашивают. Шутливые ухаживания за столом, а я ничего не вижу, никого не слышу. Но мне кажется, что это не любовь к нему, а любовь к его делу. Уезжали мы все вместе, а нам с Артуром оказывается по дороге. Но мы никуда не едем.

Мы идем гулять по Москве, которую он хорошо знает, идем к храму Христа Спасителя, к Новодевичьему монастырю, сидим на Воробьевых горах, а потом пешком, к утру уже, приходим в Марьину Рощу. Я пришла домой, разбудила Броньку, сказала ей, что гуляла с Артуром всю ночь, но он относится ко мне как к маленькой девочке, легла на свой топчан; Бронька скоро ушла на завод, где она работала, а я лежала и плакала, плакала весь день.

В эту ночь я рассказала Артуру всю свою жизнь, ничего не скрыв, а он мне рассказывал различные забавные истории из своей далеко не забавной жизни.

В этот день я работала в вечерней смене, приехала на завод, переоделась, получила инструмент и пошла к своему станку, к “Питлеру”, включила мотор, пела, работала, дремала, мечтала, думала о том, как же я опять увижу Артура, что нужно сделать, чтобы заслужить хоть немножко его уважения, как начать тот разговор, к которому я готовилась два года. К концу смены получила большой нагоняй от мастера – оказывается, наделала брака, а задание было срочное. Вышла в 12 часов ночи с завода, впереди предстоял длинный, опасный в то время путь в Марьину Рощу.

Подошла к трамвайной остановке и увидела Артура. Он приехал проводить меня, оказывается, я ему сказала, что страшно боюсь после вечерней смены идти по темной Марьиной Роще к далекому 5-му проезду, заходить в темную подворотню, входить в этот домишко, где подстерегают новые враги. Так начались наши встречи. Прошло еще несколько месяцев, пока я начала догадываться, что не только забота о сестре друга заставляет Артура быть внимательным, заботливым, ласковым ко мне. Он пробыл тогда в Москве три месяца, и не было дня, чтобы мы не виделись. Как я выросла за это время, как много я узнала и какие силы во мне пробудились, чтобы стать с ним вровень. Накануне его отъезда

после театра мы зашли к нему на Чистые пруды (впервые он пригласил меня). Он рассказал мне о той огромной и важной работе, которую он ведет, о том, что это дело его жизни. О той опасности, которой он подвергается в панской Польше Пилсудского, о том, что он не имеет права на личную жизнь, на личное счастье, что женщины в его жизни не играли большой роли и что никакая любовь не может изменить его жизнь. А глаза его говорили о том, что ему хочется счастья для себя, что он растерян, что он боится оттолкнуть меня, но и боится быть со мной.

В тот вечер я ему сказала, как давно и сильно я люблю его, что я ничего не боюсь, мне ничего не страшно, я хочу жить так же, как он, жить для него, для его дела. Кроме нежных поцелуев ничего в ту ночь не было, он выпроводил меня из дому, проводил в Марьину Рощу, гладил лицо, целовал глаза. А утром приехал, собрал мои вещички, и увез он меня к своей старой знакомой по Польше, старой большевичке Зосе Осинской – сестре Уншлихта, и поручил ей беречь меня до своего приезда через год.

Это была прелестная женщина, которая тактично руководила моим чтением (впервые я увидела большую личную библиотеку), приобщала меня к культуре, ходила со мной в театры, музеи и открывала передо мной новый для меня мир, мир музыки, поэзии, искусства. Во время своего пребывания в Москве Артур познакомил меня еще с несколькими своими друзьями, а главное – с Сонечкой Шамардиной, которая в это время работала председателем ЦК РАБИСа[3], а дом ее был центром всех талантов Москвы.

Так я познакомилась с Маяковским и Лилей Брик, с Сергеем Третьяковым, Борисом Пильняком, Михоэлсом, Мандельштамом, молодой Раневской, со знаменитыми в то время художниками, сдружилась с Тышлером, видела там два раза Мейерхольда с женой. Приезжала к ним и Лидия Сейфуллина вместе с Правдухиным. Часто приезжали их товарищи – белорусские политические деятели – секретарь ЦК партии Белоруссии Кнорин, председатель СНК Белоруссии Червяков.

И муж Сонечки Юзик Адамович в начале двадцатых годов был председателем СНК Белоруссии. Это был очаровательный дядька, силач с заразительным смехом, большими усами, безумно влюбленный в жизнь, обожающий свою жену. В это время он был крупным хозяйственником в Москве, а в начале тридцатых они с Сонечкой уехали работать на Камчатку, где память о нем сохранилась на долгие годы.

Познакомил меня также Артур и с семьей Георгия Пятакова, с его очаровательной женой Лилей, жившей у них родственницей

Мухой и двумя славными детьми. Я иногда бывала в доме на улице Грановского, заставала у них Мануильского, музыкантов, поэтов. Сам Пятаков был прекрасный пианист, дом у них был открытый, можно было привести кого угодно, вечерами пели, танцевали, рассказывали. Пятаков очень интересовался моей работой, подробно всегда расспрашивал, особенно после 1932 года, когда я перешла на работу в Метрострой. Почему-то очень запомнила один вечер в 1934 году, когда Пятаков пришел с заседания в Кремле и увлеченно рассказывал о проекте новой конституции.

В эти годы Артур продолжал свое нелегкое дело в Польше. В начале 1929 года он приехал ненадолго в Москву, засыпал меня подарками, одарил и одел как королеву, я стала его женой. Дальнейшая жизнь у Осинской была неудобна, мы стесняли ее и себя, вскоре я получила комнату в доме комсомольского актива на Стромынке, куда мы и переехали. С какой любовью и знанием дела обставил ее Артур. Где-то он достал старую мебель, овальный стол красного дерева, уютный диван и два глубоких кресла, был взят напрокат рояль. Артур был влюблен, счастлив, деятелен; какой насыщенной физической и духовной жизнью я жила, я все время думала: ну за что, за что мне такое счастье? Что сделать, чтобы удержать его? Какие чистые, благородные, талантливые революционеры меня окружали, к какой жизни я приобщилась. В атмосфере каких высоких целей, идей я жила…

А дальше их жизнь пошла так.

Артур и Ася получили жилье на Тверской улице в гостинице “Люкс”, которая была общежитием Коминтерна.

В 1931 году Ася начала работать в городском комитете ВЛКСМ. Артур по-прежнему работает в Польше. Долгие месяцы Ася проводит одна. Однажды она встретила на улице изможденную женщину, еле стоявшую на ногах от голода. Выяснилось, что она раскулаченная, муж ее сослан в Сибирь, а дома остались две девочки, старшей – четырнадцать лет. Ася привела эту женщину домой и оставила жить у себя. Конечно, она хотела помочь, но была еще одна причина. Ася ждала ребенка и сама нуждалась в помощи доброго человека. На многие годы тетя Паша стала членом семьи, а потом и любимой Юриной няней. Единственным сокровищем этой женщины был сундук, в котором хранилась икона. Позже Ася помогла дочкам тети Паши устроиться в Москве.

В 1932 году Артур был отозван из Польши и направлен в Париж для руководства “пунктом связи” Коминтерна.

Его псевдоним – Зигфрид Вальтер. Это была очень важная и ответственная работа. Все нити связей Коминтерна с компартиями других стран должны были вестись через аппарат, руководимый Артуром. 16 августа он уехал в Париж. Перед отъездом его восстановили в партии.

На этот раз его отъезд был особенно не ко времени. Ася вот-вот должна была родить. В одной из записок Артура той поры есть слова:

> Когда в 1932 году я уезжал за границу, жена Пятакова взяла "шефство" над моей женой, которая была в это время беременна.

Второго сентября 1932 года родился Юра. Артур увидел его только через два года. Главной помощницей Аси стала тетя Паша. Артур не мог ни приехать, ни написать. Иногда присылал через кого-то посылки. Что-нибудь "заграничное" для Аси и Юры: одежду, приятные безделушки, игрушки. Ася по-прежнему работала, Юра проводил дни с няней.

У него с тех времен долго оставались некоторые игрушки – красный самокат с резиновыми шинами, электрическая игрушечная железная дорога с маленькими вагончиками, металлический конструктор.

Юра дружил с немногими детьми, соседями по "Люксу". Сохранилась фотография тех времен – Юра сидит на диване рядом с маленькой девочкой. Эта девочка – Оля Форнальская. Отец ее – будущий первый секретарь польской компартии Болеслав Берут, тогда работник Коминтерна, мама – Малгожата Форнальская, одна из руководителей Варшавского восстания 1944 года, расстрелянная фашистами.

Асины дни проходят на горкомовской службе, в заботах о сыне, в постоянном ожидании Артура. Хорошо, что рядом были близкие друзья.

И вдруг она уходит добровольцем на строительство метро. Опять захотелось живого дела. Ася освоила несколько строительных профессий, была бригадиром, участвовала в проходке тоннелей, в сооружении станций "Сокольники" и "Дворец Советов" ("Кропоткинская"), была секретарем комсомольской организации дистанции. Позже ее даже избрали депутатом Моссовета.

Когда Юре исполнилось два года, Артур впервые увидел сына. Ненадого ему удалось приехать в Москву. Опять подарки, короткие часы с женой, ребенком, в своем доме.

Материально семья была обеспечена значительно лучше, чем многие другие. Был у них и немецкий приемник

“Телефункен”, и фотоаппарат “Лейка” – редкие тогда вещи. Артур смог наконец купить себе концертный рояль, о котором давно мечтал. На другом этаже “Люкса” ему дали отдельный кабинет. Там и стоял этот рояль.

Пробыв дома меньше месяца, Артур снова уехал в Париж.

А тем временем политическая атмосфера в стране делалась все жестче и жестче, особенно после подозрительного убийства С. М. Кирова, единственного в это время конкурента Сталину.

Из воспоминаний Аси Ужет:

> Первого декабря 1934 года ко мне в “Люкс” пришли взволнованные Лиля и Муха, вызвали меня вниз, там была система пропусков, и сказали мне об убийстве Кирова. Как это было страшно, как заболело сердце, заныло сильносильно. У всех нас в памяти было его прекрасное лицо, его выступление на XVII съезде партии. После этого Пятаков очень изменился и обычно, когда был дома, запирался у себя в кабинете. Лиля тоже часто была заплакана, мне тогда казалось, что у них какая-то личная драма. Как мало я тогда понимала жизнь.

Ася тоже чувствовала, что оказывается в каком-то тупике. Она опять хочет изменить что-то в своей жизни. И решает поступать в институт.

Наступает переломный 1935 год.

Глава 2

Миша Ценципер

О Ценциперах известно немногое. Борух вырос в большой семье в местечке Освея на берегу довольно крупного озера – естественно, Освейского. Жители – на 90 % евреи – занимались рыболовством. В этом местечке близ нынешней белорусско-литовской границы почти все носили фамилию Ценципер и были в той или иной степени родственниками.

Борух ходил года три-четыре в хедер, другого образования он не получил. Семья была невероятно музыкальной – каждый вечер до молитвы все пели. Самую большую карьеру среди родственников сделал полулегендарный дядя Боруха с отцовской стороны – выкрестился и дослужился до вице-губернатора где-то в Сибири.

Лет с двенадцати Борух начал уходить из дома на заработки и, постепенно двигаясь к югу, попал годам к шестнадцати в Севастополь. Здесь, пройдя все ступени профессии, он вырос до старшего приказчика в магазине-складе металлопроката. Металл Борух или Борис, как его стали называть в находившемся за чертой оседлости Севастополе, знал так, что, лизнув кусок стали, мог определить ее состав. С особой гордостью он вспоминал, как подбирал “рельсу” для силача-борца Ивана Заикина, который должен был эту “рельсу” вечером в севастопольском цирке согнуть.

Борис Ценципер был, по-видимому, удачливым и осторожным делателем своей карьеры. Завел дело, расширял его, богател, переезжал во всё лучшие квартиры. Открывал магазины, обзавелся мельницей в Мелитополе. Украшением его бизнеса был кинотеатр – первый и единственный в Балаклаве под Севастополем – “Черномор”. Ко времени революции возникло еще какое-то суденышко – тоже “Черномор”, о котором Борис говорил: “На корме была будка – гальюн. А когда остатки белых бежали в Стамбул, мое суденышко отобрали, не заплатив”.

На сцене балаклавского кинотеатра перед сеансом пел брат Бориса Соломон, весельчак, композитор и нахлебник, которого Борис содержал как “человека искусства”. Впрочем, он и сам был очень музыкальным – любил и оперу, и настоящую русскую народную музыку (например, хор Пятницкого). В конце жизни он как-то называл по памяти оперных композиторов и знаменитых исполнителей. Набралось больше сотни.

Последними же его словами были: “Как много я работал. Всю жизнь. Работа, работа!”

Третьего января 1911 года Бонца Аронов Ценципер, мещанин, и Рухель Лазаревна Перепелицкая, дочь Брацлавского мещанина, вступили в брак. О чем сделана запись в книге евпаторийского раввина в присутствии симферопольского раввина (*Метрическое свидетельство).*

Жена Бориса Рахиль постоянно болела – у нее была астма, от последствий которой она много лет спустя и умерла, категорически запретив брать на похороны внуков. Она лежала на высоких подушках, постоянно курила средство от астмы “Астматол” и была неизмеримо более культурным человеком, чем ее муж. От бабушки Володя впервые услышал стихи Брюсова, Саши Черного, Переца Маркиша и других.

Двадцать девятого сентября 1913 года у них родился первенец – Моисей, он же Мося или Миша. В 1915 году на свет появился Самуил или Муля, которого с юных лет все называли Тарасом: их отец был большим мастером на прозвища. В 1917 году родилась дочь Ада.

У Рахили было три брата и сестра Берта (Буся), которая то кем-то работала, то как-то перебивалась – в основном тоже за счет Бориса. Один из братьев, большевик Исаак, был зарублен белыми. Другой, Наум, уехал в 1927 году в Палестину и стал одним из основоположников государства Израиль. Третий, Эммануил (Муня или Маныл), был по своему возрасту и характеру близок Мише, любим им и почитаем – скорее как брат, чем как дядя.

До революции квартира Ценциперов-Перепелицких иногда использовалась для конспиративных встреч, на которых бывал будущий знаменитый советский полярник, начальник первой ледовой экспедиции Иван Папанин. Папанин после революции несколько раз помогал семье наших деда и бабушки выходить целыми и невредимыми из разных советских перипетий.

Справка

В гор. Севастополе на квартире т.т. Ценциперов Б. А. и Р. Л. проходили конспиративные встречи подпольной большевистской группы. Часто проживал у них и активный подпольщик – большевик Перепелицкий И., зверски убитый белогвардейцами.

Подписи членов преднизовой партячейки:

т. Переведенцев Н. И.,

члены партии т.т. Левитин И. С., Росин П. Э.

Благодаря таким документам Ценципер Б. А. в 1929 году “был восстановлен в избирательных правах, которых он был лишен, так как жил на нетрудовые доходы от эксплуатации мельницы и собственной квартиры на Б. Морской улице дом 7 в гор. Севастополе”.

Учился Миша в школе № 3 – руководил редколлегией школьной газеты и учкомом, преподавал рабочим. А его первой любовью стала школьная пионервожатая Бронислава Мексина, которая была на несколько лет старше.

В 1928 году он с отличием закончил школу и пошел работать в Ликбез Городского отдела народного образования. С ноября 1929 года в течение двух лет он работает в электромеханических мастерских и становится слесарем-инструментальщиком – представителем “аристократии рабочего класса”, как он с удовольствием характеризовал эту профессию годами позже.

Он все сильнее сближался с Брониславой. В восемнадцать лет он писал о ней матери:

> Мои чувства начали складываться еще с самого первого момента появления Б. в школе. Я с самого начала почувствовал в ней очень яркую, очень выпуклую личность.
>
> Все в ней вызывало во мне симпатию – и ее работа, и отношения с ребятами – все то, в чем она себя так или иначе проявляла. Ее с каждым днем чувствующаяся незаурядность все более завоевывала меня.
>
> Очень скоро мои чувства приняли новый оттенок, углубляясь с каждым днем.
>
> Я полюбил.
>
> Наличие у меня немалой самоуверенности, известной настойчивости способствовало тому, что я мало задумывался. Я был точно подвыпивший.
>
> К тому же чувствовал и со стороны Б. те же зарождающиеся симпатии. Чувства наши росли.
>
> Она тоже в то время мало задумывалась над тормозящими факторами и действовала, ориентируясь главным образом на свои чувства, зажмурив в то же время глаза на всякие там “разумности”.
>
> Я все это отлично видел, часто ей об этом говорил.
>
> Но, тем не менее, не останавливался, стараясь

забывать о противоречиях (и подчас действительно их забывая). Мне ведь так хотелось не знать, не чувствовать, что все шито белыми нитками, что швы недолго выдержат! Но факт оставался фактом и давал себя подчас ощущать довольно остро. Я чувствовал неизбежность печального и недалекого финала.

Отсюда вполне понятно, что наряду с исключительно радостным чувством у меня все более и более пускало корни чувство горечи.

…Дни летят. Постепенно у Б. проходила первая острота порыва – отношения начинали терять свою упругость, начинаются разговоры о том, что, мол, разум несправедливо отброшен. Я почувствовал конец. Но как-то все еще не хотелось осознавать наличие этого факта.

А действительность все настойчивее этого требовала.

Желательного выхода не было.

Было очень тяжело, пришлось уехать. В Севастополе как-никак было бы труднее ощущать разрыв, вернее, связанные с ним последствия.

Я не сказал Б. о настоящей причине отъезда – думаю, она и так поняла…

Точность самоанализа и уверенная способность сформулировать выводы удивительны для столь молодого человека. Слова “наличие у меня немалой самоуверенности, известной настойчивости” точно передают одну из главных составляющих его уже сложившегося характера.

От Брониславы он, вероятно, заразился тяжелой формой туберкулеза – у нее была открытая форма. Болезнь требовала систематической специальной диспансеризации и довольно частого клинического вмешательства (пневмоторакс). Только спустя несколько десятилетий он снялся с диспансерного учета.

Дружественные отношения с Брониславой сохранились надолго. Вот выдержки из ее письма к нему от 1934 года:

Завтра замечательный день. Тебе исполняется 21 год. Родной, любимый, поздравляю тебя. Моим искренним желанием является видеть тебя всегда бодрым, энергичным, жизнерадостным. Расти, мой друг, физически и духовно. Пусть каждый день твоей работы еще крепче сольет тебя с большевиками, но не теряй своей индивидуальности. Пусть кричит твое я, растут вверх мысли. Пусть славные дела Ценципера сделают его имя нарицательным. Синонимом побеждающей мысли

должна стать ЦЕНЦИПЕРОВЩИНА. Я так хочу!

Столица манила севастопольцев. Бывший одноклассник Сергей писал Мише из Москвы:

> Был в Мавзолее, торжественно-печальное настроение. Вчера я ходил на похороны Скворцова-Степанова. Пробраться к улицам, по которым должны были нести урну с прахом, было невозможно, так они были оцеплены конной и пешей милицией. Процессию ближе чем на 150–200 шагов видеть было нельзя (не пускали). Затем под звуки “Интернационала” замуровали урну, и все стали расходиться. Члены правительства пошли к воротам Кремля. Я стоял около ворот и видел их: впереди шли Рыков со Сталиным, затем группа, среди которой я различил Бубнова, Енукидзе. Затем еще видел т. Луначарского. Остальных не рассмотрел, глаза разбежались.

Другого товарища-севастопольца тоже интриговал недавно построенный Мавзолей:

> Мне одна женщина, объясняя, как пройти к Мавзолею, сказала: “Дойдете до магазина ГУМ и увидите Мавзолей”. По дороге я подумал: чудачка, она думает, что ей здесь Мелитополь, “дойди до магазина…”, как будто мало здесь магазинов. Прямо-таки дура… Но представь себе, что мне встречается громадный дом с шикарнейшими витринами. Мне сказали, что это и есть ГУМ. Я зашел в середину. Ты не представляешь, какое впечатление он производит. Это целый торговый город. За одни золотые и бриллиантовые вещи можно было бы купить весь наш Мелитополь с хвостиком. Был я еще в двух музеях: Румянцевском и Музее изящных искусств.

К 1931 году Михаил тоже перебирается в Москву. Его первая московская работа подтверждена документально:

Справка № 298

Данная гр-ну Ценциперу М. Б. в том, что он действительно состоит на службе в механических

мастерских механического парка Треста “Гордорстрой” в должности слесаря-инструменталиста.

Он пишет домой:

> Работой своей (не местом, конечно) я очень доволен – я многому тут научусь. На днях мы переходим в новое помещение (специально выстроенное), которое великолепно оборудовано, где очень светло и тепло! Зарабатываю я только из расчета 200 рублей в месяц. Правда, в том месяце я заработал очень немного, так как, во-первых, приспосабливался к новым условиям и, во-вторых, расценки были даны очень низкие. В общем, материально я обеспечен недурно. Купил теплую шапку за 26 рублей.
>
> Наш мастер придумал один очень интересный измерительный прибор, разработку, конструирование и изготовление которого поручили мне. Все я это с успехом выполнил, но пришлось 2 дня ночевать на заводе.

В письмах в Севастополь он как старший брат обращается к младшим, дает им советы:

> Домашние обязанности мамы надо свести к минимуму, все не занятые должны в этом помочь. Ведь ты, Тарасик, да и ты, Ада, – уже не малые ребята – должны по-взрослому подходить к таким вещам, должны вникнуть как следует в их серьезность. Мало и нехорошо ограничиться тем, чтобы вовремя растопить печку, вымыть посуду, подмести, сходить за хлебом и т. д. Надо, чтобы все это делалось без перебранки. Меня неприятно поразило, что (как пишет Тарас) вы часто ругаетесь. Не хочется приводить шаблонные фразы о том, что это нехорошо, что надо жить мирно и т. д. Постарайтесь и без этого продумать свои действия, знайте только то, что мне это очень неприятно. Не ищите виноватого – виноваты оба – один в большей, другой в меньшей степени.
>
> Ты, Тарасик, пишешь, что у вас дела в ФЗУ[4] очень неважные. Горевать тут особенно нечего, это, конечно, неприятно, но свет клином не сошелся на этом ФЗУ. Главное – не охлаждай пыла в учебе и в работе. То, что ты (хотя бы и пока) отошел от общественной работы,

очень нехорошо – это неизбежно приводит к тому, что твои действия и мысли в основном вращаются в узко-замкнутом кругу (это относится и к Аде). Но, с другой стороны, надо, чтобы ты ни в коем случае не занимался ею механически. Поэтому обязательно работай, но там, где работа тебя интересует и увлекает – пускай она даже самых небольших размеров.

А вот его оценка происходящего в стране, когда Ада жалуется брату на какие-то безобразия в ее школе:

> Сейчас все и всё переворачивается вверх ногами. То, что сейчас проделывается в нашей стране, нигде и никем до этого времени не делалось – учиться, следовательно, не у кого! В результате неизбежные промахи.

Это был не официальный лозунг, но его личное глубокое убеждение.

Ярким периодом в московской жизни Миши с марта 1932-го по март 1935 года была работа на Электрозаводе в качестве слесаря-лекальщика высшего разряда инструментального цеха, а потом – помощником начальника цеха. У него были золотые руки. На заводе он много занимался комсомольской работой, был членом заводского комитета комсомола, в 1933–1934 годах – членом пленума Сталинского райкома ВЛКСМ города Москвы. По совместительству преподавал в школе рабочей молодежи, начал печататься в многотиражке, занимался самообразованием и очень много читал.

Знакомство

В марте 1935 года Ася поступила на курсы для подготовки к экзаменам в педагогический институт. Десять лет прошло с окончания семилетки в Витебске, где, по словам Аси, “научили читать и писать”. Со школы она мечтала стать учителем. На исторический факультет тогда нужно было сдавать, помимо литературы и истории, математику, физику, химию и другие предметы.

На курсах она познакомилась с 21-летним Мишей Ценципером, работавшим на Электрозаводе, имевшем несомненные способности к точным наукам и поступавшим на физико-математический. Они подружились, понравились друг другу, Миша стал помогать ей готовиться к экзаменам. А на экзаменах Миша ухитрился сдать за нее математику и физику, используя бесполость фамилии Ужет. На экзамен по химии он отправился вместе с Асей и уговорил преподавателей поставить ей тройку. Ну, а литературу и историю Ася сама отлично сдала.

Спустя несколько месяцев в своем письме она пишет Мише:

> Наша дружба с тобой – это не обычная дружба. Я всегда удивлялась той легкости, которую мы чувствовали, когда были вместе. Хотя мы целый месяц с утра до ночи занимались, нам никогда не было скучно, мы никогда не надоедали друг другу, не утомлялись присутствием друг друга, наоборот – всегда было интересно. Я очень скоро почувствовала, что это не обычная предэкзаменационная лихорадка, и немного испугалась этого. Я знаю, что и ты испугался вдруг сразу возникшей между нами душевной близости.

Энергичный, эмоциональный, эрудированный молодой человек и замужняя женщина, красивая, умная, с двухлетним ребенком. Жизнь соединила их в эти дни навсегда.

Пятнадцатого мая 1935 года в Москве открывается первая линия метрополитена “Парк культуры” – “Сокольники”. Асю наградили Почетным знаком Моссовета, очень качественно сделанным – серебро, эмаль – и похожим на орден Ленина. А накануне открытия метро счастливая Ася вместе со строителями проехала на первом поезде.

Через несколько недель Ася пишет Мише:

А после вечера 22-го я вспомнила всю свою жизнь, вспомнила, что я старше тебя на 4 года (а для женщины это очень много), и испугалась, что я могу внести что-то нехорошее в наши отношения. Миша! Постарайся это понять – это очень важно. Я хочу, Мишка, чтобы ни одного темного пятнышка я в твою юность не занесла. Я знаю, как больно они переносятся и как медленно и болезненно залечиваются.

Видно, были тогда в Асиной жизни какие-то глубокие обиды. Какие? – остается загадкой…

В сентябре вернулся Артур, чтобы работать в Москве.

Двадцать девятого сентября Мише исполняется 22 года. Ася шлет телеграмму:

ЖЕЛАЮ ЕЩЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ЛЕТ ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ РАДОСТНОЙ ЛЮБВИ ЦЕЛУЮ АСЯ

Она вычла из 100 лет 22 года и получила 88! Об этом со смехом вспоминали долгие годы.

Миша в тот же день отвечает:

Мне сегодня 22 года. И я не хочу, я не желаю думать о том, что жизнь дарит нам не только золотое солнечное тепло. Те, кому нечего больше делать, те пусть подсчитывают, чего же больше на нашей планете – света или теней? А я не хочу над этим задумываться – я люблю, и мне некогда! Я хочу иметь – пусть немногие – но такие чудесные радости, которые дарит мне сегодняшний день.

Пусть здравствуют радости жизни! Это от них ее сила, ее хмельные запахи, все ее ослепительное цветение.

Я знаю, что жизнь во всех ее проявлениях полна глубочайшего трагизма. Он не всем по плечу, и многие-многие – особенно в быту – не преодолевают серенькое спокойствие змей – взлетами и падениями воинствующих соколов. Этих людей – печальных и зябких – вполне устраивает тихенькая, сентиментальная идиллия – без дум, без тревоги. Они коротают свой век, считая часы и минуты…

Я смертельно боюсь этой рутины, я ненавижу ее всеми фибрами своего существа. Я не знаю, как сложатся остальные “88 лет” моей жизни, насколько они окажутся насыщенными счастьем и радостями. Быть может,

еще не раз обожгу я свои беспокойные пальцы. Пусть – это лучше мирного спокойствия ужей.

Асенька! Милая, хорошая моя! Я не буду таиться – мне очень больно от того, что ты не со мной. Да ты и сама это знаешь…

В его письмах того времени – море страсти:

Я люблю тебя так, как не любил даже Броньку. Я готов сделать все, чего ты захочешь. Все свои мысли, самые лучшие чувства, всю ласку юности я готов отдать тебе. Если б было иначе – я бы не встречался с тобой. Впервые в жизни я поступаюсь своей гордостью. Я заставляю себя не думать о том, как ты живешь, что у тебя особая жизнь.

Разве нужно говорить, что я был бы безмерно счастлив, если бы ты бросила все и вся и пришла ко мне? Мне кажется, что и ты была бы счастлива. Но ты слишком глубоко свыклась с мыслями, что жизнь свою менять нельзя. Я не знаю – плохо ли это, хорошо ли, но это так. И мне очень больно от этой мысли.

Чуть ли не в каждом письме звучит одно: мы должны жить вместе. Ася должна покинуть “этот круг” и прекратить общаться с этой “мерзостью” – Миша презирает ее номенклатурных знакомых. Оба были продуктом пролетарской школы, оба верили, что страна идет к социализму.

Миша пишет:

Жизнь в нашей стране так прекрасна – сделаем ее еще лучше – так, чтобы искры летели.

Признать “буржуазную” прослойку вокруг Аси он не мог:

Если ты будешь продолжать (хоть сколько-нибудь долго) так жить – я знаю – это приведет к грустному концу. Я не хочу этого! А ты – разве ты хочешь этого? Уйди, родимая, оттуда.

О будущем не стоит сейчас загадывать. Я только хочу быть совершенно уверенным в том, что жизни наши – твоя и моя – должны быть хорошими, мужественными, достойными времени и страны нашей.

Наконец Ася решилась все рассказать мужу. Какова была его

реакция – неизвестно, но, видимо, он понял ее. Однако настоял, чтобы она продолжала жить в “Люксе”, хотя бы ради Юры.

Вот как пишет отец спустя 60 лет о том времени в письме к сыновьям:

> В конце 1935 года мама обо всем рассказала Артуру. Было решено, что мама с Юрой продолжают жить пока в “Люксе”.
>
> Мне такая жизнь казалась недостойной (да и маме тоже). Я настоятельно просил-требовал: или – или. Говорил, что получу комнату в общежитии, уйду в отпуск (чтобы работать) и т. д. Мама временами говорила о том же: если надо – пойду работать. Юру пока что отправлю в Сталино к своим родителям и т. д. Было обоим очень сложно, больно, да и просто стыдно за эту двойную жизнь вразрез с нашими идеалами.

Артур и Ася стали жить в разных номерах. На одном этаже в комнате осталась Ася с маленьким Юрой и тетей Пашей, а на другом – где был рояль – обосновался Артур. Формально они оставались мужем и женой.

Встречать в Москве Новый, 1936 год не хотелось, и Ася вместе с Юрой поехала в Томилино на дачу к знакомым. Вот что она писала в Севастополь, где гостил у родителей Миша:

> Я тебе больше не завидую. Ей-богу, здесь не хуже, чем у тебя. Сегодня каталась на коньках, хотя я и не умею, но это такое огромное удовольствие – носиться по льду, чувствовать себя молодой, сильной. Я обязательно должна в этом году выучиться хорошо ездить.
>
> К сожалению, я совсем не обладаю твоими способностями описывать природу, а здесь прекрасно-белая нетронутая земля, тихие бело-зеленые деревья, какой-то совсем особый воздух и тишина, которой, конечно, сейчас на море не может быть.
>
> Я совсем задохнулась сегодня. Легла на снег, сверху на меня падали большие хлопья белых звезд, и я кричала от удовольствия.
>
> Мой родимый, почему мы не можем быть вместе, когда так хорошо.
>
> Увлекаюсь беллетристикой – читаю много.

Описывать свои впечатления Миша действительно умел.

Он часто пишет о Севастополе:

> Через несколько часов я в Севастополе. Крым чувствуется даже сквозь закрытые окна вагона. Снега нет и в помине. Небо совершенно голубое и какое-то удивительно высокое. А главное – солнце! Только что был Бахчисарай – выходил за яблоками, и сразу же оно обласкало меня, старого своего знакомца.
>
> А сейчас за окном кружатся горы, бегут стремительные тополя и вот-вот покажется… море!

> Пять дней тому назад подумали кататься на парусной яхте и все ждали ветра. И вдруг вчера подул такой хороший, чуть-чуть сдвинутый норд-ост. Катались часа три – до самого заката солнца.
>
> Устали как черти, но зато, что за удовольствие получили!..

> С утра сижу на Приморском бульваре, внизу у скал… высоко в воздушной сини – кружатся серебряные от солнца чайки и похожие на чаек самолеты. Только что вышел в море огромный крейсер. На нем оркестр, и еще слышны звуки марша.

> …Вчера много часов бродил по знакомым улицам. Город освещен очень слабо. Старенькая электростанция совсем выдохлась, а новая, большая, еще не готова. Но местные жители в очень хороших отношениях с луной, и – спасибо ей! – можно разгуливать, не рискуя повредиться на бесчисленных ухабах и всяких там вероломных мостиках.
>
> Улицы тихие-тихие. Только изредка грохочет машина, всполошив голосистых собак. Да еще то тут, то там слышны звуки – “всплески” поцелуев (в этом городе просто грех не целоваться) …

Миша постоянно пишет о книгах, вызывавших у него страстное отношение на протяжении всей жизни:

> Как это ни странно, почти нет свободного времени. Даже читать не успеваешь – за все время прочел только 2 книги: “Тартарена” и прекрасные “Причуды природы” – сборник Цвейга.
>
> Эту последнюю я читал, когда мне было 14 лет (точно так же, как Боккаччо и Мопассана) – т. е. когда я

ровнехонько ничего не понял. А сейчас я читаю ее (там несколько лучших рассказов) – и в неистовом восторге. Цвейг хотя и не так грандиозен, как Р. Роллан, но в художественном отношении, пожалуй, даже сильнее его.

Я постараюсь, чтобы эта книга побывала и у тебя.

Прочел Олешу (я тоже купил его “Избранное”). “Зависть” – очень хорошо (помнишь “ветвь, полную цветов и листьев”?). Хороши сказания о Ньютоне, о синих грушах. Особенно конец – “не надо мне ваших синих груш!”

Взялся перечитывать замечательную работу Плеханова – “К вопросу о монистическом взгляде на историю”[5]. Но здесь дело идет много медленней, чем с Олешей…

Я читаю сейчас В. Катаева “Белеет парус одинокий”. Помнишь, в институте, тогда на вечере, он читал отрывок (Петька считает до миллиона и пр.). Чудесная книжонка – солнечная такая, радостная. И для ребят, и для нас хороша…

Достал интересную книгу. Об исторических памятниках, сооружениях. Я ее привезу – ты, наверное, тоже найдешь в ней интересные для себя вещи.

Это оттуда я вычитал об Армагеддоне. Узнал о китайской династии Мин. О прекрасном сыне Аменхотепа III…

Мы отправимся с тобой бродить по Южному берегу; будем читать Г. Гейне о звездных ночах Италии, о ее соловьях и Франческах и будем радоваться, что у нас все это – и соловьи, и ночи, и Франчески!

К числу любимых книг Миши относились “Былое и думы” Герцена, Гейне, Горький, Маяковский, Диккенс (с его мистером Тутсом из “Домби и сына”), Ромен Роллан (“Очарованная душа”, “Кола Брюньон”). Кстати, Миша часто звал Асю – Ластой. Это из “Кола Брюньона”.

В письмах не раз с любовью упоминается маленький Юра:

Юрке скажи, что его наказ выполню: увезу полморя Черного, закуплю завод конфетный, захвачу печенья разного.

…Ты пишешь, что много времени уделяешь сыну.

Заботы о Юрике – радостные и счастливые материнские заботы. Этот маленький человечек – твой плоть от плоти. В нем твоя кровь, твои мышцы, твои соки.

…Воспитывай его, дорогая моя! Но не забывай себя. Это нужно и ему – сыну, – и мне. Он еще маленький и не может сказать тебе: “Отдохни, мама!” Я прошу поэтому за двоих: Асенька, милая, родная! Отдохни и не грусти. Обещай это, ладно?

Ася пишет:

С Юркой мне очень хорошо. Он такой разумный чудесный мальчишка стал, и у нас с ним очень хорошая дружба. Его все удивляет и радует.

Сегодня мы с Юрой приехали в Москву и целый день путешествовали. Ездили на речном трамвае, гуляли в парке, покупали сладости и игрушки, он, конечно, захлебывается от удовольствия и сейчас спит богатырским сном.

Вчера, когда я его купала, он меня спрашивал:

– Мама, а почему у меня только две ножки? Мне нужно больше. Мама, а кто сделал мне ручки?

Ася познакомилась с Тарасом и Адочкой, когда те приезжали в Москву из Казани, где учились в разных институтах. В их письмах к старшему брату и Асе в Москву интересны и восприятие ими того времени, и оценка друг друга.

Из письма Тараса:

Как вам нравятся ваши “соколы”? Забрали абсолютно все мировые рекорды высоты с грузом и имеют “нахальство” замахиваться на уцелевшие.

Юмашев, очевидно, в будущем году пустится в кругосветный скоростной полет на одном из “Антов”.

Следил ли ты за дискуссией “Известий” и “Правды” о джазе? Плохо, что “Правда”, при относительно большей правоте, ведет себя, как и обычно, очень грубо, и она, да и “Известия”, весь свой пыл выпускают на оппонента в первую очередь. А в результате на деле по всему Союзу джаз в его худших формах вытеснил не классическую музыку, а настоящий музыкальный джаз.

Адочка жалуется старшему брату на милейшего, но, как ей казалось, легкомысленного Тараса:

> Он просто ленив и флегматичен до крайности. Когда ни придешь к ним в комнату, всегда разговор, шахматы, папиросы.
>
> Ясно, что в такой обстановке заниматься нельзя. Сколько раз я его звала в читалку! Все безрезультатно. А между тем у моих соучениц учатся братья на старших курсах, и учатся очень хорошо. И на каток, и в кино успевают сходить, и сестру навестить, принести ей что-нибудь вкусненького.

На старшего брата она тоже смотрела трезво:

> А поэтому хочу пожелать всего хорошего. Твердо верю в твои силы и возможности.
>
> А главное: побольше скромности и поменьше опьянений! Это делает человека не только умным (“большим”), но и приятным.

В конце июля 1936 года Миша зазывает Асю знакомиться с семьей и с Севастополем:

> Ласочка! У нас с тобой будет здесь своя комната и хорошее дружеское окружение вокруг.
>
> Будем играть в теннис и волейбол. Будем заниматься фотографией и стихами.
>
> Я так одуреваю от всех щедростей Крыма, что прихожу домой, беру томик Маяковского и ору, и горланю его звенящие стихи. Помнишь
>
> …Александр Сергеевич!
> Африканец!
> Ведь и ты бушевал…[6]

Она отвечает:

> Мишук мой, мне кажется, что будет лучше, если у нас с тобой не будет отдельной комнаты. Я могу прекрасно устроиться с Адой, а у нас с тобой будет лучше мир – море, берега и скалы его, степи, небо, сухая трава, цветы, и мы себя будем лучше чувствовать. Подумай об этом, милый, я бы хотела, чтобы было так. Так будет веселей и лучше.

Миша:

> В каком-то из недавних писем, переполненный самыми радостными чувствами, я, между прочим, написал тебе, что у нас будет с тобой своя комната. Ты пишешь сейчас, что этого не нужно, что ты “прекрасно устроишься с Адой”.
>
> Я хочу, чтобы так было. Я не знаю причин, которые заставляют тебя хотеть иной обстановки. Это могут быть очень маленькие и очень несложные соображения излишней стыдливости. (Перед кем? За что, за какие некрасивые дела?) Их можно легко перешагнуть.
>
> Но это могут быть и другие причины. Я никогда больше не буду говорить о них, но, если они есть, если тебя по-прежнему одолевают всякие сомнения – лучше не нужно никакого общения.

Осенью 1936 года Миша все настойчивее просит ее уйти из “Люкса”:

> Эти слова – не упреки, ты вольна делать только то, что желаешь (и это очень хорошо, что ты только это и делаешь). Но я не могу смириться с такими ограниченными чувствами в отношении себя. Ты – вторая женщина в моей жизни, которую я действительно люблю, люблю со всей силой своей юности. Я готов отдать тебе все, что имею. Но я жаден – и я хочу не меньшего от моей любимой. Я готов смириться буквально со всем, но только не с тем, что меня недостаточно любят.
>
> …Я хотел бы, чтобы у нас был наш ребенок. Все, что есть самое лучшее во мне, я отдал бы ему. Я не ропщу, что его нет, мне только очень печально, что это так… Я кончаю. Я вижу сейчас, что не вправе был требовать от тебя иной жизни. В тебе нет сил для нас. Это, может быть, не вина твоя, но это так. Живи по-своему, родная.

Это был конец. Через многие годы, уже в другом письме, отец писал:

> Самое страшное: ведь была настоящая обоюдная любовь, выверенная почти полутора годами общения и испытаний.

Окружающие мамы (родня и знакомые) знать ничего не знали, считая мамин брак все тем же, без единой трещинки. Обо мне никто ничего, разумеется, не знал.

Глубокой осенью 36 года я уже длить такую жизнь не мог: сказал маме, что если она окончательно не порвет с “Люксом” – мы будем врозь.

(Я имел в виду не отношения с Артуром – там все было ясно и внятно. Подразумевался этот двойной быт, эти недостойные “прятки”.)

Мама не смогла.

Сказала, что не вправе идти на разрыв, лишая Юру бытовых благ, няни и т. д.

Через считанные дни после разрыва случилась трагедия с Артуром.

Последние дни Артура Вальтера

Работая в Париже, бывшем не только мировым центром, но и центром русской эмиграции, Вальтер не мог не знать, что в действительности происходит в СССР. Информации хватало. И именно поэтому, как впоследствии стало известно, он советовал своим самым близким товарищам по возможности не ездить в Москву.

По всей стране тогда начались аресты по типовым обвинениям – "за активную контрреволюционную троцкистскую деятельность". Все инакомыслящие, оппозиционеры, хотя бы в чем-то не согласные с проводимой Сталиным политикой, становились врагами, террористами, шпионами и объявлялись троцкистами.

В сентябре 1935 года Артура вызвали в Москву и оставили работать в аппарате службы связи Коминтерна.

Между тем на него накапливались доносы – и в связи с его жизнью и работой во Франции, в дореволюционной России, в СССР, Польше, и по поводу его отношений с людьми, которые в глазах властей были врагами.

"Арно", парижский сотрудник Вальтера, в своих пространных доносах подробно рассказывает о привлечении им к работе людей, имеющих родственников и друзей – "троцкистов". В одном из доносов "Арно" пишет:

> Я работал свыше двух лет с Вальтером, за все время он никогда не считал нужным поговорить со мной на политическую тему. Мы не имели ни одной партийной обязанности. Он не только не требовал этого, но даже препятствовал этому. Говорил, что мы являемся беспартийными.
>
> Никогда не ставил вопрос перед товарищами, что они работают ради своего убеждения. Людям выплачивались деньги за каждую мелочь, даже вспомогательному персоналу выдавалась, как жалованье, квартирная плата.

Видимо, пламенного большевика из него не получалось.

Тридцатого июля 1936 года заведующий отделом кадров исполкома Коминтерна направляет своему руководству подробную докладную записку с перечнем политических обвинений в адрес Артура начиная с 1918 года. В нем особенно интересен последний, 10-й, пункт и заключение:

10. Жена Вальтера (а через нее и он сам) связана теснейшей дружбой с Пятаковым и его женой.

Резюмируя, я считаю, что на основании изложенного нельзя – без дополнительного следствия – вынести окончательное решение о политфизиономии Вальтера, но что данные эти – даже на этой стадии – достаточны, чтобы поставить вопрос об освобождении Вальтера от работы в аппарате Коминтерна.

Краевский.

Представитель компартии Польши при исполкоме Станислав Скульский в своем письме руководителям Коминтерна докладывает:

Уже в течение полугода затягивается разбор дела Вальтера, поднятого по нашей инициативе в связи с его меньшевистским прошлым и причастности к троцкизму.

Вот фрагмент документа 1935 года из Фонда РГАСПИ:

8. Хавкин (Артур Вальтер)

…В апреле 1919 г. ушел на фронт, где был по февраль 1920 г. Затем работал в НКИД. В 1921 г. в марте подал заявление о выходе из партии в связи с репрессиями против меньшевиков. Во время чистки 1921 г. исключен из партии как некоммунистический элемент. Ввиду сомнительности, выясненной из биографии, и указаний некоторых товарищей, считать необходимым проверку данных.

Оставление на теперешней работе считать нецелесообразным.

Знал ли Артур про эти обличения, трудно сказать. Но то, что он был в поле внимания соответствующих органов, ему наверняка было ясно.

Тем не менее в августе 36-го, в связи с испанскими событиями, Артур был командирован во Францию для установления связи между Парижем и Мадридом. Конечно, в зарубежную командировку в это время надо было бы направлять сотрудника, пользующегося бóльшим политическим доверием, но для выполнения порученного задания других, видно, не нашлось. 5 августа заместителю наркома внутренних дел СССР Фриновскому было направлено секретное поручение:

Прошу дать телеграфное указание на пограничный пункт ВЕЛИКИЕ ЛУКИ о пропуске без личного досмотра бельгийского гражданина БЕРГЕР ЖОЗЕФ, вылетающего из Москвы аэропланом 6 августа 1936 г.

Бельгийский паспорт № С.116056 –.

С этим паспортом в свою последнюю загранкомандировку вылетел Артур. Сыграли свою роль и налаженные ранее связи Вальтера с Мадридом, и то, что в парижском "пункте связи" он работал уже давно, прекрасно зная всю технологию конспиративной работы.

В Москву он вернулся 8 сентября. Это возвращение стало для него роковым, и, думается, он сам предполагал это. Но отказ вернуться оставлял бы в заложниках его семью, друзей, товарищей.

За время его командировки прошел крупный антитроцкистский процесс над Зиновьевым и Каменевым. Готовились новые. Неудивительно, что 12 сентября ему предложили написать подробную автобиографию и объяснительную записку о личных связях с подозреваемыми или уже арестованными троцкистами. Именно в этот день арестовали и Пятакова. Знал ли Артур об этом аресте – неизвестно, но делал все, чтобы не навредить людям, о которых он писал.

Вот что он сообщил о своем знакомстве с Пятаковым:

С Пятаковым я сблизился главным образом по общности наших музыкальных вкусов. Мы оба были горячими поклонниками Бетховена, и неоднократно я захаживал к нему слушать ряд бетховенских симфоний – пластинки, которые я ему подарил, привезя из-за границы. Помнится, как-то он заметил, что он знает только четырех великих людей человечества: это Маркс, Ленин, Сталин и Бетховен.

С огромным увлечением рассказывал он при общих беседах, какие огромные успехи делает СССР в деле хозяйственного строительства. Я видел в нем, вплоть до последней нашей встречи 12 июля 36 г. (на даче в Томилине), горячо преданного партии энтузиаста.

Спустя несколько дней Артур заболевает двусторонним воспалением легких и с 23 сентября находится в Кремлевской больнице. Осложнения, вызванные заболеванием, вынуждают его дольше оставаться там. В справке, выданной, возможно, для НКВД, от 4 ноября и подписанной заместителем главного

врача Кремлевской больницы, сказано:

> Тов. Вальтер А. Я. находится на лечении в Терапевтическом Стационаре с 23 сентября 1936 г. по поводу последствий перенесенной гриппозной пневмонии. Нуждается в дальнейшем пребывании в больничных условиях в течение продолжительного времени (1–1½ месяца).

В конце ноября в Москву вернулась Берта Даниэль, которая в 1932–1934 годах работала у Артура шифровальщицей. На другой день после приезда она посетила его в больнице. Почти через 30 лет в одном из писем к Юре она вспоминала это время:

> Артур очень хотел лежать дома, я возражала, так как один товарищ сказал мне, что он “обязательно должен” оставаться в больнице. Я тогда не имела никакого представления о существующей ситуации, но Артур, конечно, понимал все и именно поэтому хотел еще хоть один раз побывать дома. 7 декабря я посетила его в “Люксе” и обещала навестить его 12 декабря.
>
> Когда я была у него дома, он позвонил вниз к вам и попросил, чтобы привели Юру. Паша привела. Артур нас познакомил. Однако поцеловать меня ты отказался. Паша с тобой ушла вниз. К твоей маме…
>
> Двенадцатого декабря я пришла, но вахтер не пустил меня в здание, и я снизу позвонила твоей маме…
>
> Та странным голосом сказала, что Артур поехал на курорт. Я тогда сразу отправилась к своей подруге, которая в моем присутствии говорила с твоей мамой по телефону. Из этого разговора мы поняли, что Артур арестован.

Это случилось в ночь с 10 на 11 декабря в его комнате в “Люксе”. Затем его провели вниз – в комнату, где жили Ася с сыном. Эта ночь навсегда врезалась в память Юры:

> Моя кровать стояла в заднем левом углу. Посередине стены стоял шкаф. Я проснулся, закричал: “У нас гости! Будет праздник!” Подошла мама, прикрыла одеялом, сказала: “Спи”. Люди, пришедшие в комнату, рылись в шкафу. Что-то выбрасывали.

Последними словами Артура, сказанными Асе, были: “Не верь никому! Я ни в чем не виноват…”

В протоколе обыска говорится, что среди конфискованного были письма, документы, книги Троцкого и Зиновьева, книги “Ленинизм и троцкизм” и “Логика фракционной борьбы”, финский кинжал в кожаных ножнах, “ремень брючной желтый новый” и т. д.

Сохранилась справка о поступлении отца в больницу Бутырской тюрьмы 11 декабря 1936 года, т. е. в те же сутки, когда он был арестован.

Это был конец 1936 года, и маховик репрессий еще не был достаточно раскручен. Но шли первые громкие политические расправы. Одной из них стал процесс против “антисоветского троцкистского центра”, он же “процесс Пятакова, Радека и других”. Судя по всему, арест Артура был связан с подготовкой к нему.

Профессор Фирсов в своей книге “Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943” пишет:

> Контакт с Пятаковым, которому Сталин и Ежов отвели одну из главных ролей во втором процессе над “врагами народа”, обрекал Вальтера на гибель.

Дело вел сотрудник НКВД Лангфанг, известный особой жестокостью в обращении с обвиняемыми.

Имеются протоколы допросов Артура от 14, 19, 20 и 30 декабря 1936 года.

В одном из допросов настойчиво повторяются вопросы, связанные с Пятаковым:

– С какой целью Вас приглашали к Пятакову?
– С тем, чтобы я играл на рояле.
– Как часто Вы бывали у Пятакова?
– 2–3 раза в месяц.
– Какой характер носили Ваши встречи?
– Встречи носили дружественный характер.
– Что Вас связывало с Пятаковым?
– Вопросы музыки.

Разумеется, не таких ответов добивался следователь.

Тридцатого января 1937 года Георгий Пятаков был расстрелян. А 31 января, согласно справке НКВД, Артур умер от гнойного воспаления почек, паралича сердца и удушья. Ему было всего 38 лет – и такой диагноз звучит зловеще для в общем-то здорового человека. Случайно ли совпадение в датах, что за всем этим стоит – узнать, видимо, уже не удастся.

Каких-то других документов о происходившем в Бутырской

тюрьме у нас нет.

Когда именно погиб Артур, стало известно только через 20 лет, в 1956 году, после его реабилитации.

На одном из последних допросов Артура спросили, почему он участвовал в стачках на фабрике отца на стороне рабочих. Ответ был такой: “Настроения и чувства того времени можно определить как революционный сентиментализм”. Эти слова по сути являются ключом ко всей его жизни.

Член семьи изменника родины

Каждую ночь из “Люкса” уводили людей, со многими из которых Ася была знакома лично. Что сделали эти люди, в чем их обвиняли? В чем заключалась их работа? Ей это было неведомо, знала только, что они бывали за границей. Сам Артур из 38 лет жизни 28 лет провел вне СССР. Как жить дальше? С кем посоветоваться? Кто поможет?

Позже Миша напишет своим сыновьям:

> Мама оказалась в вакууме, и тогда я – перешагнув через все боли и обиды – оказался рядом.

Рисковал многим. Всем. Жизнью. Через много лет Берта Даниэль писала маме:

> Я рада очень за тебя, что ты в трудное время нашла верного друга и товарища, который, право же, спас тебя от страданий, а главное, так хорошо воспитал твоего сына Юру. Если бы Артур знал, он был бы ему очень благодарен. И я благодарю его от всего сердца и питаю к нему очень большую симпатию, потому что в нашем тогдашнем положении все наши друзья отстранялись от нас как от прокаженных.

Самым главным вопросом для мамы был: что делать с Юрой? Спустя какое-то время Ася продала рояль Артура, вырученные деньги зашила в ладанку и повесила тете Паше на шею – на случай своего возможного ареста.

Но Ася беспокоилась не только о Юре. Надо было думать и о ребенке, который в скором времени должен был появиться на свет.

В то время позвонить по телефону в Москве было гораздо труднее, чем воспользоваться почтой, которая работала как часы. Миша пишет из институтского общежития Асе в “Люкс”:

> Моя Ася!
>
> Через много лет, когда я буду вспоминать дни своей молодости – один из них будет волновать меня сильнее всего. Ты знаешь, родная, я думаю о дне, в который ты сказала о том, что беременна. В тот вечер это обыденное – вдоволь испоганенное – слово отозвалось во мне прекрасной музыкой. Аська, милая! Ведь я впервые слышал это слово от женщины, от женщины,

которую я люблю, как не любил еще никого! Мне трудно рассказать о том, что я пережил в эти минуты. Это было нечто, несравненно более глубокое и значительное, чем все, что я знал до того вечера. Я ликовал, я захлебывался от счастья, от гордости.

А Асю ждали новые испытания. В воспоминаниях она пишет:

> Спустя некоторое время после ареста Артура я пришла в институт и сказала в парткоме и в группе обо всем, уверенная, что произошла какая-то ошибка, которая будет исправлена. В парткоме мне сказали: ты должна на партсобрании отречься от него, сказать, что он враг народа. Я ответила: “Никогда этого не будет”.

Близкая подруга Варя входила в партбюро института. Перед собранием она уговаривала Асю покаяться и попросить прощения у партии. Разговор был безнадежный, но Варя вдруг поняла ее и решила отстаивать Асю, чем бы это ей самой ни грозило.

Когда Ася вышла на трибуну, секретарь парткома спросил: “Партбилет с тобой? Положи сюда, на стол”. Она повторила то, что муж ее – настоящий коммунист и она верит в его невиновность.

Из партии Анну Ужет исключили за связь с врагом народа единогласно при одном воздержавшемся – это была Варя. В те же дни у Аси был отобран мандат депутата Моссовета. Из институтских друзей рядом остались только двое – Нина Лесина и Ира Светозарова.

Ася теперь была ЧСИР – “член семьи изменника Родины”. Она могла погубить себя, Юру, еще не родившегося Володю, поставить под страшный удар родных и близких. Ведь уже были арестованы и брат Марк, и его жена Галина. Но Ася не могла предать людей, которым верила и которые были невиновны.

Двенадцатого июня 1937 года, когда газеты и радио бурно обсуждали расстрел “за измену Родине” Тухачевского, Якира, Егорова и других военачальников, она встретилась с Мишей.

После разговора Миша пишет ей:

> О старом больше ни слова. Многого оно нам стоило, страшно многого. Я буду верить, что все оно в прошлом… Ты часто не давала себе труда заглядывать в завтрашний день, и он – этот завтрашний день – беспощадно, жестоко мстит за это. Он отнял у тебя принадлежность к партии, которой (вместе

с комсомолом) ты отдала почти всю свою сознательную жизнь. Он отнял у тебя уважение и дружбу огромного числа людей. Он заставил тебя страдать так, как не доводилось (и пусть не доведется) тебе никогда в твоей жизни.

Ася отвечает:

Я все еще нахожусь под впечатлением двенадцатого. Дело в том, что ты меня убеждаешь в таких вещах, которые я и сама прекрасно понимаю. Дело в том, что ты, Миша, и окружающие тебя люди переживали все эти события иначе, чем я. Как ты не почувствовал, что я отнеслась к этим событиям значительно острее, чем многие люди, переживания которых ты противопоставляешь моим. Миша, пойми, что я просто очень сильно и глубоко устала. Я не хочу, чтобы требования твои ко мне снижались, я знаю, что ты много требуешь и будешь требовать. Я знаю, что я могу много, но почему твои требования – в форме одних стыдных для меня ультиматумов. Миша, мне очень неприятно обо всем этом писать. Я хочу, чтобы ты сам все понял.

Обоих можно понять: с одной стороны – Миша, полностью впитавший дух и идеи того времени, “настоящий советский человек” с сильным мужским характером, убежденный в своей правоте. С другой – Ася, тоже, вне всякого сомнения, во многом верная тем же идеям, но сомневающаяся – она слишком хорошо знала Артура и его товарищей и продолжала верить им. Тем временем она по-прежнему жила в “Люксе” с Юрой и тетей Пашей – во флигеле, куда ее переселили после ареста Артура.

Сегодня меня вызвал управдом и очень грозно предложил переехать. Я отказалась, он сказал, что все равно выселит. Теперь не знаю, что делать – вступать ли в волокиту, но если дело обречено на неудачу – тяжело. Хочу зайти к юристу. Вот и все.

Как и во всех сложных ситуациях, помог Миша – нашли комнату в большой коммунальной квартире двухэтажного деревянного дома в Мининском переулке Лефортова. Переулок был тихий, недалеко Немецкое кладбище, речка Синичка, но вокруг – много промышленных предприятий. При входе в квартиру, со стороны внутреннего двора, сразу за дверью, была общая кухня, а первая дверь налево из нее вела в комнату Аси

с окнами, выходившими во двор. Во дворе стояли сараи для всех жильцов. Замыкала двор конюшня. За конюшней, через двор на улицу, – четырехэтажное здание школы, построенной в 1936 году по типовому проекту.

Из “Люкса” перевезли кое-какие вещи: радиоприемник, фотоаппарат, Юрины игрушки, Асину одежду, Пашин сундук с иконой. Нина Лесина, подруга Аси по институту и по всей дальнейшей жизни, вспоминает:

> Миша нашел комнатенку-развалюшку в Лефортове и обставил ее подобием мебели с ближайших помоек. Как сейчас вижу ведра и тазы, поставленные в разных углах комнаты для собирания воды, лившейся с дырявой крыши…

Сюда и переехали, никому не говоря ни слова. Миша продолжал жить в общежитии, но часто у них бывал. Переезд из “Люкса”, возможно, помог Асе затеряться в огромной Москве.

Юра стал носить фамилию Ужет, которую Ася оставила, выходя замуж за Вальтера. Чуть позже он стал Юрием Ценципером.

Приближалось рождение второго сына, которого пока условно звали Никиткой. Мишины родители пишут из Севастополя 10 июня 1937 года.

Мать:

> Приобщаемся к вашей большой радости в ожидании нового гражданина. Он, конечно, будет очень хорошим, за это говорят его родители, родина и опора. Счастливая жизнь – его удел. Только от вас это зависит – вы должны беречь друг друга.

Отец:

> Я очень обрадовался, прочитав твое письмо, что вы счастливы, что в скором времени у вас появится маленький или маленькая Ценципер. Мне сначала как-то было не по себе. Что я уже дедушкой становлюсь. Но в этот же момент меня охватило такое чувство, что в письме трудно передать. Радостное, приятное, подытоживал пройденный путь. Я с 16 лет уехал от родителей, без средств, безграмотным. Много бедствовал. Но трудности преодолел, несмотря на гонения при царизме, выбился сам на пути и дожил до Сталинской эпохи. Мы все равно правые, дети мои

в скором времени станут людьми образованными, преданными Советской власти, честными гражданами. И я скоро буду дедушка-юноша, иначе я себя не признаю.

Глава 3

Сталино и Буденовка

Тринадцатого июня 1937 года Юра по-взрослому поздравляет маму:

> Дорогая мама, поздравляю днем рождения, расти у меня большая и умная. Юрчик.

Летом он очень тяжело болел одновременно воспалением легких и коклюшем – после того как Ася разрешила ему искупаться в пруду. Досталось ей тогда от Миши. Спас Юру старый доктор. Миша возил Юру в детскую больницу для переливания крови и сам был донором.

По выздоровлении Ася увезла Юру в Сталино (нынешний Донецк), к своим родителям.

А Миша остался в Москве. Нужно было работать и зарабатывать.

Третьего августа он пишет Асе:

> Полчаса назад пришел домой. Паша спала (говорит: почти не просыпалась со вчерашнего вечера). В комнате страшно чисто и страшно прибрано (и от этого… страшно грустно). Кажется, что жизнь в этой комнате остановилась: об этом напоминает и календарь с несорванным листком от 2-го… Как Юрчонок? Целуй его крепко-крепко: в нос, в ухи, в глаза. Пусть не хнычет. Ребята ему передают привет. Твоим родителям мой самый-самый горячий привет…

Ася:

> Едем мы хорошо. Юрка не кашляет, не капризничает, всему радуется страшно. Никита буйствует. Я чувствую себя хорошо. Лежу и думаю о себе, о нас много думаю… А как тебе нравится имя Сергей или Серго?

Миша:

> Паша шьет туалеты Никитке. Очень трогательные – махонькие-махонькие. Паша вчера привезла откуда-то патефон. Сегодня завтракали под звуки “Героической”. Паша все возражала, возражала, а потом спрашивает: “Это на языке, что ничего не поймешь?” Ржал я до упаду.

Страшно рад за Юрку. Паша рассказывает о его успехах каждому. Все же положение его достаточное серьезное – береги его.

Ася:

Доехали мы хорошо. Здесь нас встречали, и радости родителей нет границ. Юрка быстро освоился, чувствует себя очень хорошо. Кашляет очень мало (2–3 раза). Дед и баба, конечно, в восторге от всего. Теперь насчет дальнейшего. Здесь все настаивают насчет поездки в Буденовку – и сад там есть, и организовать все будет нетрудно, и мама согласна поехать. В общем, сегодня ночью выезжаю туда. Если не понравится, уеду и оттуда. Сегодня же схожу с Юркой к врачу, хотя на насморк он не жалуется. Говорят, что здесь хороший детский врач.

Устроилась я с братом, здесь просторно, много воздуха (5 окон), в пяти минутах от моря, воздух упоительный – какая-то удивительная смесь соленого моря и степи, жалко зелени не много, но вполне достаточно, чтобы находиться целый день в тени. Кормят очень вкусно и дешево (1 рубль – десяток крупных яблок или груш, 3 рубля – виноград, много арбузов и дынь). Договорились с хозяйкой, с ее девочкой – она мне все приносит, моет посуду, убирает комнату. Юрка чувствует себя очень хорошо. Совсем не кашляет, температура нормальная. Меня только беспокоят его ножки, ночью опять жаловался, а врачей здесь нет. Я сейчас здорово слежу за его режимом, делаю все, что ты говорил, – думаю, что результаты будут хорошие. Тебя он вспоминает каждый день. Я люблю с ним говорить о тебе.

Вот и все о наших делах. Брат будет здесь до 23–25 августа. Я думаю, что приеду с ним (боюсь остаться одна), и к концу месяца будем в Москве. Больше всего боюсь машины. Как ты об этом думаешь, хотя все родные меня очень уговаривают рожать в Сталино, я не соглашаюсь, думаю, что и ты, несмотря на все ожидающие тебя неприятности, будешь против.

Я и Никита чувствуем себя хорошо. Сегодня ночью произошел маленький казус: к окну, у которого я стояла, ночью подошел братишка, который привез меня, пришел попрощаться, я вскочила, дико заорала и стукнула его со всего размаху кулаком в глаз. Глаз весь распух,

огромный синяк, Никита с испугу отчаянно бушевал, было очень весело – значит, я еще не пропащий человек, если с вором в драку полезла.

Мы все втроем очень хорошо отдыхаем. Здесь такие ветры прекрасные, что в другое время… можно без конца идти по степи им навстречу (помнишь, мы мечтали о таких прогулках). Днем они приносят прохладу, а ночью здесь звездное небо и почему-то гром и молния, я отсыпаюсь днем, а ночью по нескольку часов мечтаю и любуюсь. Вчера я видела интереснейшее явление – из темной тучи отделился хвост, протянувшийся до самого моря, хозяйка говорит, что это туча всасывает с огромной силой воду из моря. Может ли это быть?

Юра весел, спокоен, совсем не ревет и очень мало меня утомляет, так как здесь очень хорошие дети, с которыми он целый день играет.

Сейчас он голый растянулся на кровати и спит, а вчера мы с ним сидим у моря, беседуем примерно так:

“Мама, а можно дойти до конца моря? А что там?”

“Мама, а ты очень любишь море?” И т. д.

Он очень беспокоится, что я тебе пишу о нем, требует читать письма. Напоминает написать, что он хорошо ест и совсем не ревет. Вообще он очень считается с твоим отношением к нему, что ты – его отец, он, кажется, понял.

Миша:

Я страшно рад за вас обоих. Представляю, как Юрик глазеет на море и какие любопытные вопросы задает тебе. Твой приезд – это действительно сложная штука, но, как мне кажется, в Москве тебе нужно быть. Но тут я чуть-чуть теряюсь. Я ведь далеко не спец в медицинских делах и просто не представляю себе, насколько возможно это возвращение. Во всяком случае, важно добраться до Сталино, а там в “мягкий” (только о билете заранее надо потревожиться) – и в Москву. Посоветуйся с врачом.

А тут я с Пашей тебя встретим во всеоружии.

Решай, родная, как нужно. Если не будет машины – езжайте на лошадях (можно ехать 5–6–8 часов, и тряска не будет ощущаться).

Ася:

В общем, здесь становится скучно без тебя. Если бы

не Юрка, я бы уже уехала, я много валяюсь, мало хожу, по-видимому, для смеху над моей кроватью висит большое зеркало, и я с ужасом наблюдаю за невероятным “ростом” своим, даже в Москву из-за этого ехать не хочется.

В общем, скорее бы конец.

Насчет дороги не беспокойся, довезут меня с “грузом” так, как полагается вести груз с надписью “осторожно”, “ценный”. Собралась привезти ведро масла.

Завтра утром я выезжаю в Сталино (21), а 23–24 – в Москву. 22-го пришлю тебе телеграмму с указанием поезда и вагона. Надоело здесь ужасно. Вот и все. Температуру Юрке мерю – она нормальная. Сегодня он мне сказал, что скучает о тебе, он очень боится, чтобы я чего-нибудь плохого не написала о нем. Это теперь моя худшая угроза: “Мама, только не пиши Мише”. Вчера на пляже произошел замечательный разговор с какими-то дядями. После их расспросов: сколько лет, как зовут, откуда и т. д. – он, как всегда, дал точные ответы.

Вопрос: Юра, а у тебя есть братик или сестричка?

Ответ: Есть.

Вопрос: А кто – братик или сестричка?

Ответ: Я не знаю, я его еще не видал.

А вот письмо Юры, первое в жизни:

миша я тебя люблю
скоро приеду всего
привезу тебе и няне
юРа

“За толстое “р” он извиняется”, – добавляет Ася.

На обратном пути в Москву Ася забывает на полке вагонного туалета золотые часы и брошку, подаренные Артуром, – единственные дорогие вещи в ее жизни. Больше она никогда не носила никаких украшений.

Рождение Володи

Двадцать третьего сентября 1937 года письмо из Севастополя от Мишиной мамы:

> Я очень довольна, что Вы обеспечены топливом – этот вопрос меня тревожил, ведь с малышкой – это первой необходимости предмет… Ася! Будь радостной, подвижной. Ведь Вы любите – и у Вас будет чудесный малышка, и Юрик не будет одинок.
>
> В старой бане купать малышку нельзя. Может, можно достать жестяное корыто. У нас ничего этого не достать.
>
> Относительно кроватей что-нибудь придумаем.
>
> Юрик милый – хороший ты парень. Детскую передачу слушай – это очень интересно.
>
> А почему ты по сто раз спрашиваешь, любят ли тебя – конечно, любят и мама, и Миша, и няня, и мы!
>
> Будет Володя – с кого же ему пример брать хороший. Смотри, будь умницей.

Когда в Москве получили письма, Володя уже родился – он появился на свет 25 сентября. На имени Владимир настаивала севастопольская бабушка.

Первая записка от Аси из роддома (роддом был рядом – за речкой Синичкой):

> Мой Мишунька, парень мой любимый, отец моего сына. Спасибо тебе за все, за сына, за радость твою. За все-все.
>
> Вчера я не кричала, целый день ждала тебя, я хотела, чтобы ты проводил меня, мне было очень больно, но было очень хорошо ждать тебя, шагать с тобой в больницу. Я тут же начала рожать, а в 10 ч. 15 м. Волчонок известил радостным и очень сильным воплем о своем появлении в жизнь. Пока он больше похож на обезьянку, чем на человека, но все же он очень похож на тебя: твой рот, подбородок, нос явно не мой, цвета пока неопределенного (красно-черно-белый). Милый, хочется писать много-много, но чувствую себя еще слабой и кончаю.

Сверху приписка:

Занимайся Юрой, пойди с ним куда-нибудь. Целую, Ласка.

От Миши:

Моя радостная, мать моего Волчонка!

Какой у меня подъем!

Я готов был обнять и поцеловать санитара, который первый раз в жизни назвал меня отцом.

Я прямо-таки ликую от безудержной радости (ведь, если говорить честно, – я хотел именно паренька. Сына!).

Юрка тоже страшно рад младшему своему братишке.

Какой же он есть, наш Волчонок? Как с его питанием? Какой вес? Все, все пиши мне.

А здорово все-таки получилось: и я, и Юрча, и Волчек – все в сентябре (а у меня ведь 29-го).

Сегодня я похвалился на работе у себя. Рад я несказанно. Юрик все делится с ребятами своими ребячьими мысленками. Он вообще очень хорош. Слушается меня, очень ласков. По ночам почти не кашляет. Прошлую ночь я его взял к себе в кровать в гости. Так приятно и хорошо мне было с ним вдвоем. Он ведь твоя кровная частичка.

…Сегодня у нас утром был договор: кто произнесет имя Никитка – с того штраф (и Юрка сам собирает).

Ася:

Мои дорогие! Страшно сильно хочется вас увидеть – какие вы оба есть. Я горжусь и твоим счастьем видеть Волчонка (хоть и некрасивого) подле себя.

Мишунек!

Я самая счастливая мать в больнице. У меня самые лучшие цветы, ко мне больше всех ходят санитары с передачами и письмами, у меня самый красивый, умный и любимый муж, у меня самый здоровый сын во всей палате, мой сын лучше всех сосет и орет и т. д. и т. д.

Мишка! Я самый счастливый человек на свете.

Ася рожала второго ребенка, но такое полное счастье материнства она испытывала в первый раз – когда родился Юра, она была одна. Где именно за границей был тогда Артур,

она точно и не знала.

Посыпались поздравления родственников.

Письмо от бабушки из Севастополя:

> Мои дорогие!
>
> Телеграмму получили.
>
> Буря мыслей и чувств, охватившие меня, могут быть поняты только Вами, т. к. последнее время я каждым атомом своего существа была с Вами. 25/ix в 3 часа дня я пекла бисквит ко дню твоего рождения, мой дорогой мальчик. Только я кончила, когда принесли телеграмму.
>
> …Папа очень хочет знать – блондин он или черненький и не такой ли, как у Моси, нос…

Из Сталино – телеграмма от Асиной матери, а затем письмо:

ПОЗДРАВЛЯЕМ СЫНОМ АСЮ МИШУ ЮРОЧКУ БРАТОМ ПИШИТЕ ЗДОРОВЬЕ = МАМА

> Родимые мои дети, Ася, Миша, Юрик и Волчонок.
>
> С радостью получили телеграмму, также открытку от Миши. Вторично поздравляем вас. Хоть ты, Ася, подкачала. Хотела девочку. Да и Зина радуется – она одна да 3 внука. И мальчик должен быть хорош, раз 10 фунтов весит. Обо всем пиши. У нас все по-старому. Папе много лучше, и он теперь не болеет. Я что-то не то.

От Тараса:

> Итак, дорогие родители!
>
> Хотя я и ожидал известие на этих днях, но пришло оно неожиданно и поэтому обрадовало тем более. Я, признаться, не ожидал, что так обрадуюсь.

От Соломона Ценципера из Севастополя:

> Поздравляю с новорожденным счастливым сыном. Я только что телеграфировал. Я рад за вашу красивую, счастливую, семейную жизнь. Это только ваши первые шаги. Пожелаю расти, ибо вы живете в самой радостной стране, где человеку даны все блага жизни, только честно работай и люби свою страну.

Ася отправляет Мише подробные инструкции:

> Чувствую я себя хорошо, правда, еще больно,

но завтра или послезавтра должно пройти.

У мальчишечки тоже все в порядке, жду, что через несколько дней станет красивей (пока этим не отличается). Вес его 4 кило 100 грамм, обжора ужасный (весь в папашу).

Теперь следующие поручения:

1. Выстирать все приданое, в том числе пододеяльник, клеенку.

2. Купить (на рынке) кроватку, такую, как была у Юрки (Паша знает). Набить стружками матрацы, можно использовать красную наволочку, которую Паша выстирала (лежит в белье).

3. Если заработал много денег, зайди в Мосторг, посмотри народную простынку (так и называется) и фланелевое одеяльце, если есть недорогие – то купи. Миша, помни, что это необязательно, так что покупай только, если недорого. Обе вещи в пределах 25–30 рублей. Ни в коем случае не дороже. Вообще, не трать денег, они пригодятся.

4. Как дела насчет ванночки и ведра? Если там нет, пусть Паша поездит, поищет, хотя с Юркой это довольно трудно.

Приносить мне ничего не нужно, за шоколад мне влетело, а пиши побольше. Спасибо за Чехова, я хотела просить, чтобы ты принес его. Приноси газеты. Напиши, как твои дела подробнее, ведь я ничего не знаю. Принеси мне маленькое зеркальце, ножницы, у меня никаких нет.

Целую крепко и обнимаю.

Твоя Ласта.

Миша:

Ласточка!

Пишу только несколько слов. Времени у меня прямо в обрез. На заводе сейчас очень много работаю, чтобы потом было посвободнее. Да и хозяйственных дел много.

Очень радуюсь твоим весточкам. Обидно только, что повидать вас нельзя. Ты, я думаю, не скучаешь – ведь письмами и приветствиями я тебя прямо заваливаю.

Я очень жду вас. И Юрик все размышляет, как это он с Волчонком будет жить. 30-го я ему (Юрке) обещал много интересного. Он с нетерпением ждет.

Ася:

Мой милый!

Сейчас 6 часов утра, в окно смотрит яркое солнышко. Наш рабочий день начался уже давно, только что унесли сытого плакающего спящего Волчонка, он становится с каждым днем немного лучше. Чем больше смотрю на него, тем более нахожу общего с тобой, он будет очень похож на тебя, хотя пока голова черная (что меня, конечно, огорчает). Начинает открывать глаза, сейчас они синие, какие будут, неизвестно.

Миша:

Моя Ласта!

Пишу в трамвае – еду с работы домой. Устал и чувствую, что дома засну, а написать тебе несколько слов хочется.

Скучновато мне эти дни без вас. Знаешь, я все представляю себе Волчка с черной головкой. Мне почему-то рисовался… красный цвет. Паша все пугает, что он орать будет, а я этому радуюсь. Хватает ли ему корма?

Только что я заезжал в Мосторг за теми вещами, о которых ты писала! Их сейчас нет и – говорят – редко бывают. Но ничего – поищем. Хочу в этот выходной поискать с Юрчей ему ботиночки.

Ася:

Мой родимый, мой хороший.

Папаша дорогой!

Наш Волчонок становится совсем молодцом. Вчера ему сделали первую прививку, чувствует себя хорошо.

Со вчерашнего дня он начал прибавлять в весе, пропадает краснота, и цвет лица становится все более человеческим. Глазки тоже стали чистенькими. В общем, молодцом. Если бы ты знал, какой он смешной, но не унывай – к 6-ти неделям он будет совсем хороший, а пока смешной, голова длинная, длинные темные волосы и весь тоже очень милый, на тебя похож ужасно, боюсь, что и нос твой (так и знала, что спортачишь, недаром за нос боялась).

Мишунька, ты сегодня поменьше мотайся по магазинам, а отдыхай лучше, поезжай куда-нибудь с Юрчой на воздух.

Миша, пусть Паша на всякий случай купит соску-пустышку, говорят, что их трудно достать, кроме того, придется купить аптечку, т. к. все, что там есть, – необходимо.

Миша:

Ласинька!

Едем с Юркой из города. Всего накупили. В городе отдохнули и поели. Сейчас спешим под окно. Букет от Юрчика…

Миша, Юра.

Ася:

Мишка, любовь ты моя!

Прости ты меня – ведь я совсем забыла вчера тебя поздравить, расцеловать 24 раза, пожелать много-много хорошего. Мой милый, все время помнила, думала об этом, а вчера, несчастная, забыла. Устроим это празднество, как только я вернусь из больницы. Мишка, я до того встревожена тем, что увидела вас, милые мои, любимые, скорей бы к вам.

Мишутка!

Я все не могу забыть, как я вас вчера увидела. Мне кажется, я никогда в жизни не забуду твое лицо и фигурку прижавшегося к тебе Юрки. Мой милый, меня охватила такая радость, что две женщины в нашей палате расплакались.

Целую, люблю.

Твоя А.

Миша:

Милая моя собака!

Скоро пойду домой. Сейчас подойду к окну. Завтра постараюсь непременно лично тебя встретить и проводить домой. Но раньше 6 часов это невозможно. Так что если хочешь – подожди меня, если нет – я скажу Паше – она придет. Утром завтра в 9 ч. подойду к окну.

Ася:

ЮРА! МОЙ БОЛЬШОЙ СЫН. ВОТ И РОДИЛСЯ ТВОЙ МАЛЕНЬКИЙ БРАТ, ВОЛОДЯ. ОН ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЙ, КАК ТВОЯ РУЧКА ИЛИ НОЖКА. Я О ТЕБЕ ОЧЕНЬ СОСКУЧИЛАСЬ И ЗАВТРА ПРИЕДУ ДОМОЙ. ПРИХОДИ ЗА МНОЙ И ВОЛОДЕЙ В БОЛЬНИЦУ. ЗАВТРА МЫ БУДЕМ ВСЕ ДОМА, НАМ ВСЕМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ХОРОШО И ВЕСЕЛО. ЦЕЛУЮ ТЕБЯ 100 РАЗ

ТВОЯ МАМА.

ЮРА, А ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ?

Юра к этому времени уже умел хорошо читать, письмо написано для него большими буквами.

Через полгода они вчетвером отправились в Севастополь – дедушка и бабушка должны были впервые увидеть и Володю, и Юру. В Севастополе у родителей жил тогда и Тарас.

Севастопольский дед готовится к их приезду:

Очень рад, что Володя приедет. Подышит морским воздухом и погреется на солнышке. Он будет питаться хорошо. Все есть у нас. Лишь бы были монеты. Ничего, вы немного поскучаете, но зато ему в пользу будут ежедневно куриные обеды, сметана, яйца, масло, фрукты, компот. Детский сад “Связи” на Советской улице, или мы возьмем приходящую Мадам. Я здоров, настроение великолепное, план выполняю. Сейчас весь вечер слушаю из Большого театра оперу “Руслан и Людмила”. Вот наслаждение: Михайлов, Рейзин, Барсова, как будто в театре сижу.

Ася, Миша и Юра вернулись домой, нарадовавшись солнцу и морю, а Володя надолго остался у бабушки и дедушки, которые души в нем не чаяли.

Они пишут от его имени письмо в Москву:

Здравствуйте, дорогие мама и папа!

Вчера, после вашего отъезда, я спал, пока вернулись с вокзала. Меня уложили, и я проспал до четырех утра. Я хорошист. Утром ел: простоквашу, потом – кашу, пил сок, пюре, суп, кисель. Купался перед обедом и спал в комнате. Вечером опять купался. Это первый день без вас. А вы как? Крепко целую вас и братика Юрика.

Волча.

О внуке частые, полные любви письма:

Володя – чудесный парень. Очень хорошо поправился, ежедневно до 8½ – 9 час. на воздухе. Аппетит неплохой у него. Бумкует, а говорить не находит нужным. На “троне” сидит самостоятельно… Просыпается в 7, 7½ час., ест простоквашу (очень ее любит). Вчера Браварский катал его на детском велосипеде (он держал руль), он был в диком восторге и не хотел слезать.

Починили ему кофтушку (в клетку), купила ему чулки, резинки. Вот ботинок не достать. Он ползает сейчас по полу, а я пишу. Никакая сила его не подымет, сколько папа его ни зовет и ни гонится за ним.

Мои дорогие!

Сегодня Володе год.

Я представляю себе, как Вам тяжело без него, желаю Вам впредь быть всегда вместе.

Быть всем здоровыми и счастливыми.

Мои родные, но как хорошо будет, когда у Вас все наладится. Сколько радостей сулит сейчас жизнь.

В 2 года отдавать в ясли его надо, так как их уже интересует жизнь. Вернее, соприкасание с себе подобными. Он замечательно крепкий, его еле удержишь на руках. Он пытается сам стоять и делать несколько шагов, но не ходит еще.

Сегодня заметил абажур (без кистей) протянул обе руки с такими восклицаниями, такой мимикой, что я помирала со смеху. Когда проснулся, пальчиком показал открыть ставни, закувыркался, загоготал.

Дед Борис продолжает:

Дорогие!

Напрасно вы беспокоитесь. Мы все здоровы. Вот нападает лень, и писать не хочется. Володя – парень на пять. Я его называю Самсон. Есть опера “Самсон и Далила”. Когда для него нет преград, он ломает колонны и прочее. Володя, стоя в кроватке, через сетку одной рукой тумбочку поднимает и опрокидывает. Он не терпит, когда на месте все лежит. Вчера купили туфли, сегодня случайно купили ботинки, теперь он обеспечен обувью. Синие брюки, красная кофточка, коричневые туфли, серые чулки, красивое лицо.

Вот герой Самсон. Гуляет много и аппетит неплохой.

Вчера у нас выпал первый снег, мело и крутило, так у Володи насморк, я его не выпустила. Сегодня прекрасный день – снегу много. Вышла с Володей, катала его на санках, он все меня отправлял “иди-иди”, чтоб не брала его с саней. Вообще он становится своевольным. Ботам он очень рад. Топает по снегу.

Елена Андреевна ему принесла книжку с картинками. Он был в восторге – весь вечер смотрел, а когда она от дверей помахала ему рукой до свидания, он кинулся к ней с книгой – “на”, твоя, мол…

Дифирамбы Володе со всех сторон, а хулиган он невозможный. Если ему что или кто не нравится, он говорит “иди-иди”. Хватает под мышку книжку и бежит…

Грустно Вам всем без Володи, он замечательный… Говорит: дом, деньги, (ш)кола, ф(л)аг и др.

Узнает т.т. Сталина, Ленина.

Володя растет, хулиганит, ломает, что ни тронет. Он враг книгам, он разговаривает, но не много. Мама его хорошо понимает, а я не особенно. Гуляет. Много бегает. Рост его равен столу.

Волча вырос и хочет быть самостоятельным. Взбирается на стул, с него на стол, на подоконник.

Во дворе радиоузла бревна (пилят доски), он их хочет поднять, упадет – подымется и начинает сначала, никакого страха, так что ни на одну секунду его нельзя оставить. Весь день он в движении, не сидит ни одной минуты. Хочет быть партнером в игре в классы. Где дети, там и он, вначале они думали отвадить его, сердиться, а теперь примирились.

Брат Бориса Соломон, мечтая хоть что-то заработать, не только сочинял кафешантанные песенки, но и писал музыку на слова советских поэтов – об Октябре, Ленине, Сталине, Горьком. Плоды своих трудов он отсылал в Москву, ответов не получал, но не унывал и только просил у московских родственников прислать нотной бумаги, которую можно было раздобыть у ресторанных музыкантов.

Что касается Вашего общего сомнения в моих композиторских дарованиях, мол, стоит ли тратить

время, бегать по магазинам, ходить по ресторанам, в то время когда наши гениальные классики написали столько гениальных творений… Вулкан, это все во мне есть от природы – вам подтвердят мама! Буся! Папа! Даже Володька!..

Так проходило раннее Володино детство в полутора тысячах километрах от Москвы, где его родители по горло были заняты работой, учебой и Юрой.

Перед войной

Для Юры первая половина 1938 года была непростой. Его устроили в детский сад с недельным пребыванием на Усачевке, рядом с институтом, где учились родители. Юра и тогда не был и потом не стал заводилой, держался всегда несколько в стороне, и в детском саду ему было очень неуютно.

Утром в понедельник Миша или Ася ехали с Юрой на трамвае от остановки “Ухтомская улица” до метро “Сокольники”, а оттуда надо было проехать по той самой ветке метро, которую строила Ася, до “Парка культуры”. На “Сокольниках” начинали литься обильные слезы, и Ася закармливала бедного детсадовца всякими сладостями вроде любимого пирожного “Наполеон”. Так длилось несколько месяцев, и слезы кончились только тогда, когда родители его забрали насовсем.

Ася пишет о Юре родным:

> Разомлевший от купания, варенья и возни со мной, вдруг совершенно серьезно:
>
> – Мама, а когда я стану старым, что лучше – умереть или утопиться?

В шесть лет Юра начал ходить в библиотеку, где был самым младшим читателем: свободно читать он стал в пять лет.

Однажды Юра раздал приятелям во дворе нумизматическую коллекцию, которую Ася собирала несколько лет. Вернуть удалось не все, но ругать его Ася не могла ни тогда, ни всю последующую жизнь.

Летом 1939 года, за три месяца до того, как Юре исполнилось семь лет, отец повел его записываться в школу, расположенную недалеко от дома. Принимали только с восьми лет, но Юра произвел впечатление. В кабинете директора на стенах висели портреты членов Политбюро. Директор попросил назвать фамилии кого-нибудь из них – Юра назвал их всех, да еще с именами-отчествами. На столе директора лежала “Правда”, и Юра бегло начал читать ее передовицу. Сказал, что считает до пятнадцати. В школу его приняли, но он был на год-два моложе одноклассников.

Володя по-прежнему жил в Севастополе, а Юра летом бывал с родителями в Подмосковье, на снятых дачах. Он хорошо помнит, как однажды на лесной прогулке наткнулся на пчелиный рой и был зверски искусан. Ася вся, как и Юра, в слезах, обсыпала

его землей, пытаясь как-то смягчить боль. Все обошлось.

В 1939 году Ася с красным дипломом закончила исторический факультет педагогического института. Несмотря на исключение из партии, институтское начальство относилось к ней с симпатией, и в том же году она пошла работать учителем истории в среднюю школу.

Миша также с отличием закончил в 1940 году физмат. Там он был одним из лучших, и его рекомендовали в аспирантуру, но материальное положение семьи заставило его отказаться от этого предложения. Он тоже пошел в школу – преподавать физику.

В 1939 году переехавшая к тому времени в Москву Адочка познакомилась с Женей Ереминым. Он был на восемь лет старше ее. В эти годы он преподавал в Московском институте химического машиностроения, имел уже степень кандидата химических наук и звание доцента. Становился заметным ученым-химиком.

В 1940 году они поженились, а 14 марта 1941 года родилась всеми очень любимая Иринка – наша сестренка.

В начале 1941 года отец повез Володю (его то забирали в Москву, то отправляли обратно к деду и бабке в Крым) в студию звукозаписи на улице Горького (теперь Тверская), напротив Театра имени Ермоловой. Там была записана сохранившаяся пластинка, на которой он исполнил такой куплет, принесенный из детского сада:

Мы лошадок накормили,
Их почистили, помыли.
Едут, едут молодцы,
Красной Армии бойцы.

Там же есть и такой диалог:

– Кого ты больше всех любишь?
– Ворошилова.
– А еще кого?
– Маму и папу.

В мае 1941 года произошло важное для Миши событие: он вступил в партию. Для него всегда было важно, что в 1941 году он уже был коммунистом. В рекомендации, которую отец получил от своего сокурсника Шишкова, написано:

…последнее время работал секретарем

комсомольской организации физико-математического факультета. Все поручения, которые ему давались, он выполнял хорошо и весьма деловито. Политически грамотен и имеет хорошие организаторские навыки в работе.

В конце апреля второклассника Юру (опять раньше всех) приняли в пионеры в недавно построенном кинотеатре “Родина” в Сталинском районе Москвы. На лето его отправили в пионерский лагерь крупного авиамоторного завода. Этот завод шефствовал над школой, где Миша преподавал физику.

Двадцать первого июня вечером Миша поездом “Москва – Севастополь” с Курского вокзала поехал в Крым к Володе и своим родителям. А через несколько часов после отхода поезда Севастополь бомбили – началась война.

Поезда 1941 года

Выступление Молотова Миша услышал на вокзале в Харькове. Вечером он передает письмо в Севастополь с проводниками скорого поезда, который должен прийти раньше:

> Я вчера вечером выехал к вам из Москвы поездом № 9 (Адочку не взял). В пути узнал о последних событиях. Пишу это письмо на тот случай, если меня не пропустят в Севастополь (пропуск у меня, конечно, есть). Я постараюсь все же приехать, но если не удастся, то установите со мной связь – я буду ждать ваших известий на симферопольском почтамте до востребования или у проводников первых 2-х вагонов (за паровозом), проходящих из Севастополя в Симферополь.
>
> Если проводнички нашего вагона будут в Севастополе, они обещают взять оттуда Володю. В Севастополь они приедут завтра, 23/vi, утром в вагоне № 8: Бокарева Пелагея Ивановна и Голубева. Оттуда они, по предположению (если не будет изменений), выедут завтра же (23-го) поездом № 10 (в 5 ч. веч.), по-видимому, во втором вагоне. Сделайте все, что найдете нужным. Если можно – хотелось бы видеть вас. Пришлите телеграфом адрес каких-нибудь симферопольских знакомых. Вообще надо с кем-либо из проводников (если этих не увидите) договориться о вывозе Володика (я уже московский адрес Бокаревой сообщил Ласте), Ася в Москве. Я ей о своих планах протелеграфировал. Тарасик, Адочка, все – здоровы. Будьте осторожны и не волнуйтесь больше, чем полагается в таких случаях.
>
> Завтрашний день я буду встречать приходящие из Севастополя поезда. У меня с собой некоторые продукты. Крепко вас всех целую.

Другое письмо он так же, с проводниками, передает в Москву:

> Ласочка! Подъезжаем к Лозовой. Вероятно, в Севастополь гражданских пассажиров не пустят. Мне проводники обещают взять Володика с собой, а я его возьму в Симферополе или Джанкое. Думаю, что пробиться в Севастополь мне самому не удастся.

Мама очень энергична в трудные моменты, и я уверен, что они там, быть может, уже отправили его с кем-нибудь из отъезжающих.

Во всяком случае, часть гражданского населения оттуда, несомненно, выедет и с кем-нибудь Володика пристроят. После того как я узнаю, что Володик выехал оттуда, и я буду поворачивать на Москву. Правда, это может немного затянуться в связи с большим отъездом курортников и т. д.

Телеграфная частная связь отменена (вероятно, и телефонная), поэтому не тревожься, если будешь сидеть без известий (письма ведь долго идут). Юрчика, конечно, из лагеря не забирай (там ему наиболее покойно будет). Если хочешь передать ему что-либо, свяжись с Анной Матвеевной Кутовой (завуч начальной школы – Е1-74-22). Поселись на эти дни с Адочкой (я буду связь держать с ее адресом).

Названивай и Тарасу. Будь молодцом и не сомневайся, что я все сделаю наилучшим образом и скоро будем вместе.

Реализуй побольше книг и некоторую другую мелочишку.

Следующее письмо – меньше чем через сутки:

Дорогая Ласочка!

Я уже несколько часов в Севастополе (приехал в 9 ч. утра). Сегодня в 5 ч. 30 м. вечера отправляем с проводниками Володика. Мне сегодня выехать не удалось, так как в моем распоряжении было мало времени для доставания билета. Выеду возможно скорее.

Здесь полный порядок и полная готовность отразить и образумить врагов. Очень приятно сознавать это. Около нашего дома есть хорошее убежище – вчера все наши (и Володик) провели там всю ночь, сегодня тоже туда отправимся. Настроение у всех нас очень бодрое и хорошее.

Я бы советовал устроиться пока всем вместе в Балашихе у Адочки – и для нервов покойнее, и вообще удобнее.

Юрчика ни в коем случае не бери из лагеря – там самое лучшее место для него сейчас. Непременно дайте Тарасу 200–300 рублей (реализуй книги и еще, что найдешь нужным) с собой (если его сейчас возьмут).

За нас абсолютно не тревожьтесь – на расстоянии все

кажется страшнее.

Ну, Ласинька, дорогая, непременно займись своими делами (здоровье твое чтобы было в порядке) – от этого ведь очень многое зависит. Поблагодари как следует проводничек и сделай им хороший подарок.

Крепко, крепко целую.

Миша.

Записка брату, который к этому времени перевелся из Казани в Московский энергетический институт, Аде и ее мужу Жене Еремину:

Дорогой Тарасик!

Жму тебе крепко руку и крепко по-братски целую. Думаю, свидимся все же. Возьми деньжат – купи что надо.

За всех нас не тревожься.

Еще раз целую тебя.

Адочка! Женя!

Некогда писать. Будь разумницей, Адочка. Не тревожься. Целую!

Двадцать четвертого июня телеграмма Асе:

ВСТРЕЧАЙТЕ ВОЛОДЮ ЧЕМОДАН ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ПОЕЗДОМ ДЕСЯТЬ ВТОРЫМ ИЛИ ДРУГИМ МОСЯ ВЫЕХАЛ СЛЕДУЮЩИМ ЗДОРОВЫ = РОДИТЕЛИ

В своих воспоминаниях 70-х годов Володя пишет:

Поездка и все, что с ней связано, – это первое, самое первое и никем не привнесенное воспоминание.

Вагон купейный. Мое место – среди узлов багажной полки – той, что над коридором. В купе той поры боковые части, находящиеся в ногах, так сказать, “жилых” полок, были закрыты, а открытой оставалась только центральная часть – над дверью.

В руке шоколад, страшно хочу в туалет, но не слезаю. Боюсь всего и всех. Боюсь, наверное, того, что никому нет до меня дела! Нет, одному есть! Это мальчишка, немного старше меня. Он меня дразнит, пугает, какой-то тряпкой бьет. Отбирает шоколадку, а может, я ему отдаю, желая задобрить. Результат

прежний – очень хочу писать. В дальнем углу на полке я все-таки пописал в какой-то бумажный пакет или бумагу. Страх. Помню этот миг всю жизнь.

Затем помню вечер. Только что попало моему мучителю – он заехал тряпкой своей матери по лицу. Его несколько раз крепко отшлепали, а мне еще страшней… и я за него заступаюсь: “Ничего, мне не больно”. Что-то повлияло, а может, и все вместе. Уснул. А ночью грохот и огонь за окном. Меня вытащили из вагона. Что это – я не знаю. Но мне очень страшно! Потом меня и пацана этого снова запихивают на полку. Спим вместе. Мне спокойнее, я ничего не боюсь! А утром, добрым утром, без ночного страха, я вдруг обнаруживаю, что не могу ничего сказать. Потом опять целый день на полке, но кто-то нас снимает и отводит в туалет. Кто-то (кажется, проводница, так как женщина эта явно не из нашего купе и, по-моему, в форме) приносит мне поесть. Кажется (вообще-то я уверен), была и вторая такая ночь или день. Опять едем. Город. Утро или день, пустой вагон – все ушли, и вдруг в окно (очень хорошо помню, что в верхнюю, открытую узкую часть) вижу маму. А она меня вытаскивает прямо в эту щель.

Ася часто вспоминала первый вопрос Володи у вагона: “М-м-ма-ма, а вас б-б-бом-б-бали?” До этого путешествия он не заикался.

На другой день в Москву приехал Миша. Так, за каких-то пять дней был решен серьезный вопрос – Володю перевезли из города, который каждый день бомбили, домой. С точки зрения окружающих, все было сделано отцом без лишних эмоций, оперативно и деловито, хотя можно себе представить, какая буря была у него в душе.

В хаосе

Тетя Паша, которая жила с дочками во Владимирской области, диктует письмо:

> Дорогие ребятки, Юрочка и Володя! Няня очень хочет видеть вас. Вы уже теперь большие, если мама и папа сочтут лучшим вас переправить к нам, то присылайте. Няня вас любит и обижать не будет.

Но у Миши был другой план. Он предполагал, что Москву будут бомбить. Бронислава работала тогда первым секретарем Молотовского райкома партии Казани, и он попросил ее принять Асю с Володей и Аду с трехмесячной Иринкой.

Из-за войны Тарас досрочно окончил институт. 24 июня он получил диплом, а 25-го пошел в военкомат, откуда его отправили в Ленинград в школу мичманов.

Родители пишут Тарасу и Адочке:

> Мои дорогие! Сегодня получили ваши, от 25-го, письма. Поздравляем тебя, Мулинька, с окончанием института. Желаем тебе и всем здоровья, долгой жизни и удачи. Мы рады были читать ваши письма, письма людей, достойных нашей родины. Я также оптимистически смотрю вперед, я верю в победу, в радостную жизнь. Я верю, что мы соберемся вместе праздновать победу, заслуженную каждым из нас на своей работе, что мы не будем впадать в панику. В эти трудные дни будем крепкими, стойкими, разумными.

29 или 30 июня Ася, Ада, Володя, Ирина отправились поездом в Казань. Вот первое письмо от мамы:

> Доехали мы хорошо. Встретили и приняли нас очень приветливо и дружелюбно, еще несколько дней уйдет на окончательное устройство Володи и Адочки, и я уеду в Москву, думаю, что удастся достать билет и доехать. Настроение у всех очень хорошее, боевое, я уверена, что к осени будет полная наша победа, а в Европе начнется гражданская война против капиталистов, за социализм.
>
> Мой родной, береги себя, твоя жизнь пригодится стране нашей и нам всем – семье. Помни, что ты мне обещал, мой родной.

Напиши Юре письмо, от меня очень долго пойдет к нему.

Через день после их отъезда в Казань Миша пошел в Отдел народного образования Сталинского района Москвы и подал заявление о зачислении его добровольцем в народное ополчение. 5 июля он получил ответ заведующей РОНО Соколовой:

Михаил Борисович!
Завтра, т. е. 6-го, Вам необходимо явиться в РОНО с вещами к четырем часам.

Вот его последняя весточка перед отходом поезда к линии фронта:

Дорогие мои!
Все успел: и постригся, и побрился (и – даже – поодеколонился). Купил батон большой, колбасы, сыра.
Пишу в вагоне. До отхода – 10 минут. Заказал постель. Скоро будет, как у Толстого: первая часть пути – мысли о том, что оставляешь, вторая – о том, что впереди.
Не грустите. Щелкайте рубильником, заводите радио, пойте “Мы лошадок…” – только не унывать!
Привет всем, всем.
Крепко-крепко всех вас, дорогие, целую.

Батька.

Муж.

Повелитель.

А вот из письма Брониславе в Казань через два дня после их телефонного разговора:

Москва, 8/vii – 41 г.
Броня! Очень обрадовался разговору с тобой. Я уже несколько дней военный человек и даже с некоторым чином. Пошел я добровольцем, ибо с военного учета снят. Я член партии, и мне очень радостно и гордо от сознания, что я в рядах коммунистов в эти серьезные и значительные времена. И я сделаю все, что нужно, для нашей родной советской Земли.

А уже 11 июля он посылает срочную телеграмму Асе

в Казань:

МЕДИЦИНСКАЯ КОМИССИЯ ОТЧИСЛИЛА ЖДИ ЗВОНКА ПРИВЕТ ВСЕМ = МИША

В этот же день письмо:

> Коротко о своих делах. В ночь на 9-е мы отправились в лагеря. Шли около 60 км. Я несколько выдохся. Режим весьма напряженный, и поэтому несколько человек (в том числе и я) начали отставать от остального коллектива – не хватило ни сил необходимых, ни выносливости. В это же время стала функционировать медкомиссия, которая и отчислила меня из дивизии 11-го утром.

На это решение медкомиссии повлияли его состояние после перехода: туберкулез привел к кровохарканию. Через несколько дней он писал:

> На днях выяснится возможность моей дальнейшей работы – быть может, и не в Москве, а где-либо в наших восточных областях (Поволжье или даже Казань). Итак, мне не суждено быть военным человеком. Но я постараюсь на гражданской работе принести максимальную пользу своей стране. Возможно, буду работать в каком-либо оборонном институте. Напиши мне подробно о жизни и перспективах с жильем в Казани.
>
> С бритой головой ходить очень приятно. Реализовал книжонок на 200 рублей. Вчера сделал перевод на 200 р. Как только получишь – сообщи. Погода здесь жаркая, без дождей.
>
> Перспективы. Я был в парткоме. Они мне посочувствовали, что так нескладно получилось с военными делами у меня. Говорят, что есть указания Наркомпроса учителей держать при школах и попыткам перехода на другую работу – противодействовать. Из отпуска, однако, тоже возвращать нельзя. Короче говоря, и здесь сказывается расхлябанность нашего ведомства. Но я уверен, что о переходе на другую работу договорюсь (хотя бы через райком партии). До принятия окончательного решения непременно свяжусь с тобой. Буду говорить о работе как физик…
>
> Вообще, Ласинька, мне хочется, чтобы ты

обосновалась там серьезно. Ехать сейчас сюда – это очень-очень неразумно. Поэтому я убедительно прошу тебя об этом пока не думать: ведь выехать оттуда легче, чем вновь туда собраться. А ведь ты с Володиком, и в перспективе – Юра. Я с нетерпением жду твоего письма. Вообще пиши как можно чаще и подробно обо всем – о снабжении, жилье, здоровье, возможности работы и т. д.

Я в ближайшую неделю вышлю еще денег – ты одалживай пока у Адочки. Сегодня выясню, что слышно у Юрика, – если будет возможность – непременно проведаю его. Думаю, чтобы он до 1 августа пробыл еще там (а потом в Казань). В общем, я сделаю, что и как надо. Перешлю ему тапочки, майку, кепку и еще некоторую мелочь.

Ася пишет ему:

Вчера говорила с тобой по телефону и после этого всю ночь и сегодня все утро думаю, передумываю все и ничего не могу решить. Я надеялась, что этот разговор внесет какую-нибудь ясность в наши перспективы. Но этого не произошло. Больше всего меня тревожит вопрос о твоем здоровье, что там произошло, почему тебя так быстро освободили?

В отношении будущего у меня есть 2 плана: какой-то из них нужно немедленно тебе принять и претворить в жизнь.

1. Володя остается здесь. В семье Брониславы с ним очень ласковы, он будет в хорошем детском саду, а остальное они обеспечат ему. Юра остается в лагере. Я немедленно еду в Москву. Будем работать, жить вместе, помогать друг другу.

2. Ты забираешь Юру и приезжаешь сюда. Устраиваешься работать, это возможно, Бронислава выделяет одну комнату (у них большая квартира), или можно устроиться недалеко от Казани у Миры. У нее тоже большая квартира (вообще в Казани сейчас не прописывают), но Бронислава это устроит, хотя площади свободной нет. Здесь можно будет также подлечиться тебе и мне, а работы на благо нашей страны здесь очень много.

Я лично сама не знаю, какой из этих планов лучше, некоторые моменты меня останавливают от того, чтобы поселиться в Казани (будем себя чувствовать беженцами,

это скажется во всем).

Единственно, что необходимо мне, – это жить вместе, и, по-моему, сейчас нет никаких серьезных причин для того, чтобы этого не сделать…

Если ты не едешь в Казань и не заберешь, значит, с собой Юру, сделай немедленно следующее: собери Юре вещи, зашей их в мешок, надпиши – 7-й отряд и отнеси секретарю комсомола завода. Положи ему туда: 1) фуражку, тапочки, рубашку (лежат вместе на полке в гардеробе), купи ему какие-нибудь простые штанишки, 2 пары чулок, 2 пары носков, какие-нибудь резинки и галоши на 33-й размер ботинок, может, и зимнее пальто туда положить. Коричневые брюки нужно немного починить (попроси Надю или кого-нибудь). Милый, сделай это обязательно и побыстрее. Напиши ему хорошее письмо, узнай о нем все, нужно будет уплатить за него деньги. Я очень жалею, что не взяла его с собой, – так у меня сердце за него болит, сама, дура, уехала, а его бросила.

Юра находится в пионерском лагере. По возрасту его надо было определить в самый младший отряд, но, так как он был уже пионер, его зачислили к более старшим ребятам. Поэтому чувствовал он себя довольно неуютно.

Позже он вспоминал:

На концерте художественной самодеятельности я прочел наизусть пушкинскую сказку “О мертвой царевне и семи богатырях”. Что-то помнил, что-то доучил, но выступил хорошо, хвалили.

Двадцать второго июня всех неожиданно собрали на общую линейку вокруг стоящего в центре флага. Старший пионервожатый сообщил о начале войны. Многие, особенно младшие, не очень понимали, что это такое, но я запомнил слезы в глазах вожатых. Недели через три принялись копать траншеи.

Отец приехал 19 июля. Я не видел родителей, ничего о них не знал больше месяца. Вдвоем бродили по лесу, собирали малину, потом купили в деревне молока. На другой день уехали в Москву.

Ночь первой бомбежки Москвы – 22 июля – они провели в Загорянке, на даче близкого родственника, Наума Перепелицкого. Он был преуспевающим работником торговли, ездил с Микояном в командировку в США, какое-то время был

директором Елисеевского гастронома.

Когда по радио объявили, что надо спускаться в бомбоубежище, Наум ушел туда, а Юра с отцом остались на втором этаже дачи, слышали взрывы, следили за лучами прожекторов. Потом они несколько дней жили у Наума на улице Кирова (теперь Мясницкая), а по ночам спускались в убежище – на станцию “Кировская” (сейчас “Чистые пруды”).

Письмо от Аси:

> Мой родной, милый, любимый мой Мишунь! Как тоскливо тянутся эти дни, уже прошло 8 дней, как эти сволочи рвутся к Москве, сбрасывают бомбы, и я ничего от тебя не имею. Сегодня получила письмо от 16/vii. Мой родной, пиши мне ежедневно открытки, очень прошу тебя об этом. Какой ненавистью полно мое сердце к этим извергам, я не сомневаюсь в их разгроме, но скорей-скорей бы это произошло.
>
> Мой мальчик! Я думаю, что сейчас самое лучшее для тебя, для всех нас и для всей страны будет, если ты приедешь сюда. Здесь кипит очень важная работа, и ты мог бы принести огромную пользу. Бронислава говорит, что устроит тебя на партийную работу, в таких людях сейчас здесь большая нужда, т. к. все ушли на фронт. И я думаю, если тебя в армию не взяли, то именно на партработе ты сумеешь принести наибольшую пользу нашей стране.
>
> Жизнь здесь дорогая, но жить можно. С жильем можно будет как-нибудь устроиться (вообще-то это очень трудно, т. к. сюда приехало много учреждений и людей). Нужно только сняться с учета, и неплохо будет, если тебя направят сюда (иначе будут затруднения с пропиской).

Он отвечает, что будет заниматься гражданской работой, а пока выполняет отдельные задания райкома. Из отпуска его не отзывают.

> А дела наши идут в гору, и какие бы еще удары нам ни предстояли, победа, вне всякого сомнения, будет за нами. И какая победа!

Рассчитывая на скорую победу, он не торопился принимать решение ехать в Казань, считая, что в Москве он сможет больше себя проявить.

От Аси, в минуты тоски и неведения, о чем-то, только им понятном:

> Мишунька, мой милый. Ох, и скучно мне без тебя и Юрчика. Как подумаю о вас, так и сердце сжимается. Повидать бы вас, прижаться к тебе, мой милый. Как хорошо в разлуке, все плохое забылось и помнится только хорошее, теплое. А ведь его не так уж много было в этом году. Неужели я во всем виновата, а ты ни в чем? За все эти недели я не получила от тебя ни одного теплого письма, да и строчки ни одной ласковой, не было ни тепла, ни ласки и между строками. В чем дело? В длинные бездеятельные вечера много об этом думаю. Или действительно чужими стали, или…

Несмотря на колебания, отец начинает готовиться к отъезду вместе с Юрой в Казань. Он пишет заявление в РОНО Сталинского района Москвы:

Секретарю парторганизации СтальОНО – т. Ленской

Заявление

Прошу меня снять временно с партийного учета в связи с необходимостью выехать из Москвы.

Я 1/vii поступил добровольцем в ополчение. 11/vii из-за болезни был оттуда отчислен. С этого времени я болею. 28/vii меня освободили по этой причине от работы в системе СтальОНО. Я выезжаю в г. Казань.

Член ВКП(б) с мая 1941 г. М. Ценципер.

28 июля 1941 г.

Поперек заявления резолюция:

> Парторганизация не возражает против снятия с учета совсем. Временно снятие на усмотрение РК ВКП(б).
>
> *Секретарь п/б Ленская.*
>
> *28/vii 41 г.*

Никаких билетов в плацкартные вагоны в эти дни достать было невозможно. 3 августа Юра с отцом на поезде, состоящем из одних теплушек, выехали в Казань. Теплушка была

переполнена, а дорога заняла не одни сутки, как раньше, а больше трех.

В это время Тарас, Женя, Леонид находились в действующей армии. Анатолий, подрывник-минер, взрывает мосты, заводы и другие объекты, чтобы при нашем отступлении они не достались врагу.

Двадцать второго июня Ася была в Москве, Миша – между Москвой и Севастополем, Володя – в Севастополе, Юра – в Подмосковье, но 6 августа семья снова собралась вместе. С начала войны прошло сорок шесть дней, до ее конца оставалось 1372.

Глава 4

Дербышки

Через десять дней после приезда в Казань, не без помощи Брониславы, Михаил Ценципер был назначен директором 101-й школы Молотовского района Казани. На самом деле школа располагалась в двадцати пяти километрах от города, в поселке Дербышки. Если не останавливались редкие поезда, платформа поселка с названием “Вагонстрой” всегда была безлюдна. Рядом – большой сосновый лес.

Поселок быстро застраивался бараками, времянками, палатками, расположенными прямо в лесу. Из старых построек было несколько двухэтажных жилых домов и тоже двухэтажное здание школы. В 1940/41 учебном году было в ней около четырехсот учеников – считалось, что много.

В первые месяцы после начала войны сюда был эвакуирован Ленинградский государственный оптико-механический завод, который изготавливал, помимо небольшого количества мирной продукции, оптические приборы для армии и флота – бинокли и прицелы. Разместившись в корпусах существовавшего в Дербышках “Вагонстроя”, завод № 237 (так во время войны назывался Ленинградский ГОМЗ) спешно готовился выпускать необходимую для фронта продукцию.

Из Ленинграда приехала большая группа инженеров и рабочих: производство требовало специалистов очень высокой квалификации. Естественно, многие прибыли с семьями, в том числе с детьми школьного возраста.

Галя Волкова вспоминает:

> Когда мы приехали в Дербышки, нас поселили жить в палаточном городке, где и прожили мы до снега. А потом мы жили на так называемых “Совнаркомовских дачах”, в лесу, недалеко от кладбища и вблизи двух деревень Дербышек (Больших и Малых).

Из воспоминаний другой девочки, ленинградки Эди Строгановой:

> Мы приехали в Дербышки. Какое забавное название! Мы живем в длинном ангарном бараке, построенном прямо в лесу. Нас очень много, но какое это имеет значение! По двум сторонам нары, а посредине “буржуйки”. Как здесь тепло, нет ни бомбежек, ни обстрелов. С нами в бараке живут игроки команды

“Зенит”. У мамы обнаружили тиф, а у бабушки – голодный понос.

В этот поселок и приехала наша семья. Нам дали комнату на втором этаже двухэтажного дома в коммуналке, где жили еще две семьи.

Директор школы – первая руководящая работа отца, которому было двадцать восемь лет. До этого, после окончания института, он год, а мама два года проработали рядовыми учителями. Вот что он увидел, впервые переступив порог здания школы (из воспоминаний, написанных им в 80-х для посвященного Дербышкам альманаха):

> Вся школа, все до единого ее классы и коридоры, забиты людьми! На полу громоздятся узлы, чемоданы, постели. Гудят примусы, кое-где коптят керосинки. Слышен детский плач, звучат негромкие разговоры, кто-то спит, где-то надрывно кашляют.
>
> Люди жили здесь уже несколько недель. В сущности, то была огромная коммуналка, но никакой даже самомалейшей междоусобицы!
>
> Горе, тяжкие лишения располагали к дружеству, к взаимному уважению.

Леня Портер, тогда шестиклассник, позднее вспоминал:

> В нашу первую зиму в Дербышках было трудно – и холодно, и голодно. Помню, как мы с дядей Миккой (так я звал отчима) отправились по деревням под город Арск менять на еду что-то из вещей, “отоваренных” по карточкам. С поезда по дороге растянулась на километр вереница таких же жаждущих, как мы. Прошли одну деревню, другую – никому наши вещи не приглянулись. Наконец наменяли где-то на треть мешка пшеницы и на детских саночках повезли этот “припас” по длинной дороге к станции. Посмотрела мама на этот тощий мешок и заплакала.

Наша мама тоже ездила в Арск – вернулась полуживая с мешком картошки. Ехала на подножке поезда и отморозила руки.

С первых шагов отец проявил себя требовательным директором и прекрасным организатором, энергия била у него через край, ее хватало не только на школу.

Из его воспоминаний:

> Было еще дело, отнимающее добрую половину суток. Я руководил агитколлективом завода, являлся, как тогда именовалась сия должность, “неосвобожденным культпропом парткома”. И, хотя за плечами по этой части имелся некоторый опыт еще с комсомольских лет, он не шел ни в какое сравнение с требованиями военного времени, с масштабами предприятия. Я часто бывал в цехах, выступал на собраниях и митингах, проводил инструктаж и для агитаторов, руководил стенной печатью и наглядной агитацией, всех дел не сочтешь.

Обладая несомненным ораторским даром и эрудицией, он очень часто делал доклады в клубе для аудитории заводского поселка. У него было всегда острое чувство истории. “История – не только то, что было, но и то, что есть!” – говорил он. Вот, например, тезисы доклада “о текущем моменте”, сделанного 22 сентября 1941 года:

> Была у Германии ставка на молниеносность войны.
> Господа считали – для Москвы – макс. 14 дней.
> 9 сентября – Тимошенко арестован, армии Буденного и Ворошилова окружены.
> Прежде блицкриг в Европе имел успех.
> Гитлер на Восточном фронте с секундомером в руке.
> Личный астролог Гитлера (есть и такая должность!).
> Важнейшая задача момента – осознать силу опасности.

А вот запись от мая 1942 года:

> 1. Переживаемый момент – узловой поворот истории.
> 2. Провал планов Гитлера – наше контрнаступление, гениальный выбор момента для этого.
> 3. Вспомним мировую войну 1914–18 гг.
> 4. Гитлер переходит к позиционной войне.
> 5. Вся Западная Европа была завоевана за 151 день.

В начале войны отец с мамой были полны оптимизма: война скоро закончится. В тезисах к докладу 7 апреля 1943 года видно, насколько ожидания изменились:

Война будет еще длительной. Будут еще меняться периоды наступления, затишья, обороны. Но общая тенденция войны ясна – линия фронта постепенно, но неуклонно отходит на Запад. Геббельс с полным основанием мог недавно заявить, что война приближается к воротам Германии. Фашистская Германия и ее союзники будут неминуемо разбиты.

Весной 1943 года в Казани появились признаки тифа. Отец выступает перед неработающими женщинами Дербышек:

Товарищи домохозяйки!

Женщины и девушки нашего поселка!

Трудные и грозные времена переживает наша Родина.

Каждый день советский патриот спрашивает себя:

– А что еще могу я сделать для моей страны?

И каждый день находятся все новые и новые дела, требующие нашего труда и нашего внимания.

Сегодня таким неотложным делом является наведение чистоты и порядка в наших домах и на наших улицах.

Домашняя хозяйка! Женщина! Девушка! Ты хочешь помочь Родине?

Наведи чистоту в своем жилье, прибери около своего дома. Это будет драгоценной помощью: ибо грязь – это эпидемические болезни, вынужденные прогулы, это остановка станка.

Вооружимся лопатами и метлами, выйдем в поход на уничтожение грязи. Пусть наши комнаты и квартиры, весь поселок засверкают чистотой и опрятностью.

Но основное время и энергия отдавались школе, которая постепенно становилась местом, где дети могли “оттаять” от всего навалившегося на них.

Эди Строганова вспоминает:

Если бы не было Михаила Борисовича, то не было бы такой школы…

Мама и отчим с утра до ночи на работе. А мы живем в школе, любимом нашем “мактебе” (“школа” по-татарски. – *Ред.*). Домой приходим лишь есть да спать. Школа – наш второй дом, вернее, главный дом.

Все наши интересы, вся наша жизнь здесь. В школе мы окружены теплом и заботой. Здесь интересно,

увлекательно. Днем занятия, пионерские, а потом и комсомольские дела, а во второй половине дня – поем и танцуем, декламируем, рисуем и пишем стихи.

Из воспоминаний Лени Портера:

> …Школа была эпицентром всей жизни поселка, мы, ее учащиеся, постоянно были чем-то заняты, свободного времени было очень-очень мало, так как на каждом из нас лежали еще и домашние обязанности. Школа жила событиями и заботами страны. Мы все по-взрослому следили за положением военных действий, обязательно слушали последние известия, отмечали на картах передвижение наших войск красными флажками, шили незамысловатые кисеты, вышивали узоры на них. Кисеты и поделки-сувениры отправляли на фронт посылками, собирали лекарственные травы, помогали в уборке картофеля в деревне Киндери.

Отец, помимо директорства, преподавал физику. Делал он это очень ответственно и увлеченно, как и все в жизни.

Спустя годы он напишет:

> Мое неравнодушие к физике объясняется деталью биографии.
>
> После рабфака сдал документы на филологический: подтолкнула давняя склонность водить перышком по чистому листу. Осилил все пять экзаменов, был уже зачислен и… в последний момент сбежал на физический факультет.
>
> С чего такое сальто?
>
> Литературу я всегда любил, но посчитал, что гуманитарные бастионы можно одолеть и помимо вузовских стен. Книг – горы, читай – думай. Что до физики – знал я ее плохо, но смутно догадывался: мое. Вероятно, подтолкнула и заводская выучка: руки в физике – не последняя спица.
>
> Да, физика – это не только грамотный инженер или дельный врач. Это и духовная ширь, горизонты.

Его уроки были интересны, но требовательность к ученикам у него была чрезвычайная. Неуютно себя чувствовал не только тот, кто не знал материал, но и тот, для кого литература и история были предпочтительнее точных наук.

Из воспоминаний Нелли Ершиной:

Почему-то первым в классе вижу Михаила Борисовича Ценципера, грозного директора и нашего преподавателя физики. Высокий, светлый, всегда спокойный; объясняет материал и очень старается всех увлечь своим предметом, старается всех заставить работать именно на уроке. Наиболее толковые ребята вскакивают с мест, впопад и невпопад отвечают, а я переживаю, потому что быстро соображать не могу, и еще потому, что физику не люблю, считаю, что это не мой предмет.

Сорок лет спустя Михаил Ценципер так оценивает себя той поры:

Отчаянный максималист, я наивно жаждал от каждого самозабвенной отдачи в учебе и дисциплины, что не знает никаких “сбоев”. Такое время! А кто-то смеет прийти с невыученными уроками? Еще кто-то умудряется опаздывать на занятия? И я, нисколько не обремененный (мягко говоря) педагогическим опытом, искал на них ответы в неукоснительной строгости. К тому же толком “повозиться” с кем-то из ребят в отдельности – на это просто-напросто не было времени.

Была у меня и еще беда (обычная у начинающих руководителей): слишком многое я брал на себя, подменяя порой учителя и еще более укорачивая свои рабочие сутки.

А мама преподавала древнюю историю и Средние века – отчасти поневоле. Не член партии, тем более – исключенная из партии, преподавать историю новейшую не имела права.

Вот какой запомнила ее Нелли Ершина:

Вижу перед глазами Анну Львовну, учительницу моего любимого предмета – истории – и нашу классную руководительницу. Я ее представляю сидящей за учительским столом, вижу ее милое лицо, большие темно-серые глаза и добрую улыбку.

Из воспоминаний Германа Серкова:

Анну Львовну слушали завороженно, в классе классическая тишина; она любила садиться за первую парту у окна, поворачивалась к нам лицом и, сидя,

рассказывала об удивительной истории Древнего Рима. Слушали ее затаив дыхание; она никогда не повышала голоса, была очень ровной, тихой и печальной и на всю жизнь подарила нам любовь к истории.

А так вспоминает Асю, Анну Львовну, один из любимых ее учеников Леня Портер:

> Высокая, очень худощавая, с красивым лицом, зябко кутаясь в платок, она внимательно смотрела на нас ласковым и строгим взглядом. В этом взгляде всегда искренняя заинтересованность: “А каков ты человек? Чего ты стоишь?” Нравственные критерии ее оценок очень высоки, и ты стоишь перед нею, как перед своей совестью, и, если виноват, стыдно бывает ужасно, хоть беги на край света.

В начале 1942 года из блокадного Ленинграда в Дербышки приехала группа эвакуированных по льду семей. Среди них – Наталья Андреевна Гурвич, жена оптика-полировщика стекол на заводе. Она вспоминает:

> Поместили нас с мужем в “ангарном бараке” – четыре семьи в одной небольшой комнате. Трудное то было время: лишения, недоедания, не хватало одежды, обуви, но завод работал на полную мощь, жила школа, учились дети.
>
> Сразу же по приезде пришла в школу № 101, единственную в поселке. С большой теплотой встретил меня директор школы Михаил Борисович Ценципер. Как сейчас помню, как загорелись его глаза, когда он узнал, что перед ним специалист по физическому воспитанию и хореографии. С его кипучей энергией и принципом “не откладывать на потом” он тут же повел меня в класс.

Он с ходу определил, какая это находка для школы. Наталья Андреевна организовала хореографический кружок, который стал лицом школы, завоевывая первые призы на смотрах художественной самодеятельности Казани. Самой яркой звездой коллектива стала Эля Смирнова. Она вспоминает:

> Моя школа резко изменилась, когда к нам пришла Наталья Андреевна. Я помню, был просмотр в хореографический кружок, и с первых же движений

Наталья Андреевна обратила на меня внимание. Я даже не представляла себе, что у меня есть способности.

Хореографический кружок репетировал номера на музыку Шопена и Чайковского, Асафьева и Глиэра, Рахманинова и Бородина, Брамса и Грига.

Снова Эля:

Я помню, как наш директор Михаил Борисович старался поддержать меня, давая талон на дополнительное питание, так как я была очень худенькая и бледная. Я всегда получала путевку в пионерский лагерь.

После войны Эля поступила в Ленинградское хореографическое училище в класс Агриппины Вагановой – редчайший случай приема в ведущее училище в “преклонном”, пятнадцатилетнем, возрасте. Потом Эля в течение двадцати трех лет была солисткой Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова. Позже она осталась работать в театре в качестве педагога-репетитора.

Были при школе также драматический кружок и хор, часто выступавшие в поселке, городе, госпиталях. А ведь еще регулярно выходили стенные газеты-“молнии”, работал радиокружок, тир, спортивные и военные секции.

Из воспоминаний Геши Брусенцова:

Это был школьный актив, буйный, самодеятельный, очень незаметно направляемый нашим директором и учителями. В нем вечно кипели идеи и страсти, велись бурные дискуссии, готовились вечера, карнавалы, спектакли, концерты, школьная стенгазета. В стенах школы всегда было тепло и светло, захватывающе интересно. Все, что делалось, делалось по “большому счету”. Если пьеса, то это не дешевенькие скетчи, а “Свои люди – сочтемся” Островского, “Русские люди” Симонова, сцены из “Бахчисарайского фонтана”, “Бориса Годунова” Пушкина, “Горе от ума” Грибоедова…

Сколько талантов было в нашей чудесной школе!

Какой проникновенный голос был у Эди Строгановой, он буквально завораживал всех слушателей, а на городском смотре эта прелестная девочка завоевала первое место. Сколько было радости и счастья, когда наша школа получила переходящее

знамя ГорОНО, отобрав его у 86-й, прославленной ранее, школы. Так это знамя и осталось навсегда в 101-й школе!

Из отчетов:

> В июне 43 г. в школе было 793 ученика, в 2 раза больше, чем в 40/41 учебном году. При этом кружковой работой были охвачены 486 человек (2/3 всех учащихся).
>
> На танковую колонну в школе в 43 г. было собрано около 5000 руб., отправлено в действующую армию 5500 писем, 500 теплых вещей, большое количество кисетов, мыла, носовых платков. Для медицинских учреждений собрано около 300 кг лекарственных растений (полынь, пастушья сумка, хвощ и пр.). Большая помощь оказывалась госпиталям, детям Сталинграда и других освобожденных районов. Всем этим ученики были вовлечены в общие дела страны, воспитывались в любви и сердечности друг к другу.

Немецкие самолеты могли долетать до Казани, в которой было сосредоточено много оборонных предприятий. 25 июня 1943 года отец пишет приказ по школе:

> В соответствии с решением Исполкома Казанского городского Совета депутатов трудящихся от 18 июня с. г. и указаниями штаба МПВО поселка завода 237 приказываю:
>
> 1. Ввести строжайший светомаскировочный режим.
>
> 2. Создать группу самозащиты в составе нескольких звеньев (перечисление).
>
> 3. Всем бойцам и командирам вменяется в обязанность по сигналу воздушной тревоги являться на объект (здание школы) в течение 10 мин. (не более) с момента подачи сигнала.
>
> Не являющиеся вовремя будут переводиться на казарменный режим.
>
> Все распоряжения и указания начальника группы и командиров звеньев подлежат немедленному и беспрекословному исполнению.

Взрослеющих школьников, учителей призывали на фронт. Через сорок лет Леня Портер вспоминает:

> Помню, какими притихшими мы были, когда на свой последний урок пришел наш учитель литературы Петр

> Иванович. Он ходил между рядами, рассказывал что-то, кажется, о Тургеневе, а мы смотрели на него и думали: ему завтра на фронт, вернется ли он живым? Не вернулся…

Первыми были призваны Слава Пьявкин, Виктор Богданов, Борис Голубчик. Остался в живых только Борис. Слава Пьявкин, любимец школы, погиб 26 февраля 1945 года, Витя Богданов – по пути на фронт.

Гибель учеников была горем и потрясением для школы. Забегая вперед, надо сказать, что по инициативе отца пионерская дружина его будущей московской школы № 437 носила имя Славы Пьявкина (он был москвич).

В 1943 году вышло постановление о раздельном обучении мальчиков и девочек. К началу 1943/44 учебного года отец некоторое время был директором четырех учебных заведений: 101-й мужской, 84-й женской, начальной татарской и школы рабочей молодежи.

Спустя сорок лет он пишет:

> То была очень счастливая пора в моей жизни! Случайно став директором школы в Дербышках, я потом уже отнюдь “не случайно” (!) оказался на целых тридцать четыре года директором столичной 437-й школы. И если моя московская школа привнесла нечто свежее и интересное на ниву народного просвещения послевоенной поры – истоки этих находок берут начало в нашей 101-й, дербышенской.

Спустя четыре десятилетия бывшие ученики говорили в один голос: “Это была счастливая пора в очень трагическое время. Спасибо учителям и директору…” В таких обстоятельствах слова “счастливая пора” и “счастливая школа” дорогого стоят.

Дедушки и бабушки

От маминой мамы из Сталино в Казань пришла открытка:

> Родимые дети! Асенька, недавно вам писала. Сегодня пишу, что Толя уехал на фронт, обещал тебе по возможности писать. Мы спокойны – и гордимся, что сын обещал крепко оберегать интересы родины. Будьте здоровы. Хотелось нам, старикам, быть около вас – да, видно, не удастся – поклон Мише, Юрочке, Володе, Аде.
>
> *Твоя мама.*

Бабушка погибла то ли в самом городе, то ли при эвакуации. Дедушка при эвакуации отстал и оказался один.

> Дорогие дети!
>
> Хотя я недавно писал вам письмо, не уверен, получили ли его. Точный адрес я утерял и пишу на старую вашу квартиру.
>
> Я нахожусь недалеко от Ташкента, один, где наши все – не знаю. Положение нехорошее, я один, оторван от всех, старик, к этому больной. Все очень дорого и трудно достать. Хотя я нахожусь при колхозе, но работать не могу. Поэтому, дорогая Ася, буду ждать разрешения высокой инстанции, чтобы дали возможность забрать старика к тебе. Жизнь у меня осталась короткая, и хочу умереть возле Вас.
>
> Я валялся шесть недель в товарном вагоне, конечно, не один, но всю дорогу был больной, и не было кому подать каплю воды.
>
> Кому нужен такой старик, как я. Не евши всю дорогу, я не думал, что доеду до места назначения, а поэтому спасение зависит только от вас. Больше писать нечего, кроме мысли, что человек может быть заброшен один и оторван от своих. Пиши, деточка, как ваша жизнь, где Миша находится, как дети.
>
> *Целую Вас всех.*
>
> *Отец и дедушка.*
>
> *Жду ответа.*

Узбекистан. Ст. Арис, село Мамаевка

Петру Ивановичу Татарникову для Ужет.

Через четыре месяца он воссоединился с частью семьи в Средней Азии и писал маме (в русском он делал массу исправленных здесь ошибок):

> Дорогие дети! Письмо и деньги получил, очень Вам благодарен. Ася, радость, которую ты мне прислала с письмом, так трудно описывать, я от радости плакал, что имею с кем-нибудь поделиться, ты же у меня одна осталась, больше никого.
>
> Я не знаю, у кого город Сталино – у нас или врага. Если он у нас, то тогда бы я рискнул поехать на родину.
>
> Когда я жил у себя дома, так я не думал, что мне придется жить на средства детей. Было все свое, хватало на жизнь, а теперь подумать страшно, что стало с нами – все в прах. Все это проклятая война.
>
> Пиши, детка, как вы живете и как здоровье Ваше. Хватает ли Вам на жизнь. Пиши обо всем. Как здоровье Миши, также и детишек. Юра, наверное, большой мальчик. Как он учится и как Володик – нервы не дают покоя при воспоминании.
>
> Твой отец, который желает Вам жизни и здоровья, целую крепко, привет Мише и внукам.

Из Севастополя в Казань шли письма от старших Ценциперов:

> 29.07.41
>
> Мы здоровы. Все спокойно. Все хорошо. От Аси получили открытку. Думаю, что вы все собрались уже вместе, о нас не беспокойтесь. Гадов фашистских не пускают, а в случае чего, мы в убежище.

А это письмо Аде, которая пошла работать на завод через девять дней после приезда в Дербышки:

> Дорогая моя Адочка! Почему ты не пишешь? Как здоровье твое, Ирушки? Ты кормишь, нужно хорошо есть, отдыхать, а мне кажется, ты чрезмерно мотаешься. Почему по-честному не написать мне обо всем?
>
> Сегодня мы перевели тебе 200 руб. на усиленное питание.
>
> Не торопись на работу до холодов. Поможем тебе

ежемесячно. Будь немного эгоистичнее и подумай о себе. Кормишь, а подорвешь силы – потом как? Напиши, как Женя. О нас не беспокойся, душа моя. Только если б могла поехать, чтоб помочь вам. Жизнь у нас течет нормально, спокойно. Одну кровать перевезли на Керченскую в Красный уголок – там спим. В случае тревоги, там подвал в скале во дворе, туда можно уйти и даже не слышно ничего.

Подозрительное спокойствие – ведь Севастополь зверски бомбили с начала войны на протяжении двухсот пятидесяти дней.

И вот ведь судьба: Тараса из училища мичманов под Ленинградом направили в родной Севастополь. Родители поэтому и не стали эвакуироваться – сын между боями забегал "поесть борща".

Однако оставаться в городе было все опаснее, а время для плановой эвакуации из Севастополя было упущено. Тогда Тарас организовал отправку родителей морем в Новороссийск на… подводной лодке. Лодка из-за технического состояния не опускалась под воду, а была переоборудована в плавучий госпиталь. Их скарб состоял из чемоданчика с одеждой и бельем, в руках – якобы серебряная ваза, позже оказавшаяся мельхиоровой, и швейная машинка "Зингер". Весь путь они простояли на мостике шириной в метр и длиной в двенадцать с еще десятью эвакуируемыми, у каждого – по одному чемодану.

Из Новороссийска поездом и пароходом добрались до Казани и поселились в той же комнате, где жила вся наша семья. Итак, на пятнадцати с половиной квадратных метрах – восемь человек. Четверо нас. Адочка с Иринкой. Дед с бабушкой.

Володя вспоминает деда в Дербышках:

> Дед во время войны работал на заводе, что-то вроде сортировки вторичного сырья – металла. Дали ему в помощь – грузчиками – пленных офицеров-эсэсовцев. Картина, как сейчас представляется, фантастическая. Немолодой, маленький и пугливый дед-еврей, командующий группой немецких офицеров-эсэсовцев. Отборные, высокие, в серых шинелях, с которыми дед объяснялся на немецко-еврейском жаргоне и поручал носить свою винтовку-трехлинейку! Деду ее вручили для охраны немцев, но он ее боялся и давал носить им же. Часто можно было видеть странную картину (я деду иногда, если это было не на территории завода, носил еду): телега с металлоломом, в которую впряжены две "тройки" немцев-эсэсовцев, сзади телегу

подталкивают еще человека два-три. Сбоку идет эсэсовец с винтовкой, а всей этой упряжкой картаво командует на идиш (дед язык коверкал, делая его “доступнее”) маленький мирный дед.

Бабушка говорила, что в начале войны – во время бомбежки – дед сразу убегал в убежище. После отбоя на упреки и смешки бабушки отвечал: “Я хотел, чтобы хоть кто-нибудь из нас остался живой!” Дед был прелестный.

В Севастополе остался только брат деда Бориса – Соломон. В письме, скорее всего отправленном в начале 1942 года, он писал:

> Дорогие все! все! все!
>
> Я здоров…. Работаю уже дней 10–12. Но не могу дознаться – кто где находится. Так, дорогие, за наше мужество и страдания мы, герои-севастопольцы, будем, пожалуй, первыми в мире. А вы в прошлом году беспокоились – кому оставлять ключи от квартиры. Бедный ключ где-то хранится, но в целом – где правда?.. где квартира? Ваша дальнозоркость равняется Володиной, а ему 4 года. Я тоже хотел ехать, но денег мало, а барахло даром никому не нужно.
>
> Целую. Все.
>
> *Соломон.*

Соломон считал, что немцы, давшие миру Баха, Бетховена, Шумана, не могут быть злодеями, и остался в Севастополе. После отступления советских войск он потерял рассудок. Немецкий солдат застрелил его на улице.

Всего в Севастополе у нас погибло 57 родственников и близких знакомых.

Самуил Ценципер (Тарас)

В 1971 году Тарас опубликовал заметку в многотиражке Московского электролампового завода, где он работал главным энергетиком. Там он вспоминал:

> 31 октября завязались первые бои. У нас было мало артиллерии и автоматов, совсем не было боевого опыта. Но курсанты стояли насмерть и сдерживали бешеный натиск врага.
>
> Главной нашей задачей было выиграть всего три-четыре дня до подхода дивизии Приморской армии. Курсанты сделали почти невозможное. Не раз с громовым матросским “ура” мы бросались с винтовками наперевес в контратаки.

В декабре 1941 года он пишет брату:

> Куда: Казань “18”, директору школы № 101, Ценциперу М. Б.
>
> Откуда: Действующая Кр. Армия, сортировочный пункт литер Т 80-ая полевая почтовая станция 105 отд. Саперный батальон пульрота Ценципер С. Б.
>
> Здравствуйте, дорогие! Мои письмо, и открытку, и общее письмо вы уж, наверное, получили и знаете мои новости. Сейчас мы по-прежнему находимся в армии в рядах защитников города. Эти дни мы заняты большой работой: готовим себе зимний блиндаж – получается хорошо – надежное укрытие. У каждого матрац, подушка, одеяло, печка уже! В общем, шикарно. Я, если удастся, в следующий раз, когда буду в городе, захвачу всякую мелочь и немного книг. Насчет нашей учебы пока выясняется. С каким удовольствием читаем о наших победах. И у нас враг не пройдет.

В конце декабря он получил ранение и лишился фаланг пальцев. Его направили в госпиталь санатория им. Челюскинцев в Гагры. За участие в боях он был награжден уважаемой народом медалью “За отвагу”, дорогой для севастопольца медалью “За оборону Севастополя”, а позже – медалью “За оборону Кавказа”.

Тарас пишет из Гагр:

Ну, мои дела идут неплохо, пальцы затягиваются хорошо и, наверное, выздоровление их займет не 2–3 м., как я писал в письме, а 1½ – 2 месяца. Может быть, через полтора месяца дадут отпуск на месяцок, так часто делают, когда рана затянулась, но еще не залечена и нет смысла занимать госпитальную койку. В этом случае прикачу к вам, хотя не хочу тешить себя мечтами, т. к. это может быть и не быть. А пока живу тут, читаю, играю на бильярде левой рукой.

Тарас приврал: с рукой все было гораздо серьезнее – у него начиналась гангрена. Через три недели он пишет:

Сегодня наконец получил от Вас первые письма за последние два с половиной месяца и обрадовался неописуемо.

Сейчас я уже снял бинты и сижу на балконе (при зверском солнцепеке!) и пишу, держа карандаш в заживших пальцах правой руки, пишу очень быстро, т. к. возбужден. Раны мои затянулись поразительно быстро, вызвал удивление лечащих врачей. Оказалось (!!), что на пальцах ампутированы были не целиком фаланги, а части их.

Здоров же я как бык, пользуюсь всеми благами раненых бойцов, сидеть тут надоело чертовски, прочел бездну книг, ем мандарины и пью часто виноградное вино. На днях мне будет комиссия, и пошлют в какую-нибудь нестроевую часть по специальности, а может быть, и вновь учиться в наше училище, которое мы временно оставили для защиты Севастополя.

Севастополь здорово защищают, слава за это морякам! Когда-нибудь приведу вас на нашу позицию и покажу, где шли бои, где мы жили. А пока для этого надо освободить весь Крым.

Письмо из Поти, где Тарас после госпиталя стал работать на военно-судоремонтном заводе, так как был демобилизован из армии вчистую:

О *** (“Севастополе” замазано цензурой. – *Ред.*) вы, наверное, читаете в газетах. Опять наш родной город стал легендарным. Все чудеса храбрости и отваги, все битвы за год войны бледнеют перед *** баталиями. И никогда гансам не взять ***, в это мы все абсолютно верим. Поздравляю вас с новыми союзниками 2-го

фронта. Хорошо бы, чтобы они скорее открыли второй фронт, да и воевать научились бы, как мы.

Тарас – севастополец, моряк, “братишка” во флотском бушлате, в тельняшке. Такой он был, таким и оставался.

6/vii

Здравствуйте, дорогие! Пишу вам часто, чтобы не беспокоились.

Ну, вы из сводок знаете, что наши оставили Севастополь. Но что же делать: чудес много быть не может. Уж то, что Севастополь держался не день-два-пять, а двести пятьдесят дней, есть величайшее чудо. Тяжело представить, что нет больше родного старого Севастополя, нет его улиц, домов, нет нашего дома на Советской улице, нет панорамы…

В ноябре 1942-го:

Эти все дни у меня богаты воспоминаниями: год назад в это время мы под Севастополем вышли на фронт и включились в общее дело. Эх, скоро ли вернем сполна родимые края? Из бесед с ребятами с фронта чувствуется, что ганс уже выдыхается. Вон под Туапсе, читаете в сводках, его лупят очень крепко. А там и Сталинградская пружина свернется до предела и настанет момент, когда ее отпустят – вот когда удар по немцам будет. А сейчас еще задача – не дать им сломать эту пружину. Молодцы сталинградцы, прямо соперничают в доблести с севастопольцами.

Интересно, многие ли тогда могли так точно чувствовать перелом войны и великую роль в этом Сталинграда?

В тылу

После окончания 1941/42 учебного года мама с группой старшеклассников поехала на помощь заводскому подсобному сельскому хозяйству в деревню Лаишево – сперва без Володи, а потом отец привез и его. За несколько месяцев мама написала отцу много писем. Вот некоторые выдержки:

> Дорогой мой, милый директор и начальник!
>
> Вчера сидела в конторе, когда ты звонил, очень рада была твоему голосу, я тебя слышала, очень обидно, что нельзя поговорить как следует. А вообще я очень скучаю о тебе, хоть бы немножко побыть вместе. Немного о делах:
>
> 1. Некоторые ребята у нас совсем босые и из-за этого болеют. Достань хотя бы 3–5 пар мужской обуви и пришли обязательно.
>
> 2. Пришли желудочных лекарств, слабительное, салол и т. д.
>
> 3. Ал. Фед. мне буквально не дает жить – ей необходимо съездить в поселок на 1–2 дня повидать своего любимого, который с фронта приехал. Можно ли ее отпустить? Работа от этого не пострадает.
>
> 4. Здесь собралось несколько ребят, которых необходимо отправить в поселок, но нас становится все меньше.
>
> Может быть, можно, чтобы приехал сюда на 1 день врач со всякими медикаментами? Хотя серьезных заболеваний нет, но ежедневно 8–10 ребят не выходят на работу.
>
> 5. Кормят сейчас хуже, утром и вечером “завариха”, до того она приелась, что всем тошно. Говорят, что больше ничего нет.

Завариха – это болтушка из муки и воды.

Мама пишет часто и подробно. Видимо, жизнь немного наладилась.

> Живем мы хорошо. Больных совсем нет. Настроение хорошее. Работают дети хорошо и, по выражению агронома, спасли картошку, просо, свеклу. Эти три культуры они самостоятельно целиком обработали. Сейчас работают на горохе и табаке. Сегодня выходной –

работаем до обеда. Устроили здесь очень веселый, хороший карнавал, вчера другой маскарад. Выпускаем газету (обязательно пришли бумагу). С питанием иногда бывают перебои. Но я им (начальству) ничего не спускаю, дерусь!

Последние дни, вечера тянутся бесконечно, темнеет очень рано. Очень, очень скучно, от нечего делать много думается, а это, как ты знаешь, редко пользу приносит. Родной мой, скучаешь ли ты обо мне?

Ну, на этом лирику заканчиваю. Ты ведь последнее время не большой любитель ее.

Мама много пишет о Володе, или как его называли в семье с легкой руки отца, о Чижике:

Ну, теперь о нас с Чижиком.

Чижик чувствует себя очень хорошо. Пришли что-нибудь ему: он скучает по всем по вам. Особенно по Юрке, все время его вспоминает, собирает и откладывает ему все, просится к нему. Товарищей у него нет. А ребятам он часто надоедает. Очень жарко, и ест он сейчас плохо, но это временно.

Мы здоровы. Володя – отчаянный хулиган. Вчера влез в бочку с питьевой водой (решил купаться). Лазит по всем деревьям. Со всеми задирается. Домой собирается всех увезти на своих самолетах (Володя все время играл в аэродром. – *Ред.*).

Володику здесь очень хорошо, он, правда, не имеет товарищей, но, я думаю, ему это на пользу, он спокоен, играет сам, не плачет. А ребята его очень балуют, и он, конечно, пользуется этим. Всем говорит, что он здесь станет “толстый, как дом, и сильный, как пароход”.

Ходит с ребятами в поле, таскает выполотую траву, вчера ему совет бригадиров вынес благодарность за доблесть на трудовом фронте.

Сохранилась даже официальная справка о Володиной “зарплате” – в шесть лет он собирал оставшуюся после уборки кукурузу.

А Юра провел две смены в пионерском лагере завода в живописном месте на реке Казанка. Спустя десятилетия он вспоминает:

На завтрак овсяная каша, на ужин – для разнообразия меню – каша овсяная. Черные языки и губы от вяжущего вкуса спелой черемухи, которой вовсю объедались.

Мне почти десять лет, перешел в четвертый класс. По тем временам этого было достаточно, чтобы представить, где проходила в августе линия фронта и что это означало для всех.

Многое забылось, но в память врезался один из вечеров.

В лагере была незамысловатая эстрада, перед нею деревянные скамейки. Запланированное мероприятие – сообщение о положении на фронтах, а потом самодеятельность. О чем говорилось в сообщении, несложно представить. А затем на сцену вышла девочка и стала петь песни того, сорок второго года.

Я не знаю почему – то ли дело в самих песнях, то ли в том, как она их пела, то ли в исключительности времени, обстановки, а по-видимому, все это вместе, но меня никогда не покидали очень волнующие впечатления от того теплого летнего вечера. Было тепло, а по телу шли мурашки…

Девочку звали Эди Строганова. Я был на несколько лет ее младше, никогда с ней не разговаривал, и вряд ли она знала о моем существовании.

Юра считает, что в его становлении первым, почти по-взрослому эмоциональным, впечатлением, запавшим в душу, была эта девочка с толстыми косами.

В одном письме из Лаишево мама деликатно намекнула:

Я слышала, что в поселке распределяют квартиры. Может быть, тебе зайти на завод, поговорить там.

Отец никак не среагировал – ни по телефону, ни в письмах. Но, когда мама с Володей в начале сентября вернулись в поселок, ее ждал невероятный подарок.

В течение лета в задней угловой части школы силами завода была построена настоящая однокомнатная квартира с маленькой кухней, туалетом и крыльцом, выходящим на противоположную фасаду сторону. Квартиру как-то оборудовали, раздобыли старую мебель, сколотили кровати, поставили самодельные стеллажи с книгами. В прежней комнате остались бабушка с дедушкой и Адочка с Иринкой. А вообще в разных квартирах при школах с этого времени и до конца 1969 года было прожито почти

тридцать лет.

Квартира была, естественно, далеко не комфортабельная. Днем через стены доносился шум из школы, Юра ловил на кухне за хвост мышей. Однажды братья стали тянуть дверь из коридора в комнату в разные стороны – кто перетянет. Почему-то Юра отпустил дверь, и Володя, упав, разбил до крови о батарею затылок. Шрам остался на всю жизнь.

Володя считает, что лет в шесть, по-видимому, обрел первых своих друзей – Рудика и его сестру Олю. Они были детьми очень знаменитого до войны (и после нее) футболиста ленинградского "Зенита" Петра Дементьева. Виделись они и после войны. Рудик тоже играл за "Зенит".

После окончания учебного года, в начале июля, отец поехал более чем на полтора месяца в туберкулезный санаторий в Башкирию "на кумыс". Место называлось Шафраново. Кобылье кислое молоко действительно давало некоторый медицинский эффект.

По пути в Шафраново отец смог совершить небольшое путешествие по Волге от Казани через Ульяновск в Саратов – и наконец в Башкирию.

С дороги, а потом из санатория он пишет маме:

> Неожиданно оказалось, что мы подходим к Ульяновску. Типичный волжский город – круто спускается к самой Волге. На склоне – рынок, с которым мы только что познакомились. За неимением пива (которое кончилось за 10 м. до прихода нашего "Володарского") закусил парой соленых помидоров…
>
> Едем прекрасно. Выехали в час ночи. Плотно закусили и – спать. Спали до 11 ч. А потом смотрел на Волгу, восторгался ею и опять спал. В Тятюшах выпили прекрасного "катыка" (кислого молока).
>
> Лечу глаза и понемногу читаю интересную книжицу – мемуары Коленкура.

> Сижу в Куйбышевской филармонии и слушаю большой концерт (пытались попасть в Большой театр – московский, – но ошиблись временем).
>
> Все идет прекрасно. В Куйбышев прибыли сегодня в 12 ч. дня. Здесь все очень хорошо. Куйбышев – что Казань: так же стоят трамваи, такая же грязища (в большинстве случаев). Очень приятная планировка города – все улицы прямые как стрелы.

Сегодня нам впервые дают кумыс уже по 2 бутылки (т. е. 1 л). Он мне пришелся очень по вкусу. С бутылками кумыса пойдем в лес. Потом – обед и т. д. На меня нашла уже этакая санаторная блажь, когда ни о чем, кроме еды, спанья и прочей ерундишки, не думается.

Устроился я прекрасно и на год (а то и на два!) сделаю себе хорошее, даже отличное, здоровье. Сейчас поужинал. В столовой – концерт силами разных халтурщиков. Я сижу в саду на скамье и дописываю. Горят лампы на фонарях, тихо, и никак не скажешь, что идет война. Вот тут, вдали от всяких неудобств военного времени, по-настоящему чувствуешь, как многого оно нас лишает.

Ласта! Напиши, как идут дела в школе? Передай от меня приветы. Как ты сама? Где Юрка и Чижарик? Не скучай. Не волнуйся и по поводу моего беспокойного нрава – я веду себя как подобает – главным образом провожу время в мужском обществе, благо оно здесь интересное.

Женская половина санатория (это, Ласта, ответ на вопрос) занимает довольно скромное место в моих делах, еще даже не всех успел разглядеть как следует. Но, конечно, за себя не ручаюсь (говоря в духе Тартарена).

6/viii 1943 – г. Шафраново

Дорогие мои!

До чего же радостно сейчас на душе. Орел и Белгород – наши! В Москве – салют! Итак, лето 1943 года повернуло ход войны в другую сторону. Трудностей, конечно, еще много, но – победа будет наша и уже не очень за горами.

По этому случаю охота выпить, но, к сожалению, кроме кумыса и кипяченой воды здесь ничего нет.

Чувствую себя прекрасно (горы готов своротить!). Нравлюсь некоторым девицам, а сам себе – еще больше (как всегда). Денег у меня вполне достаточно – перевод ни к чему.

Вот и вся моя жизнь.

Письма мамы отличаются по своей интонации от пышущих

оптимизмом отцовских:

Дорогой мой, милый, любимый!

Скучаю ужасно без тебя. Сегодня просто места себе не найду, эх, не было бы войны, поехала бы к тебе, когда она, проклятая, кончится. Скоро, наверное, – ты уже, конечно, знаешь о нашем наступлении, вот здорово!

Часто-часто я вспоминаю наше пребывание в Севастополе, ведь мы очень мало с тобой по-настоящему вместе бывали, отдыхали. Мне кажется, если бы это возможно было бы осуществить, я бы очень быстро поправилась. В жизни моей мне очень не хватает твоего внимания. Это не забота о нашей семье, о всяких материальных благах, не об этом внимании я говорю.

Недавно пришли с Адой с огорода (годом раньше, осенью 1942 года, завод выделил подсобный участок для выращивания овощей. – *Ред.*), уже несколько дней, как возвращаемся с огорода с двумя полными сумками: тут и огурцы, и картошка, и морковь, и свекла, и капуста, и петрушка, уже съели несколько помидоров, ты просто с ума сойдешь, когда увидишь это изобилие. Хорошо было бы зиму прожить здесь, а к весне уехать в Москву.

Огород наш – это великолепная плантация. Уже едим свои огурчики (сладкие, хрустящие!). Зреют помидоры, растет морковь, свекла, прекрасная капуста. Мы с Адой каждый вечер на огороде, болтаем там, трепемся на всякие позволительные и непозволительные темы, время пробегает незаметно.

Евгений Еремин

Володя вспоминает:

От Жени – Е. Н. Еремина, мужа Адочки, – одно время долго не было вестей с фронта. В доме об этом хоть вроде и не говорили, но понимали. Во всяком случае, даже я, пятилетний пацан, понимал: что-то не очень хорошее с Е. Н., скорее даже плохое!

Об этом не говорили, но… И только отец – блестяще! – об этом "заговорил". Пришла какая-то газета, где награждался ген. армии Еременко! Отец – и я при нем, делали-то "вместе" – вырезал и выклеил, что награждается Еремин Е. Н. И преподнес, не побоялся! Сейчас мне ясно, как фантастически трудно было на это решиться, если задуматься. Если представить, что Жени нет или что он ранен! Да мало ли что.

Через два дня после "нашей" газеты – а выклеено было все прямо в газете – пришло письмо от Жени!

Вот это долгожданное письмо с фронта:

11.12.42

Дорогая моя! Пользуясь первой возможностью, пишу тебе, любя больше, чем когда-либо. Жив и здоров, что главное, хотя испытания выпали на нашу долю немалые. Перед нашей частью была поставлена серьезная задача, и мы испытали на себе ряд бешеных контратак немцев. Здесь были и авиация, и минометы, и танки, одним словом, все степени "сабантуя".

– Сабантуй – какой-то праздник?
Или что там – сабантуй?
– Сабантуй бывает разный.
А не знаешь – не толкуй.

Вот под первою бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался – не горюй:
Это – малый сабантуй.

(Это из "Василия Теркина" Твардовского)

При случае напишу о других видах этого “праздника”. Сейчас напряжение значительно ослабло. Не знаю, надолго ли. Несмотря ни на что, уверен в скором окончании войны и грядущем счастливом свидании. Привет всем. Горячо тебя целую.

Твой Женя.

На фронте – его призвали 9 августа 1941 года – Евгений Николаевич Еремин вел дневник, за что ему полагался по законам военного времени расстрел. Начинается он так:

В случае моей смерти убедительно прошу передать этот дневник моей жене Ценципер Аде Борисовне. По адресу: Казань, 18, поселок, д. 7, кв. 3.

18.1.42

Новый год встретил в вагоне эшелона, перебрасывающего нашу часть от подступов к Москве в район Осташкова, озера Селигер, верховья Волги. Общая роль части не вполне ясна. Занимаем покинутые немцами деревни. На дороге то и дело попадаются скрюченные закоченевшие трупы фашистских молодчиков, снег рядом с ними, наш белоснежный девственный российский снег, напоен чистейшей почерневшей арийской кровью. Больше, больше ее! Чтобы весь снег из белого стал красным…

19.1.42

…Важнее другое, то, что нечисть отступает и гибнет, распилившись по широким просторам нашей необъятной и суровой для захватчиков, дорогой Родины. Живого немца я еще не видел, а трупов много, но с трупом не поговоришь. Хочется же спросить: “Wie geht es mit Blietzkrieg” или сказать: “Nun, mein liebe Hans, das Lebensspiel ist zu Ende”[7] – и все. Что бы он ответил?

Впечатление от бесед с населением: “Обижает не очень (велико терпение русского народа!), отобрал всех кур, почти всех коров, новые или просто пригодные семена”.

23.1.42

Часть впереди. Сегодня надо догнать. Придется бежать почти бегом по морозу. Самочувствие неважное. Что-то с сердцем. На марше быстро мокнешь. Кашель

мучает. Но ничего.

28.1.42 – район Великих Лук

Положение их, видимо, очень трудное. Наши жмут, погода жмет, и тыл их тоже поджимает. Что же касается нас, то, мне кажется, что войну надо закончить до конца зимы.

29.1.42

Сквозь сон слышал сегодня сводку Информбюро – очень скромную. “Наши войска вели бои…” Сегодня думается, что война кончится не скоро.

21.02.42

Если не ошибаюсь, сегодня день рождения Адочки. Если же это так, то ровно 3 года назад я ее впервые поцеловал. Концерт в Доме ученых. Ночь. Никитский бульвар. Скамья, засыпанная снегом. А сейчас по нам бьет тяжелая батарея. Блиндаж дрожит и стонет.

23.2.42

…Я решил было, что началась артподготовка наступления на Луки, но вот все замолкло. Видимо, просто огневой налет для создания уютного сна противнику.

Я не спал всю ночь, а мои штабные товарищи спали, невзирая на пальбу, храпя во все носовые завертки и отчаянно газуя. Атмосфера создалась такая, что мне для характеристики ее пришлось ввести новую физическую единицу. Определю ее здесь, чтобы не пропала для потомства. Итак, за единицу насыщенности атмосферы кишечными газами принимается “бздина”, т. е. такая насыщенность, при которой топор весом 1 кг висит на высоте 1 м в течение 1 часа.

В течение одной ночи написал Адке письмо, в котором воздержался от изложения своих ученых трудов, и выругал за полное отсутствие писем, и предупредил о предстоящем изменении адреса.

23.3.42 – г. Пулово

Вчера получил от мамы письмо с целой кучей чрезвычайно тяжелых и неприятных известий. Брат Николай убит и похоронен в братской могиле где-то

близ Москвы. Отец был болен воспалением легких (крупозным). Проклятая немчура чего-чего только не натворила. Сколько крови, сколько страданий. И когда кончится эта проклятая война? Когда же нам удастся истребить их всех на нашей территории до единого?

10.4.42

…Мы готовим противнику достойную встречу, все глубже зарываясь в землю. Зато есть боевой дух – я слышал, не знаю, правда ли, фрицы называют нашу бригаду “Бригадой смерти” и очень боятся ее. Вдруг вспомнилось то, что очень нравилось Адке:

Плывут тучи, плачут снега,
Так необычно тихо
Трясут головами, смеются они.
Девица шепчет тихо…

Вопрос. Был ли фрицем H. Heine? Впрочем, нет, ведь он же с Jude.

21.5.42

В последнее время не получаю ее писем. А в одном из последних проскользнула фраза: “Я нашла себе партнера для игры в шахматы и договорилась о занятиях английским языком…”

Ну, а я не маленький и знаю, с КАКОГО конца спаржу едят. Становится похожим на то, что она меня не дождется, даже если и останусь жив.

18.06.42

Адка часто пишет, что любит и ждет.

5.10.42

Безумно соскучился по жене и ребенку.

22.10.42

Скоро исполнится год фронтовой жизни, думаю ознаменовать это событие поступлением в партию. Пора. Конечно, мне не быть таким принципиальным большевиком, как Мося, качествами которого так восторгалась Адка, но выполнить свой долг и умереть за родину, если это понадобится, вероятно, сумею.

7.11.42.

Слушаем по радио выступление т. Сталина: “Закончить войну в 1942 г.

10.11.42

Прочел доклад и приказ т. Сталина – об окончании войны в 42 г. нет ни слова. А о втором фронте в Европе сказано, что он “будет, рано или поздно, но будет”.

5.5.43

Еду к Аде в Казань.

28.5.43

Итак, дочь моя – замечательная девчонка. Живая, веселая, непрерывное движение и смех. Яркие глазенки. “Фаворитка” – зовет ее Адкин отец.

Осенью 1943 года Адочка на короткое время ездила повидаться с Женей в Саратов, куда его отозвали как специалиста-химика в связи с начавшейся стройкой газопровода Саратов – Москва.

Из дневника:

1.05.44 – Саратов

Хозяйка-старуха угостила меня картошкой, жаренной на американском сале. Пили чай с американским сахаром. Невольно навязывается вопрос: что было бы, если бы?.. Трудно выговорить.

30.05.44 – Саратов

Сегодня в трамвае у меня украли часы (подарок Адки). Через час я их отнял у вора, который продавал их за 1500 руб.

А вот одно из писем 1943 года:

Поздравляю тебя с праздником, с взятием Киева, так удачно приуроченным к 26-й годовщине.

От тебя после отъезда еще никаких вестей не получал и о твоих делах ничего не знаю. Интерес же и нетерпение вполне понятны. Как я ожидал, так и вышло – твой приезд, столь кратковременное пребывание, лишь обострило чувство одиночества… Может быть, следовало бы пользоваться каждой минутой

жизни, чтобы быть вместе? Ведь этих минут тоже не так уж много, и жаль, если они проходят в ожидании настоящей жизни, а вообще я твердо верю в лучшее будущее и, в частности, в скорое свидание в Москве… Может быть, мое письмо уже тебя не застанет в Казани? Хорошо бы, т. к. это увеличивает шансы на свидание. Я сам, видимо, в конце ноября в Москве буду.

Годовой план выполнил к 7 ноября и к празднику получил 1 литр водки, которую пить не буду. Вот и все пока.

Жаль, что не пишешь – это значительно усложняет жизнь. В остальном же знай, что люблю тебя.

Леонид

Долгое время мама ничего не знала о своем брате Леониде, и вот наконец долгожданное письмо, потом второе:

Кубарь. 26.6.43

Здравствуй, дорогая Асинька!

На этих днях я получил после 8-месячного перерыва письмо из дома и твой адрес. Письмо написал, кроме того, папа.

Дорогая сестричка! Как ты живешь? Очевидно, и тебе за последние годы, в особенности последнее время, пришлось много пережить, но счастье еще от тебя не отрекнулось, если вы все вместе и здоровы. Знаю твою способность с малых лет переносить лишения (это, между прочим, у всей нашей семьи, но в особенности у тебя), поэтому уверен, что ты в боях за жизнь выйдешь победительницей. Как здоровье Миши? Как поживают дети? Что у тебя нового? Пиши. Для меня письма на фронт – это большая радость, которая приходит очень редко.

Сейчас у меня снова в порядке мои фронтовые дела. Служба, здоровье, обстановка. Я успел уже быть 2 раза раненым, но это все позади. Главное, что я теперь вполне окреп и поправился. За бои против фашистских мерзавцев награжден орденом и представлен к другому. Принят в партию. Получил очередное звание. Как видишь, я прогрессирую. Впрочем, о себе я мало думаю. Больше о семье, отце, доме. Вспоминаю тебя. Хочется, чтобы у вас у всех все было бы хорошо.

Жалко мать, погибла она, так и не увидев счастливых дней, радости от нас, детей. Все время ее жизнь была – сплошная тревога за нас, беспокойство и паника. Но нас детей она крепко любила. Толя работает в Ворошиловграде. Не мог узнать мой адрес и написать мне пару слов о себе, все-таки он в лучших условиях, чем я. Но черт с ним, авось увидимся после войны, сочтемся.

Асинька! Напиши мне твой подробный адрес, если отец едет к тебе, я переведу ему деньги. Он написал адрес, но там Мишины инициалы, а так денег не принимают. Будь здорова. Пиши. Привет и горячий поцелуй детям, Мише и всем остальным.

Леонид.

Фронт, 1.8.43.

Родная, любимая сестричка Ася!

Вчера я получил твое письмо. Спасибо. Я такого теплого и родного письма давно уже не имел. Несмотря на то, что мои чувства во время боев огрубели и я потерял много личного, твое письмо растрогало до слез, я плакал, и мне стыдно было поднять лицо от письма долгое время, чтобы не показать товарищам своего "маминого сердца", но что тут делать, когда это происходит без твоего желания, так, само по себе. Твое письмо меня очень обрадовало, ободрило и как будто вымыло заново мои чувства. Еще раз спасибо. Недаром я тебя любил в нашей семье больше всех. Конечно, теперь я тебе буду писать систематически, вернее, как только будет возможность, обязательно напишу. Между прочим, очень интересно: я на этих днях также получил письмо от Анатолия, которому тоже обрадовался, ведь это первое письмо больше чем за 2 года разлуки. Анатолий работает в Ворошиловграде по углю, очень гордится тем, что он на "передовой", как он мне написал, козыряет своей сединой, которую получил от сильных переживаний. Я не седой и теперь даже не худой, хотя в горячих боях с первых дней призыва в РККА. Вот чудак: нашел, чем гордиться.

Теперь пару слов о себе. Я был 2 раза серьезно ранен, теперь уже вынужден перейти на штабную работу, я – капитан, работаю начальником штаба и все время был до этого командиром роды ПТР (бронебойщик). За то, что я послал на тот свет к праотцам не одну сотню сволочей из банды Гитлера и сжег не одну его железную черепаху, награжден был медалью "За отвагу" и представлен к ордену "Красная Звезда". Если останусь жив, то грудь моя украсится к концу войны, вероятно, еще чем-нибудь, более значительным.

Я служу нашей Родине честно и самоотверженно, гитлеровские вшивые фрицы это смогут тоже подтвердить, когда на том свете я с ними встречусь на суде Господнем. Вот и все о себе, довольно.

Адрес Анатолия: Ворошиловград, Облисполком, Облместтонпром, ему.

Черт его знает, я уже отвык от этих "мест", "тонов", "промов", "облов" – оказывается, еще эти уксусные

тресты живые и их руководители – мои родные братья – такие чудеса. Привет и поцелуй детям, Мише и всем родичам. Тебя крепко обнимаю и еще крепче целую.

Володя вспоминает, что в конце войны Леонид приехал из Германии с массой трофеев:

Приемник “Телефункен” и пара шелковых кусков, а еще перламутровый дамский пистолет и финка! Восторг. Кусочек шелковой тряпки был выделен нам и висел с внутренней стороны узкой дверцы платяного шкафа за стеклом: красный, с муаровыми разводами! “Телефункен” с выдвижным цифровым табло и единственной (как бы теперь сказали – “многофункциональной”) ручкой: шарнир, диск с насечками и зубчатое – под пальцы – колесико. С прекрасным зеленым глазком индикации. Финку он мне подарил! А я, боясь “изъятия” ее родителями, зарыл ее во дворе. Не то кто украл, не то сам место потерял – финка не нашлась. Любил Леля ходить “в форме”. Это было шикарно – светлые брюки, носки, туфли. Все это каждый день чистилось, стиралось, гладилось. Блеск! Орденов не носил, а по тогдашним меркам было у него их очень много. Три ордена Отечественной войны и какой-то чешский, я хорошо помню – это мне казалось основным. Войну он ненавидел и говорить о ней не хотел. После четырех лет в разведке он на все наши вопросы тогда ответил: “Ничего интересного нет и быть не может. Это война! Это только кровь и грязь”. Тогда эти редчайшие слова меня поразили, оттого и запомнились. А понял я их сильно позже. На Лелиных похоронах. Он и через сорок лет орденов почти не надевал. А Лельку послевоенного я хорошо помню, какой шорох он наводил на всех дам вокруг и как он любил и слушался сестру – мою маму. Потрясающий был мужик и гусар. И про войну все понимал.

Домой

В конце мая 1944 года отец уезжает под Набережные Челны, в деревню Тарловку, опять в туберкулезный санаторий. Оттуда он пишет:

> Единственное огорчение – здесь лютует комар. Я вообще с ними не в ладах, а здесь они миллиардами, поэтому все мы ходим, вооруженные пучком веток, и непрерывно бьем себя по голове, шее и прочим уязвимым местам. А места здесь – изумительные. В 2-х километрах – лагерь пленных немцев. Первая наша встреча произошла на лесной дороге. Вдруг впереди показалась упряжка! Большая двуколка с дровами, а везут ее впряженные в нее 8 фрицев. Они приблизились, и я успел всмотреться в них. Мундиры потрепаны, на некоторых кресты (большая часть – офицеры). Рыжие, заросшие щетиной. Некоторые чуть не валятся с ног (работенка, конечно, трудная – везти надо 2–3 километра). А тут еще одолевает комар. Смотрят они в большинстве как побитые собаки. Вслед за первой упряжкой показались еще две. Около шел офицер-бригадир, тоже при крестах. Он, завидя нас, остановился шагах в десяти и, когда мы приблизились, вдруг угодливо поздоровался по-русски: “Здрастуйте”. Всех их конвоирует девушка с автоматом. Я их заснял (в лесу и на берегу, где они после доставки дров отдыхали).

Еще до отъезда отец направил запрос на вызов в Москву заведующей Сталинским РОНО Москвы Соколовой. Он пишет маме:

> Теперь еще один очень серьезный вопрос. Если до 15/vi от Соколовой ничего не будет, пошли телеграмму: Москва, площадь Журавлева, 6, Соколовой: “Жду вызова или официального подтверждения его отправления в адреса: ГОРОНО и личный. Ценципер”.
>
> Кроме того, непременно свяжись на этих днях по телефону (Ласта, только это надо сделать обязательно) служебному с Соколовой, в случае ее отсутствия – с инспектором по кадрам (и она пусть передаст об этом звонке Соколовой). Соглашайся

на любые варианты.

А вот письма от мамы:

У нас все в порядке. Володик поправляется. Юра все экзамены сдает на “5”. Я сейчас усиленно занимаюсь огородом. К 1-му заканчиваем посадку картошки, всего засадили 15 соток. Чувствую я себя очень хорошо, ничего не болит, загорела.

В школе все в порядке. Испытания проходят хорошо, за исключением Ниночки, ученики которой “сыпятся”.

Ну, вот и все. Целовать и обнимать не хочу. Просто жму руку. Уважающая Вас, ваша с-а А. Л. У.

С-а А. Л. У. – супруга Анна Львовна Ужет, а Ниночка – преподавательница литературы, которая была симпатична отцу.

Посевная подходит к концу, как уже писала, урожай, по-видимому, будет хороший. Та картошка, из-за которой ты устроил такую бурю, уже взошла. Денег это стоило колоссальное количество (все, что было у папы), но надеемся, что это будет оправдано урожаем. Так хочется, чтобы наша жизнь в Москве началась без недостатков; как показал опыт нашей жизни – мы с тобой не принадлежим к тем людям, для которых рай и в шалаше. Я, конечно, устала, но чувствую себя неплохо – ничего не болит…

Ну, вот и все. Любить я тебя не люблю, скучать тоже не скучаю, целоваться тоже с тобой не хочу. Поэтому об этих сантиментах и писать нечего. Я думаю, что такие деловые письма от меня тебе больше нравятся.

Ася.

До какого времени ты собираешься там пробыть? Из Москвы ничего нет – я Соколовой письмо написала.

От отца из санатория:

У меня все очень хорошо.

Огорчают меня только глаза – пока еще нет заметного улучшения. С нетерпением жду от вас писем, но их нет.

В случае известий из Москвы (и вообще) посылайте “молнию”. Пошли, Ласочка, пожалуй, еще одну телеграмму в Москву.

Я очень краток, т. к. мне глазной врач запретил пока писать и читать.

У отца начинались проблемы с глазами – туберкулез глаз и еще какой-то “весенний катар” – непереносимость яркого света.

От мамы – бытовое письмо, кажется, усталое:

Живем по-прежнему. Я целыми днями на огороде, папа мне помогает.

Картошка в этом году у нас исключительно хорошая, я думаю, что соберем не менее 2,5 тонн, из них 1 тонна пойдет на погашение долгов (семена и т. д. стоили много), и чистых останется 1,5 тонны. Ты пишешь: “поправляйся”, – к сожалению, пока только худею, т. к. время сейчас очень тяжелое, дома ничего нет, на рынке все дорого, денег мало, в магазине крупы не дают, сухой паек не получаю с 1/vi, т. к. его отменили, но теперь все это уж скоро будет позади, т. к. с 10/vii начнем копать картошку, а там и овощи подойдут. Но, несмотря на то, что работаю очень много и питание недостаточное, чувствую я себя в этом году очень бодро, хорошо, настроение хорошее, мечтаю о Москве, об отдыхе, о беззаботной жизни, а после отдыха и поправки буду обязательно учиться, ведь дети у нас уже большие и это будет легче. Как хочется мне хорошо, легко пожить.

Теперь о Москве. Вопрос этот меня беспокоит не меньше твоего. Кроме письма и телеграммы я послала еще одно письмо, но на все это я ответа не получила. На днях говорила по телефону (через переговорную в Казани), очень плохо слышно было, Соколовой не было, говорила с зав. кадрами, она сказала: вызов оформляется, к началу учебного года получите. По телефону я звонить больше не буду, ты приедешь и сам позвонишь.

В начале июля отец вернулся в Дербышки и сразу выехал в Москву. Вскоре оттуда пришли одна за другой телеграммы:

ДОЕХАЛ ПРЕКРАСНО ПОСЕЛИЛСЯ КЛАРЫ ПРОПУСКА РОНО ВЫСЛАЛО ПРЕДЛАГАЮТ ДИРЕКТОРСТВО КВАРТИРОЙ НАЛАЖИВАЕТСЯ ПИТАЮСЬ ХОРОШО ЦЕЛУЮ = МИША

НАЗНАЧЕН ДИРЕКТОРОМ ИЗМАЙЛОВСКОЙ ШКОЛЫ ЕСТЬ КВАРТИРА ПРОПИСЫВАЮСЬ УСЛОВИЯ ХОРОШИЕ СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПАРТДЕЛА УЛАЖИВАЕТ МОСКВА ЦЕЛУЮ

Естественно, фраза о “партделах” – для мамы. Учителя истории должны были утверждаться в райкоме партии, а в нашем райкоме были давние друзья, которые многое о маме знали и готовы были помочь.

Семнадцатого июля заместитель наркома просвещения Татарской АССР подписывает приказ:

> § 1. УЖЕТ Анну Львовну, учительницу истории школы № 101 Молотовского района гор. Казани, от занимаемой должности освободить и откомандировать в распоряжение Московского ГорОНО.
>
> § 2. Выдать тов. УЖЕТ аванс на проезд от гор. Казани до места назначения.

Так всего за две недели решился вопрос возвращения в Москву, назначения отца директором школы и получения отдельной квартиры, опять при школе.

В августе все были уже в Москве. 1 сентября Юра пошел в новую школу – № 437 Сталинского района.

А бабушка в Дербышках скучала по внуку:

> Володинка, родинушка моя!
>
> Сегодня поднялась утром, и очень грустно мне было. Не пишешь ты, села и написала очень грустное письмо тебе. Пошла на почту отправить, а там получила твое письмо. Родной мой, ты, значит, уже большой. Правда, я все прочитывала и думала, кто написал: Володя или Иринка – ты не подписался.
>
> Затем решила, что написал все же Володинка. Иринка так не напишет. Что же ты, мой милый, видел в кино? Как твой папа пошел, в каком пальто? Много ли у вас снегу? У нас очень много. Стоят твои лыжи у дверей, как открою двери, думаю, сейчас примчится Володя. Можно ли в Москве купить лыжи и сколько они стоят? Мы с дедой пришлем тебе денег, так как прислать лыжи не с кем. Я и деда крепко тебя целуем.

1945-й

Конец войны совсем близок. В феврале бабушка пишет в Москву:

> Так сегодня радостно, что пишу Вам. Когда еще так ярко было величие нашей страны, как сегодня?
>
> Конференция 3-х Великих держав в нашей стране, в Крыму, где еще только в прошлом году бесчинствовал немец и откуда изгнали его – мы, без всякой помощи. Это самый большой салют в нашей стране – эхо которого разнеслось и в Польше, и в Болгарии и т. д. Сейчас говорят о координации действий войск всех союзников. Ведь мы гоним немца на его земле, мы его заставили чувствовать настоящую войну. Он бежит от нас на Запад и мечется от наших танков. Близок Берлин. Мы – Великая страна, и никакие трудности не должны казаться трудностями, так как впереди праздник Победы и мира.
>
> К великому сожалению, ни возраст, ни здоровье не дали мне возможности быть участником борьбы, но участницей восстановления быть хочу и буду.

И вот – Победа!

Телеграмма от Тараса:

ПОЗДРАВЛЯЮ ПОБЕДОЙ СКОРОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ КРЕПКО ЦЕЛУЮ = МУЛЯ

Берлин взят, и в эту последнюю неделю перед окончанием войны каждый день, каждый час был наполнен ожиданием. Юра учился в шестом классе, ребята собрались вечером ехать на Красную площадь, смотреть объявленный на десять часов салют. Но родители его одного не отпустили – он снова был намного моложе одноклассников. Вечером все поехали к Адочке, Жене, Иринке, которые жили на Кадашевской набережной, рядом с Большим Каменным мостом. Вот оттуда-то, с запруженного народом моста, и смотрели на эти победные огни.

А фотографию из победной Праги, сделанную 10 мая, Леонид послал своему отцу с такой надписью: “Победа! Моему любимому одинокому отцу от сына. Леонид”.

Спустя месяц мама увидела около трамвайной остановки легковой автомобиль, из которого вышел высокий красивый

майор, увешанный – это была редкость – наградами. Они бросились друг к другу в объятия – это был Леонид, которого по дороге на Дальний Восток – воевать с японцами – отпустили из эшелона и даже дали автомобиль, чтобы повидаться на несколько часов с сестрой и ее семьей.

Последнее военное письмо:

Монголия, 23 сент. 1945

Моя родная, любимая Ася!

Все, с войной покончили, бои снова позади, а мы еще не успокоились и бряцаем оружием. Приехали к месту погрузки на ж. д., как будто в Россию, когда и куда, не знаю.

Нашего брата еще не думают отпускать домой, и настроение у меня поэтому говенное. Несмотря на это, я не теряю надежды скоро с тобой увидеться. Как мне было с вами хорошо, два часа встречи в Москве я долго буду помнить. Асинька, ты из моих вещей можешь себе все взять. Я очень жалею, что не отдал тебе еще кое-какие вещи, которые вожу с собой, и впопыхах забыл в Москве передать. Аккордеон распечатай, вытащи из одеяла, я боюсь, чтобы он не пропал, это ценная вещь, которую я хочу подарить сыну.

От отца я имел одно письмо, я ему буду помогать.

Здоровье по-прежнему хорошее, на меня не повлиял климат знойной Монголии, чума, недостаток овощей и т. д., перенес все невзгоды легко. Скучаю от обычных боевых будней, надоела солдафонщина, хочется выпить стакан чаю из стакана, а не из железной кружки, хочется побыть в обществе людей, круг интересов которых выходит за рамки изучения материальной части уздечки и винтовки.

Хочу жить, как живут многие люди в тылу. Но мои желания – это пока желания, и все.

Ну, будь здорова. Целую крепко детей, Мишу и тебя.

Брат Леонид.

Все мужчины нашей семьи были на фронте – в ополчении, в разведке, в морской пехоте, во фронтовых частях химзащиты, один был минером-подрывником. Только летчиков не было. Нам повезло, как мало кому, – все воевавшие остались живы.

Глава 5

Неистовый директор

Измайлово – окраинный и криминальный в то время район. Застроен он был преимущественно двухэтажными домами. Здесь в коммуналках жили рабочие, а в переполненных одноэтажных бараках – сотни приехавших в Москву молодых людей, в чьих руках очень нуждался город. В Измайловском лесу проходили разборки орловских, тульских, брянских и рязанских группировок, нередко кровавые.

Единственную мужскую школу в районе, поначалу семилетку, возглавил в 1944 году Михаил Ценципер.

В начале сентября 1945 года он писал брату:

> Дорогой Тарасик!
>
> (Действительно чертовски дорогой! Понимаешь, мы сейчас часто говорим о том, насколько война, разделив родичей территориально, сблизила их органически. Даже дальние родственники стали ближе и роднее.)
>
> Не пишу, так как:
>
> 1) во-первых, я лентяй;
>
> 2) во-вторых, чертовски занят. У меня так сложились дела, что обоих замов "выдвинули", и я все лето был один и всю подготовку (ремонт и проч.) вел также один. А работа была огромная. Лишь к самому началу учебного года начали поступать кадры, и наконец назначили ко мне и замов. Работал много.
>
> И хорошо, что работа в этом же здании и харчи тут же, а то, наверное, пришлось бы "полежать". Школу приняли с оценкой "отлично". Кадры все теперь есть. И поэтому настроение часто еще лучше (плохим оно у меня почти никогда не бывает). Ты меня извини, что пишу сегодня на редкость коряво: я сегодня в 5 час. утра должен был встать, чтобы сочинить до 10 ч. утра 30 стр. годового плана (я все время эту писанину откладывал, пока откладывать стало невозможным). Вот и почерк соответственный.

Ему нужна была новаторская генеральная идея, чтобы увлечь учеников и учителей. В Дербышках это была художественная самодеятельность, а для 437-й школы он решил использовать труд. В одной из книг он пишет:

Наш пришкольный участок составлял целый гектар. Пришкольным это пространство можно было именовать только условно, в том смысле что оно прилегало к зданию школы. Больше ничего “школьного”. Был это громадный пустырь с редкими огородами, перемежающимися сорняками. Пустырь пересекали в разных направлениях пешеходные тропы.

Педагогический коллектив принял короткое и внятное решение: высадить за осень 7500 деревьев и кустарников, разбить цветник, сделать метеоплощадку. На общем сборе, куда пригласили шефов, родителей, зазвучало обязательство: создать сад в честь 30-й годовщины комсомола.

Земля оказалась скверной. Лом шел в ход чаще, чем лопата. Сажали клены, тополя, ясени, липу, тую, пихту, яблони, вишни, сирень, боярышник, спирею, акацию, орешник и т. д. Высадили 300 кустов черной смородины, малину, землянику, разбили большой цветник. И – самое главное – фантастический энтузиазм у школьников. Две тысячи детей (!) изо дня в день два месяца на глазах у окрестных жителей в самом центре Измайлова создавали большой сад. Ежедневно вывозились десятки машин с мусором и те же машины доставляли взамен хорошую землю, удобрения, саженцы.

Около директорской квартиры был посажен свой маленький садик. За деревянным столом на деревянных же скамейках летом нередко собиралась вся семья.

Юра учится уже в другой школе – десятилетке. Володя, ученик 437-й школы, вспоминает:

Кроме сада был и большой цветник – свежие цветы в каждом классе до поздней осени. Поздравления – приветствия с букетами всем, у кого какой-нибудь праздничный день. Ученики, учителя, шефы, многочисленные гости – поверьте, это очень масштабно и необычно. Ягоды со школьного участка – такое тоже есть, – осенью бесплатно всем ученикам, учителям школы на блюдечке-тарелочке давали днем раз в неделю, начиная с 1 сентября. А еще на участке настоящая метеостанция с приборами – наблюдения и сводка каждый день.

Появляется очень неплохая спортивная площадка – баскетбол, волейбол, гимнастические снаряды. А еще линейка для торжественных собраний, сборов –

с флагштоком и огромной клумбой. Наконец уломали шефов – вокруг школьного участка появилась красивая металлическая высокая решетка. Звенья забора стояли на специальном цоколе – и это все в послевоенной Москве. Красота, польза и общее дело!

В школе создается спортзал. В типовых проектах школ до 60-х годов спортзалы не предусмотрены. Делается профессиональный проект силами бывших учеников: разбирается толстенная стена, на 1,5 метра углубляется пол (грунт этот и пошел на спортплощадку), делается специальное освещение и так далее – вплоть до создания маленькой раздевалки с душем. Завозилось специальное оборудование. Отец к этому времени где-то добыл-сагитировал двух физруков – профессиональных тренеров, мужа и жену Жеманских. В школе началось повальное увлечение спортивной гимнастикой, коньками и лыжами. По гимнастике школа долго удерживала лидирующие позиции по Москве. Были ученики – мастера спорта. Один из учеников стал чемпионом Москвы по конькобежному спорту. В школе появился и стол для пинг-понга. Возник постоянно действующий радиоузел, а при нем соответствующий кружок.

Следующий, а может и параллельный, этап – создание мастерских, в том числе столярной и слесарной. Шефы с Электрозавода помогли с оборудованием и станками. Ученики делали для них реальные детали. Далее – изготовление приборов для комплектации специальных кабинетов в школах Москвы.

Для всего этого нужно место – школа не резиновая, но можно ввести кабинетную систему. Это дает необходимые площади, а ребята занимаются в специально оборудованных кабинетах истории, биологии, физики, математики. 437-я – первая в стране школа с кабинетной системой обучения, а ведь еще и спальни были – для младших школьников в группах продленного дня.

На еще не освоенном участке строится силами школьников кирпичный гараж с классом для занятий. Там ставится грузовик. Желающие (а желают все) получают разряды рабочих специальностей и, по выходе из школы, водительские права. Позже в гараже на зиму помещался настоящий 12-весельный морской ял со всем оборудованием, вплоть до бочонка с питьевой водой.

Летом ял отправляется в турлагерь школы.

В школе очень серьезно занимаются туризмом. Сначала походы, а затем летние и зимние туристические лагеря. В летнем – труд в поле. В зимнем – работа на фермах, это, кроме походов, так называемая шефская работа.

Большой поход – 1948 год! – в Дагестан. Шлюпочный поход в Сталинград в начале 50-х.

Появляются и археологические экспедиции – в Ольвию под Одессой, “на берестяные грамоты” в Новгород.

А еще существовала и так называемая внеклассная работа: постановки, концерты самодеятельности, ансамбль аккордеонистов, фотостудия, кружки рисования, моделирования, хор. А танцевальный кружок (чуть позже – после 1953 года, когда в школе появились девочки) – привет от дербышкинской школы.

В школе создается прекрасный коллектив учителей. Довольно много мужчин, что всегда редкость. А тут и литератор (Полтора Ивана), и физик – тоже Михаил Борисович, по кличке Второй. Прекрасный математик – Бодунов. Да и еще много кто. Эта кузница кадров дала больше половины директоров школ в районе и прочих работников образования: РОНО, горОНО, профсоюзов.

Об опыте школы, которой отец будет руководить 34 года, были написаны, в том числе и им самим, десятки книг и статей. Среди примерно тысячи московских школ 437-я была одной из самых заметных.

“Склиф”

В феврале 1948 года отец попал под машину. Его отвезли в травматологическое отделение Института скорой помощи им. Склифосовского. Поместили в палату человек на пятнадцать с диагнозом “закрытый перелом правого бедра со смещением”, в тот же день оперировали. Попав в палату, он попросил медсестру позвонить маме и сообщить, что он “несколько подвернул ногу”. Мама сразу же бросилась в больницу, но ее не пустили.

Она пишет записку:

> Мишенька, милый!
> Что случилось с тобой?
> Меня не пустили к тебе, уже поздно.
> Напиши все, и что тебе нужно. Приеду завтра утром.
> Целую и дети целуют.

Он немедленно отвечает в характерной своей манере:

> Ласа!
> Ногу я вывихнул (упал). Было больно, а сейчас превосходно. Придется здесь полежать 2–3 недели. Палата очень хорошая, а я ведь привык к медицине. Жаль, что тебя напугали и ты примчалась сегодня. Завтра, если будет время, – заезжай. Нет – не к спеху. Обеспечь меня свежими газетами, журналами, книгами. Сереже (завуч школы. – *Ред.*) объясни, что ему это время придется меня замещать. Хлопцев целуй, а их попроси, чтоб тебя поцеловали.
>
> *Ура!*

Узнав правду, мама пишет:

> Дорогой Мишенька!
> Вчера было, конечно, горько. Крепись, мой милый, намучаешься еще, но все будет хорошо. Посылаю тебе пирожки, кефир, компот. С завтрашнего дня будем нажимать на молочные продукты, которые тебе необходимы (там фосфор и соли). О деньгах не беспокойся, неужели не найдем, чтобы тебя на ноги поставить. Напиши, кто заведует твоим отделением. Перелом у тебя в одном месте или в нескольких? Я вчера

так растерялась, что не спросила. Завтра приду, а послезавтра увидимся.

Так как мама работала, привлекли и Юру:

Мишенька, вышли Юре пропуск или вышли свою нянечку, так как сумка очень тяжелая, ценная. Все принадлежности: фото, кроме пленки, ее никак не нашли, напиши точнее, где она. Тапочки пришлю завтра – сдала их в починку. Все остальное, что просил, посылаю. Напиши все, что нужно, а также любишь ли ты меня, хочешь ли ты домой? Целую крепко. У нас сегодня уборка.

Через некоторое время отец пишет маме:

Ласочка!
У меня сейчас есть след. продукты:
1) 2 сосиски
2) 4 яйца
3) 3 котлеты с лапшой и капустой
4) масло (на пару дней)
5) вдоволь сахара
6) бут. молока
7) бут. вина
8) коробка печенья
9) 1½ коробки конфет + варенье
10) 1 лимон + 4 яблока (вчера привезли)
и т. д.

Так что завтра ничего не привози и не приезжай. Самочувствие хорошее. Температура утром 36,5 (веч. – еще не мерили). Лежу, привыкаю. На пятницу закажу пропуск. Крепко целую. Следи за собой. Еще целую.

А вот записка Юре:

Дорогой Юрец!

Жаль, но тебя пропускать сейчас сюда нельзя. Все собираюсь к тебе с Володиком написать письма, но писать неудобно и лень. А вот вы мне, халтурцы мои дорогие, пишете мало. Почему? Пишите о себе, о школе, о доме, о маме. Живите дружно. Я уже 2 недели здесь. Это значит, что срок моего выхода отсюда теперь на 14 дней стал ближе. Следи, Юрец, за тем, что в газетах пишут о шахм. матче (в это время проходил

матч за звание чемпиона мира между Ботвинником и Эйве в Москве, он окончился победой Ботвинника. – *Ред.*) и присылай мне.

Ну, хлопчики, крепко вас целую.

Папа.

У отца сложились очень дружественные и доверительные отношения со знаменитым хирургом академиком Сергеем Сергеевичем Юдиным, научным шефом Института им. Склифосовского. Когда при обходе они познакомились, Юдин был буквально покорен "схемой разложения сил" в отцовском несчастном случае, которую нарисовал физик Ценципер. Эту схему Юдин неоднократно демонстрировал на своих лекциях.

Отец вообще неплохо рисовал. А еще он вылепил из парафина для компрессов коллекцию медсестричкиных ножек.

Весьма разнообразных. Все они с соответствующими комментариями были закреплены в специальной коробке с прозрачным верхом, сохранившейся по сей день.

За время долгого отсутствия отца заболела и мама.

Дорогой Мишенька!

Очень все досадно складывается. Ты лежишь, я лежу. Мы лежим. Но утешает то, что я поднимусь, ты поднимешься. Мы поднимемся. Я чувствую себя неплохо, но полежу еще. Дома все в полном порядке. В Казань послала открытку, что все в порядке. Твои все наказы выполню, хотя и дурочка.

Дорогой мой! Выздоравливай скорее, как мне жалко тебя, хоть бы ты уже на бок мог повернуться. А вообще ты молодец, я очень горжусь тобой, твоим характером.

Писать больше нечего. Целуем тебя крепко, и пацаны целуют, и я еще целую.

Твоя Ласта.

Обо мне не беспокойся. "Все пройдет, как с белых яблонь дым".

Отец вышел из Склифа через три месяца. Ходил на костылях, затем с палкой, которая тоже дожила до наших дней, – она долгое время использовалась в ныне забытой операции "переворачивания" при кипячении белья.

На столе – десятки писем отца и мамы, Юры и Володи, к ним

и от них. В письмах, помимо обычных вопросов о здоровье, работе, учебе, погоде, задавались и непростые вопросы, которые не всегда выскажешь вслух.

Мама пишет:

> Просишь писать обо всем, о своих настроениях. Как-то не получается. Я привыкла, что тебя это мало интересует, привыкла молчать, а открываться перед тобой каждый раз, когда ты в санатории.

От отца:

> Ласенька, милая, за что же ты на меня сердишься? Я, конечно, бешеного нрава и наговорить могу иногда с три короба (о чем усиленно сам жалею, но не в словах дело). Иногда срываешься на пустяках, хотя не в них, конечно, беда. Мне не хочется опять и опять говорить о сто раз говоренном, но страшно хочется, чтобы было бы у нас хорошо. А что для этого нужно? Меня угнетает безалаберность твоя – не в делах домашнего хозяйства, а прежде всего в отношении к самой себе, иногда – к ребятам. Мне хочется видеть тебя подтянутой, следящей за собой, любящей себя. Чтобы ты понимала, что мы не совладельцы фирмы какой-то хозяйственной (где главное – продовольственные, отопительные и прочие вопросы), а что ты мне жена, а я – муж тебе. В хорошем смысле этих слов. Ну и что еще можно сказать? Будет у нас мир – и все остальные вопросы (ведь несложные они, в конце-то концов) легко решатся. О тебе я скучаю.

В ответе мамы – снова об очень наболевшем:

> По существу твоего письма писать, конечно, мне нечего, ты во многом прав. Постараюсь кое-что изменить в нашей жизни. Но и ты должен кое в чем измениться, тебе кажется, что ты идеально ко мне относишься, но в действительности ты очень часто бываешь несправедлив ко мне, оскорбляешь меня. В частности, по вопросу о детях: подумай только, что для меня значат твои частые фразы, что ты отстранился от этого вопроса, вся ответственность на мне и т. д. Нервы у меня уже давно не в порядке. Пусть я “плохо воспитываю” детей, но где ты – отец, муж? Юра растет, и я думаю, вырастет не таким уж

плохим, как ты иногда изображаешь и думаешь (“мой щенок”). Его плохие качества – не только результат моего плохого воспитания, но и твоей и маминой несправедливости по отношению к нему. Он слишком чуток, чтобы это не чувствовать.

Однако Юра на себе несправедливости, о которой пишет мама, никогда не чувствовал. Никто с ним о его рождении не говорил, а свое раннее детство он не помнил. Со временем у него появлялись какие-то мысли, но только лет в двадцать он впервые спросил маму: “А кто был мой отец?” Мама сразу сказала: “Он был хороший человек, я тебе когда-нибудь подробно расскажу, но пока очень тебя прошу, ни с кем не говорить на эту тему!” Это было в начале 50-х – еще жив был Сталин.

Воспитание занимает в переписке важное место:

> Меня очень беспокоит вопрос о Волоче. Какая я ни есть (я стараюсь быть лучше) – ты обязан очень серьезно подумать о нашем совместном воспитании его и найти время заниматься им. У него много нехороших черт – он лживый, ленивый, грубит.

Это так. Володя приврать любил. Но отец говорил: “Ложь – это когда с выгодой для себя. А так – фантазии”. Хотя в случае с Володей это иногда сливалось.

Были и такие мамины слова:

> Твое большое письмо я получила. Очень обрадовалась ему, и комок, который был у меня на сердце, растаял. Загрустила о тебе. Очень захотелось побыть с тобой. А тебе? Все твои советы постараюсь выполнить. Я буду себя любить и беречь. И ты меня, Миша, береги больше. Ведь твоя обязанность не только быть завхозом и наркомфином моим, это очень важно, но это еще не все. А поехать куда-нибудь с тобой я мечтаю уже много лет.

Поехать куда-нибудь вместе не получалось – оба были люди нездоровые, лечение разное, основным местом отдыха были санатории. В начале мая 1947 года отец поехал в санаторий в родной Крым – первый раз после войны. Вот некоторые наблюдения из его писем, которые отец часто начинал писать еще в поезде:

> Дорогая Атька!

Сижу в вагоне-ресторане. Два же дня. За окном – Орел. Руины. Свернутые в комки железные оковы от вагонов, огромные стены, которые лежат… Горы щебенки и битого обожженного кирпича. И над ними – флаги. И очень веселые первомайские песни. И так – очень часто. Я все время смотрю в окно, и в памяти моей возникают дни войны… Иногда поезд идет еле-еле, потому что насыпь почти обвалилась. Иногда где-то вижу: валяется обгоревший остов танка, исковерканные обрубки мостов. Попалось кладбище. Наверное, немецкое, ибо вид его грустный: все запущено, повалено и уж очень как-то уныло.

В Симферополе не стал задерживаться, а сел прямо на автобус (забыв предварительно новые "темные" очки в вагоне) и – на юг. Сидел, смотрел и дрожал от восторга. Все, что с детства мне так мило и дорого – все это было вокруг. День был отличный, не жаркий. Приехал и устроился в гостинице.

Наконец, вчера получил путевку за 1900 р. на 24 дня (с 8 по 31/v) в самый лучший в Ялте санаторий. Сегодня я уже в нем. Комфорт потрясающий. Спальная мебель, гардины, сервис, как американский. Кормят здесь, как говорят, вкуснее, чем во всех остальных местах.

Я немножко подзагорел. Купаюсь по 3–4–5 раз в день и получаю безмерное удовольствие. Хожу все время (в связи с этим) с полотенцем на плече. Сплю на балконе. Сейчас тут особенно красиво – полнолуние. Дух захватывает, когда смотришь на море. Мне как-то больно даже при этом немного – посмотришь и вспоминаешь детство. А когда тебе уже порядком лет, вспомнить о детстве не столько приятно, сколь грустно. На днях мы в 9 час. вечера сели на многоместный катер и вышли в "вольное" плавание на 1½ часа. До чего же хорошо было! Я недавно где-то прочел, что Чехов считал самым лучшим описанием моря слова одной девочки: "Море было большое".

В Ялте отец получил письмо от Володи:

Дорогой папа! Я живу хорошо. Избил Ваську. Как ты живешь? Напиши мне. Ездил в зоопарк. Юра сдал алгебру на 5. Папа, когда приедешь, достань мне собаку.

Нарисуй мне – я и пес.

А это из писем отца из другого санатория, уже в Харьковской области:

Дорогие мои, хорошие жена и дети!

Сутки я уже на отдыхе. Доехал очень хорошо. Со станции ехал на санях и ощутил сильный запах конского навоза, который сразу оторвал меня от Москвы. Место очень хорошее. Принял ванну, плотно поел и пошел походить. Палату я сам себе выбрал – на 4 человека. Койка моя у окна – форточка (а то и окно – я его вчера же специально для этого распечатал) все время открыты. Место неплохое – в 300 метрах – Северский Донец. Здесь шли тяжкие бои. Стены корпусов изрешечены осколками и пулями. Сохранилось много воронок, окопчиков. Часть зданий разрушена. На некоторых вытершиеся от времени надписи: “Ни шагу назад”, “Не пустим фашистов на Сев. Донец” и т. д.

Медобслуживание очень хорошее. Огорчения: 1) свет плохой; 2) народ неинтересный; 3) библиотекарь, кроме Мичурина, Брокгауза и Чернышевского, почти ничего не может предложить.

Сейчас дали 3-х человек в палату. В сумме им 150 лет. Один весит 95 кг, два других – по 50–55. Общий их рост – 3 метра. Один по виду – завмаг, другой – аптекарь, третий – анархист начала 1900 годов. (Впрочем, может быть, я ошибаюсь.)

В клубе – танцы и скука. В общем, я буду налегать на чтиво и на ходьбу. Завтра на прием к врачу.

Я очень рад, что отдыхаю. Наслаждаюсь страшно. Многие тут ворчат (хлеб не такой, свет не такой, жарко, холодно) – а мне все любо.

Как вы встречали Новый год?

И мне было очень грустно. Встретил я его за столиком (в общей столовой) среди нескольких случайных людей. Выпили, побузили и пошли спать.

Морозы и у нас стояли 31/xii – 2/i. А сегодня уже снег сыплет обильный и совсем не морозно. Втянулся я в свою скучную жизнь, и дни побежали незаметно. В большинстве здесь народ серьезно и сильно больной. Устроили 31-го в палате елку (со свечками

и светящейся – от лампочки – звездой). Из 2 подушек, простыни, полотенца я смастерил чудо – Деда Мороза (со всех палат приходили смотреть!).

Как всегда при отъезде, немного грустно. Хороша все-таки Украина! Красива, и поесть здесь умеют. Я наелся сала всласть, поел и другие украинские яства. Научился и балакать по-хохляцки, а теперь рвусь домой.

В этих и многих других письмах очень отчетливо проявляется отец – его непритязательность, приветливое расположение и интерес к людям.

Конечно, в некоторых письмах со стороны мамы, помимо нескрываемой любви к отцу, не обходилось без упоминаний об окружавших его женщинах. Ничего не поделаешь – нравилась отцу эта половина человеческого рода, и это было заметно. Однако тональность маминых вопросов к нему в тот период их жизни была более мягкой, зачастую шутливой, ироничной, иногда ехидной, но в общем доброжелательной. С годами приходило понимание и реальное осмысление жизни.

За всех девцев твоих получишь у меня как следует. Не смей! Бить буду! Ругаться буду! Мстить буду! Им всем скажи: пусть не надеются, дуры такие.

Еще целую, обнимаю изо всех сил.

Твоя. Жена. Повелительница. Хозяйка. Рабыня.

Вот и все. Отдыхай. Не скучай. Придерживайся правила: “На безрыбье – и рак рыба”. Подбери себе компанию – иначе нервы не отдохнут. Меня все донимают, как это я тебя отпустила одного на 60 дней. Пугают. Смотри, Мишка, убью! Не будь скотиной.

Ты, по-видимому, уж привык к своему санаторию – за первую неделю писал 3 письма и 2 раза звонил. А за вторую – ничего. По-видимому, появилась новая “балерина” – и скучать о доме некогда. Я тебя не осуждаю – так и надо, а то не поправишься, если скучать будешь, а не поправишься – жена любить не будет!

В ответ от мужа:

Девцев здесь маловато, и ни к кому из них душа не лежит – так что я дурака валяю со всеми понемногу.

В общем, веду себя достойнейшим образом. Много читаю, фотографирую помаленьку.

Из другого письма отца:

Мы с Атенькой иногда тоже цапаемся – один мед в отношениях любой семьи редко бывает. А, в общем, девица она – хорошая!!!

От мамы:

Дорогой наш, ненаглядный муж и папа! Хороший, любимый, красивый и умный. Скучно без тебя. С тобой плохо, а без тебя еще хуже.

За эти дни получила два твоих письма. В воскресенье такое хорошее, что я несколько раз его перечитала. Как я люблю, когда чувствую твою любовь, заботу, ласку. Даже слезу пустила на минутку.

Иногда в мамины будни врывались неожиданные и радостные события. Таким был приезд в Москву ее любимого брата Леонида. Об этом она пишет отцу:

Все эти дни у нас шумно и весело. Леня случайно встретил своего лучшего друга (и я его знала), они собираются у нас к завтраку, пьем с утра водку, закусываем как следует. А сегодня дома танцевали и целовались с нимпотом – я в школу, а они обедать к его родственникам, а вечером в театры. Я часто хожу с ними, были на “Кармен” в Большом, на “Сильве” в опереттe и на “Пигмалионе” в Малом. Мне очень приятно Ленино отношение ко мне, он очень заботлив и внимателен, а я ведь этим не избалована. Я очень жалею, что он уезжает.

В понедельник я была в театре с Мишей (это друг Лени, о котором я тебе писала), смотрели в филиале МХАТа “Дядюшкин сон”, была во всем новом, хорошо выглядела и немного флиртовала.

У нас весело это время, мужики наши гуляют, у них полно невест, Ленька пользуется жутким успехом, женщины падают при виде его, Леля (сестра Евгения Николаевича Еремина. – *Ред.*) заявила ему, что бросит

своего мужа с Лялькой и готова уехать за ним на край света и т. д. в таком духе. Даже Женя Аду ревнует.

Львов и Киев

У веселого Леонида в это время был совсем не веселый период жизни. Вернувшись из Москвы, он пишет сестре:

Львов, 14.2.46

Дорогая Асинька!

С судьбой я смирился. Нет у меня ни сил, ни энергии, ни желания делать что-либо иное, чем я сделал своим приездом. Если отбросить некоторые чувства обиды старых воспоминаний, дело идет к тому, чтобы мы жили неплохо.

Откровенно говоря, я так привык ко всем вам, что очень часто всех вспоминаю.

Вспоминаю все наши “кутежи, пиршества”. Время в общем я провел неплохо. Спасибо тебе за заботу. Передай сердечный привет всем моим друзьям. А также и Адочке, Леле, моим “невестам” и их мужьям и женихам…

Спасибо тебе за заботу, ласку и душевное сочувствие. Я в долгу не останусь, можешь быть уверена.

Слово он сдержал – в следующем году организовал маме отдых в Карпатах, на курорте Трускавец. По дороге она заехала во Львов к брату. Несмотря на размолвки, семью он тогда сохранил: рос сын Геннадий, после войны родился веселый, неугомонный Алик.

Первые мамины впечатления от Львова:

Мне очень нравится. Или я видела мало. Особенно красивы вечером очертания города, острые шпили, башни, колонны. Узкие, уютные, ровные улицы, красивые, небольшие 3-х – 4-х этажные дома с зелеными балконами и увитыми зеленью окнами, с красивыми аллеями. А в этих небольших домах чудесные, огромные, высокие, светлые квартиры. Живут наши родичи в великолепной квартире, мебель очень красивая, много ценных вещей, сервизы, чудесное белье и т. д. Говорят, что здесь очень многие так живут, но это все оболочка, а за ней ничего не стоящая жизнь. Всякие скандалы, упреки и т. д. Смотрю я, как другие живут, и все больше нашу жизнь ценю. Нам бы эти богатства и довольство!

Летом 1951 года отец отправился в Крым, а мама с Юрой и Володей – к Леониду. Она пишет мужу:

> Мы живем очень хорошо, и если бы ты был с нами, о большем и мечтать нельзя.
>
> Во Львове встречал Леонид. Дома был уже сервирован завтрак (приехали в 10 час.), потом купались, потом обедали, потом отдыхали, а вечером гуляли по парку. Это богатейший и изумительно красивый парк, были в кино. На другой день рано утром выехали сюда, в деревню, километров 50 от Львова, где работает Леонид. На станции нас ожидала украинская телега с высокими стенками, соломенные тюфяки для сидения, парой лошадей, подъехали к дому (1,5 км от станции). Это настоящая украинская деревня, с белыми домиками, с вишневыми и яблоневыми садами возле каждого домика. У нас чудесные хозяева, радушные, белозубые, гостеприимные украинцы. Леонид обо всем позаботился, и делать мне абсолютно нечего, все делает хозяйка.
>
> …Леонид приготовил 15 кг сахару, завтра заколют кабанчика, сегодня на обед ели суп с домашней лапшой и курицей (ребята все ахают от порций, но все поедают), на второе блинчики с творогом и вишневый компот. Вчера к обеду были вареники 3-х сортов с картошкой, творогом и черникой.

Мама благоразумно не пишет, что сын хозяев – в банде Бандеры и иногда ночью приходит домой к родителям.

Леонид работает недалеко от деревни директором спиртзавода и “по совместительству” ловит бандеровцев. Обстановка довольно тревожная, идет настоящая война. У Леонида – служебная машина типа газика, оружие. Про сына хозяев он, конечно, знает. Наверное, потому и поселил к ним – так спокойнее!

Юра регулярно пишет отцу:

> Через полтора часа мы лежали в сарае на сене, схватившись за животы, и стонали, ибо обожрались. Стонать было от чего. Огромная тарелка каши, залитой вишней, множество всевозможных вареников и холодный кисельный компот из вишни. Если добавить к этому тарелку вишни, жестяную миску черники и малину, которые мы с Володькой уничтожили, то ты можешь легко понять наше состояние. Часа через два с половиной, выспавшись, мы опять плотно закусили

и пошли в лес.

Спали мы с Володькой на сеновале. Внизу сначала немного похрюкивали свиньи, мычала корова, но потом все стихло, кажется, одну из свиней для нас заколют. Относятся к нам замечательно. Даже как-то неудобно – уж больно здорово ухаживают. Маму называют не иначе как “пани”.

Отец пишет:

Володик, я камешки и прочие крымские вещи для тебя собираю. Не давай маме поправляться. Привези мне меду в сотах (хоть немного). Сделайте наливку вишневую (это будет мне подарок к 29/ix). Надо, сынок, немножко заниматься русским с Юрой.

Мама – отцу:

Кругом столько красок и красоты! Особенно хороши розовые яблоки на фоне листвы и голубого неба. А вдали – кругом, желтые хлеба. Тишине здесь удивляешься, днем, кроме редкого петушиного крика да ленивого тявканья “Леуки”, – ни звука. Вечером прибавляются мычание коровы, гоготание гусей и крики ребят на лугу.

Над головой висела тяжелая черная туча, а вдали все было освещено заходящим солнцем: белые домики в зелени, и серебряные ивы, и какая-то беловолосая девочка в красном платье. Даже Володя был захвачен этим зрелищем.

Видишь, какое настроение у меня. На душе покой и легко очень, ни о чем плохом не думаю, никаких забот, только ночью сплю очень плохо.

Здесь очень красивые места, я гуляю вечерами с ребятами, играем в мяч, иногда ребята ставят меня в ворота вместо Хомича, играют в футбол.

Я вполне справляюсь с этой ролью. Я с удовольствием провожу с ними время, как-то ближе они мне стали. Юрка интересный, хороший, думающий парень, как хочется ему счастья, удачи в жизни. С Володей трудно, он с каким-то ложным самолюбием. Я много с ним занимаюсь, беседую. Насчет его занятий ты прав, мы уже решили с Юрой это. Сегодня возьмем

здесь учебники.

Ну, вот и все. Целую и обнимаю тебя крепко-крепко. Обманешь насчет эмоций – плохо будет.

Володя отцу:

Только что, придя с речки, где мы купались, пилили и рубили дрова с Юкой. Сейчас я и Мака пишем тебе, а Юка слушает детекторный приемник (его сделал хозяин). Юке перешили твои брюки, вышло очень хорошо. Русским языком я занимаюсь, пока встречаются ошибки, только на запятые, правда, мы еще мало занимались. Часто вспоминаем тебя. Здесь много красивых маков, я наберу для тебя семена. Возьмем много варенья, в сентябре на рожденьях погуляем.

Семейные прозвища: Мака, Пака, Юка и Волока придумал Володя.

По пути обратно заехали в Киев. Здесь в семье сына Толи, окруженный теплом и заботой, жил отец мамы – наш киевский дед. Шумный Анатолий, его жена Мира, дочь Зиночка и дед встретили нас очень хорошо. Квартира маленькая, полуподвальная, но для гостей все потеснились и постарались поуютнее устроить. Зина сразила Юру красотой. Киев восхитил всех – мама тоже здесь раньше не бывала. Особое впечатление на Юру произвел симфонический концерт в парке на берегу Днепра под открытым небом, где под управлением Натана Рахлина были исполнены “Прелюды” Листа, навсегда оставшиеся в памяти.

В Киеве и мама, и Володя, и Юра, и отец в последующие годы бывали неоднократно. И специально, и проездом. Даже привозили с собой знакомых. Часто без предупреждения. И всегда в этом доме (квартиры затем менялись) их ожидал самый теплый прием. Стол всегда ломился от разной еды, для ночлега выделялись лучшие места. Родной дом!

Спекулянт

В 1947 году дед Борис вернулся из командировки в Москву, прихватив с собой немного недорогих ученических тетрадей, и был задержан при попытке перепродать их на казанском рынке. Ему дали шесть лет за спекуляцию.

Были предприняты все усилия для его спасения: заводское начальство пишет председателю Президиума Верховного Совета СССР Николаю Швернику прошение о помиловании. Ходатайствует и старый севастопольский знакомый, революционер-подпольщик, а теперь Герой Советского Союза полярник Иван Папанин. Помогает севастопольский фронтовой товарищ Тараса, а ныне контр-адмирал Филипп Октябрьский.

Вот “зашифрованное” сообщение от бабушки:

> Дорогие! Операция прошла успешно, есть все шансы на благополучный исход. Сейчас от профессора (“профессор” – это либо адвокат, либо кто-то из руководства завода. – *Ред.*).

В конце концов деда помиловали и хорошо встретили на заводе и в Дербышках – “с кем не бывает”. Письмо в Москву после освобождения:

> *26/xii 47*
>
> Сегодня уже на заводе принял прежнюю должность. Вчера был приемный день – приходили мои рабочие, дрова нарубили, радовались. Вечером явился мой начальник Белов с женой. Приехал я вчера дневным поездом, сразу звонил Винькову и Минкову – все были рады. Настроение превосходное. Мне необходимо отдохнуть от пережитого. Заживем опять хорошо. Мне попитаться 1 месяц, и я опять полноценный человек. Дорогие Ася, Мося, Адочка, Муля – всем вам пришлось много пережить. Главную тяжесть ты, Мося, перенес на своих плечах. Много горя было всем, и я еще молодцом, что я еще могу работать.

В декабре 1949 года родители отца гостили в Москве, а по возвращении их ожидало радостное известие – им дали комнату в капитальном доме, в квартире с одними соседями, хорошо знакомыми симпатичными людьми.

Бабушка пишет:

Нам дали комнату. Сегодня переехали. Устали очень, но какое блаженство, не надо думать о том, что надо принести дрова, воду. В комнате тепло, воды льешь сколько хочешь, в уборную не надо бегать куда-то. Если бы все это было возле Вас и работа папы тоже. Я так рада за папу, что у него никаких домашних забот.

Письмо от деда:

Наконец мы ожили. Избавились от нехорошего. Здесь так тепло, чисто, уютно, в доме тишина. Приемник, телефон. Соседи – очень славные люди, приветливые. Выходные дни мы к ним, они к нам. Мы продали дрова за 195 рублей. Уплатили квартплату октябрь – ноябрь и у Абрамсона купили кухонный стол за 30 рублей, там был ящик. Кухня большая, пополам с соседями. Встаю утром – никаких забот по хозяйству, но все это хорошо, если бы жили вместе и могли бы помочь. А все думаем, как вы живете?

Отец настаивает на переезде:

Мы – все дети и внуки ваши – твердо решили, что пора вам быть с нами. Жизнь стала значительно легче, все мы вполне прилично обеспечены хорошей работой, заработком. И это прямо-таки недопустимо – продолжать нам жить врозь. Ведь редко отец и мать так много сделали для своих детей, как вы. И редко где между детьми и родителями есть такие по-настоящему сердечные и близкие связи, как у нас с вами. Ваш приезд и жизнь с нами нисколько нас стеснить не смогут. Работу я папе найду близко и подходящую (как только папа достаточно отдохнет и захочет работать). Пусть это будет приятная работа на 250–300 рублей. Да, папа, да, небольшое усилие всех нас, детей, – и вы будете жить не хуже, чем там. Зато более спокойно и счастливо, жаль, что мы вам не написали об этом сразу.

Я кое-что приготовил за последний месяц. Вам предоставляется комната, реконструированная из нашей кухни. Я сделал в ней отличный ремонт, и она сейчас выглядит, как наши прочие комнаты, поставил добавочную батарею. Все (вплоть до пола) перекрасил. Хоть она и мала, на нее любо поглядеть. В ней поместится старая тахта, стол, кресло, шкафчик. Кухню я устроил тоже.

Ася пишет в 1948-м, сразу после отмены карточек:

> Надеюсь, что вы, зная мою “любовь” к письмам, не обижаетесь на мое молчание. Миша и дети вам пишут чаще. У нас все по-старому. Вы, мама, ведь недавно от нас и жизнь нашу знаете. Жить, конечно, стало легче, эти проклятые магазины, карточки и рынки, которые выматывали и опустошали, – все это ликвидировано. Я почти никуда не езжу, так как достаю все в Измайлово; против нас открылась палатка, в которой есть масло, крупа, сахар, а немного дальше – мясо и овощи. Питаемся мы хорошо – масло, сахар. Дети чувствуют себя неплохо, а Миша – как всегда, только толстеть начал чего-то.

И все-таки старикам очень трудно решиться на переезд:

> Мы очень рады вашей заботе, вы сами, думаем, понимаете, что наш переезд в какой-то степени вас всех материально обременит, но вправе ли мы помощь сейчас принять и насколько это является необходимым, решим все же по приезде, так как решать это по-своему не следует, а тщательно обсудить.
>
> Приезжать совсем – сейчас, мы должны проделать многое: продать вещи, картофель, папа в этом деле не помощник, а время пройдет, ему же надо отдохнуть.

Телеграмма от отца:

СОБИРАЙТЕСЬ ЕХАТЬ КОНЧАЙТЕ КОЛЕБАТЬСЯ ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО = МОСЯ

Последнее письмо отца перед переездом в Москву бабушки и дедушки:

> Через 2 недели – 2 мая – мы должны сидеть за широко раздвинутым столом всей семьей и пить за ваш приезд в Москву. Хватит колебаний и раздумий – надо воссоединяться.
>
> Тарас пишет вам о лирической стороне вопроса, а я – о деловой.
>
> Все равно ведь надо будет приезжать. Зачем же откладывать? Вам будет с нами и покойнее, и веселее, и легче.
>
> Ваша комната – в нашей квартире. А сейчас – можно

будет у Тараса пожить. Летом у Адочки на даче, у нас в садике (он чудесный – я только что в нем возился).

В это время Тарас получил комнату от Электролампового завода, недалеко от школы № 437, где мы жили, и бабушка с дедушкой у него достаточно комфортабельно обосновались. По тем временам взрослый сын и двое родителей в комнате – норма. Так закончилась эпоха Дербышек.

Юра. Школа

После окончания 6-го класса Юру отправили в пионерский лагерь. Он пишет оттуда:

19.6.45

Здравствуй, дорогая мама!

Как ты живешь? Сижу я сейчас в палате, на улице холодно, все мои “друзья” разошлись. Сижу и все время думаю о доме: как вы живете, что делает Володя и все. Живу я ничего. Только очень скучаю о тебе, о папе и обо всех.

Обязательно, если можешь, приезжай 1-го. Захвати носки и полотенце. Хожу последние два дня в ботинках. Когда приедешь ко мне, мы обо всем поговорим. Может, мне стоит поехать домой, а может, и нет. Не знаю. В палате у меня целая тумбочка. Туда я складываю почти что все. Сегодня одел пиджак и свитер. Не знаю, хватит ли мне этого на всю смену. В лагере много всяких игр, несколько мячей. Иногда играю. “Домби и сына” читаю медленно. Только на 300-й стр. 1-го числа, наверное, будут машины для родителей, так что приезжай. Но вообще, не знаю, может, и не будут. Сегодня ходили в лес. Нарубили и принесли огромные бревна для физ. площадки. За это тех, кто ходил, в том числе и меня, после обеда еще раз так накормили, что мы еле встали. Добавки супа дают всегда.

Ну, пока, до свидания. Передай горячий привет папе. Напиши адрес Володика.

Крепко тебя целую.

Юра.

Одеться после войны было нелегко. Мама пишет Юре:

Сынуля, ни о чем не беспокойся, костюм сошьем тебе к октябрьским праздникам, а брюки, если очень коротки станут, попроси у тети Груши отпустить.

Юра – бабушке и деду:

Недавно с папой проходили целый день по магазинам: искали костюм. Обошли 12 комиссионок, но пока ничего не нашли. Но он шьет себе другой, а мне

перешьют из его синего, а то он ему стал совсем мал. В своем пальто я не мерзну, так что вы не беспокойтесь.

От мамы отцу:

Юра очень переживает: его опять в комсомол из-за лет не приняли. По воскресеньям ходит в театры, с математикой вполне справляется.

В старших классах к Юриному увлечению литературой добавились театр и классическая музыка. Возможно, это досталось ему от Артура. Он пишет бабушке и деду:

В каникулы я получил такое наслаждение, которое никогда не забуду. Я был вечером во МХАТе. Смотрел “Три сестры” с участием Тарасовой и других лучших артистов. Я был просто восхищен спектаклем. В театре я был вместе с Адой. Ада меня угощала пирожными и т. д. Места у нас были очень хорошие.

Дорогие бабушка и дедушка! Был в филиале Большого. Слушал очень интересную оперу “Проданная невеста”. Раньше, когда я слушал “Севильского цирюльника” и почти ничего не понял, то я думал, что так и во всех операх. Оказывается совсем не так. Просто я тогда сидел очень высоко и далеко и поэтому не слышал ни одного слова. Теперь мне хочется послушать “Кармен”, “Пиковую даму” и “Риголетто”. Больше мне в театры не удалось попасть. Был с Володей на елке в городском Доме пионеров. Ему там понравилось, ну, а мне не особенно. Кажется, я уже вырос. Вчера мы с ним были на “Динамо”. Я бы с удовольствием был бы там в качестве катающегося на коньках, а не зрителя, но, к сожалению, у меня нет коньков.

Юра пишет маме:

На днях был в “Эрмитаже” на джазе Утесова. Очень интересно было и весело. Много читаю. Прочитал “Человек, который смеется”. Книга произвела на меня очень большое впечатление. Сейчас читаю “Хождение по мукам”, но что-то очень медленно дело двигается.

Кстати, в “Хождении по мукам” фигурирует еще один

Ценципер – вполне историческая личность. Брат деда был из числа анархистских лидеров, играл важную роль в штабе Нестора Махно.

Еще одно письмо от Юры бабушке и дедушке:

> Недавно я поехал перерегистрироваться в библиотеку им. Ленина и просидел там, не вставая с места, 3 часа. Читал “Отверженных”. Прочел 200 страниц. Также мы вместе с папой кончили читать “Педагогическую поэму”. Книга мне очень понравилась.

Отцу:

> Дорогой папа!
>
> Сижу я в Государственной публичной библиотеке им. Ленина – готовлюсь к сочинению на “женскую тему” и к докладу по “Далеко от Москвы” Ажаева. Кругом меня античные фигуры. Огромные часы в зале показывают 49 минут девятого. Кругом меня идет немилосердное “сдувательство”. А главное, здесь 60 % представительниц женского пола, так что поневоле приходится отвлекаться.

У Юры был товарищ – страстный поклонник оперетты. Гордился тем, что 150 раз слушал в театре “Сильву”. После каждого спектакля он дарил своим кумирам цветы, поэтому знал все цветочные киоски Москвы. Однажды он предложил Юре заняться бизнесом – а тогда это называлось спекуляцией. В ларьке на Пушкинской площади у знакомой продавщицы было куплено много цветов, а затем они направились продавать их на Центральный рынок. Продавали весело и не очень дорого. Когда цветы были раскуплены, “спекулянты” пошли отпраздновать это событие в забегаловку в Оружейном переулке. Кроме еды они, как взрослые, заказали и дешевой водки, кажется “Старки”. Когда они взглянули на счет, оказалось, что от барыша ничего не останется. Юру по дороге домой качало.

Для Юры наступили последние школьные каникулы – он отправился в санаторий в Геленджик.

Вот первое письмо от Юры домой (август 1948 года):

> 7-го вечером были в Сталинграде. Издали это огромный город, весь залитый огнями. Подъезжаешь, и впечатление изменяется. Вокзал весь разрушен, хотя всюду чисто. Вместе с новыми домами много пустых коробок. Очень тяжело на все смотреть. На другой день

до 3 часов ночи ждали Краснодара. Та же картина, хотя вокзал новый. Вообще за эти три дня я очень мало спал, но здесь отосплюсь. Из продуктов я все съел, истратил немного денег. По дороге в некоторых местах было дешево: 1 руб. – стакан вишни и т. д. Много фруктов. С ребятами у меня замечательные отношения. Возраста и развития я с ними одинакового, и с первого же часа мы очень сошлись.

В Новороссийске мы были два часа. Город очень сильно пострадал. Но что мне понравилось, так это то, что по всему городу прямо на дорогах написаны углем, мелом и т. д. различные лозунги, призывы восстановить город, крепить мир. Дорога в Геленджик была замечательная, очень извилистая, приходилось поворачивать под острым углом. И наконец мы здесь.

Персонал и врачи здесь хорошие. Но больше всего мне нравится природа: вот трещат цикады, и опять это голубое море. Ну, пока, кажется, все. Я хожу в майке и трусах, когда сможете, пришлите денег: я буду покупать фрукты. По сравнению со многими у меня их мало. Привет всем. Крепко поцелуйте Володю.

Ответ от отца:

Юрий, друг мой пышноволосый!

С превеликим удовольствием читаем и читаем твое письмо. Вначале по два раза прочитали сами, потом с ним познакомились родичи. А сегодня (письмо получили вчера), несмотря на отчаянный дождик, с содержанием письма пришли познакомиться 2 Бодунов 2. (муж и жена Бодуновы – преподаватели математики, их внук проводил каникулы с Юрой. – *Ред.*). В одном месте (там, где ты безумно утверждаешь, что машины в некоторых местах поворачиваются под ОСТРЫМИ углами, математические начала взяли верх над поэтическими, и в результате уста Н. Г. Бодунова издали недоверчивое “ГМ-ГМ”)…

Из письма Юры:

Вчера ездили на катере в одно местечко. Утром море было спокойно, и добрались мы туда благополучно. Пока мы гуляли на берегу, купались, поднялся ветер, разыгрался шторм. Волны были такие большие, что катер не мог подойти к берегу, и всех приходилось провозить

на лодке по 4 человека. Перебирались целый час. Почти всех и меня рвало. На глазах были слезы, а приходилось орать песни, чтобы меньше тошнило. В общем, еле добрались. Ну, ничего. Теперь я знаю, что такое качка.

Вчера были в кино. Смотрели “Без вины виноватые”. Скажу только, что ревел.

Из поездки Юра привез арбуз и черепаху, которая всю зиму жила под кроватью. Для Володи это были не виданные раньше вещи. Потом черепаху Володя променял на какую-то железяку. Юра пошел в десятый класс. Мама пишет отцу:

Вчера долго беседовала с Юркой, ведь ты же знаешь, как трудно заставить его разговориться. Он днем и ночью думает, куда идти, и никак этот вопрос решить не может. Я тоже об этом много думаю, это очень серьезный вопрос, особенно для Юрки, на нас очень большая ответственность лежит.

Юра заканчивал десятилетку в шестнадцать лет, и родители как могли старались помочь ему с поиском своего пути в жизни. Однажды Юра увидел у себя на письменном столе под стеклом листок с написанной почерком отца цитатой из “Войны и мира”: “Никогда, никогда не женись, мой друг… А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого”. Так Андрей Болконский наставлял Пьера Безухова. Загадочная записка оказалась напутствием на многие годы.

Еще раньше по совету отца Юра прочитал “Очарованную душу” Ромена Роллана. На него большое впечатление произвела героиня романа Аннет Ривьер – может быть, из-за ее понимания любви, презрения к условностям и внутренней свободы.

В мае 1949 года у Юры начались выпускные экзамены.

На первом письменном (по литературе) его неожиданно прорвало. Выбрал “свободную” тему: “Мы не те русские, что в 1917 году, и Русь у нас не та, и характер не тот…” Эти слова принадлежали Жданову. Но Юре захотелось внести в тему что-то свое, личное, и получилось так, что очень большая часть сочинения была связана с той самой Аннет Ривьер из “Очарованной души”. Хотя с грамотностью все было в полном порядке, некоторая – особенно для того времени – “необычность” раскрытия темы вызвала неоднозначное мнение экзаменационной комиссии. И все-таки Юре поставили пятерку, а о сочинении говорили и в классе, и в школе, и всюду, куда его посылали.

Володя. Школа

В те годы, когда бабушка и дед еще оставались в Дербышках, они часто писали младшему внуку.

От бабушки:

> Ты уже ученик второго класса, поздравляем тебя и желаем здоровья и успехов в жизни: быть великим ученым, лауреатом Сталинской премии, хорошим сыном и честным человеком, а чтоб все это сбылось, надо быть послушным и хорошо есть.
>
> Я думаю, что ученик II класса уже умеет написать письмо и докажет это нам. Напишет о своих успехах. Подарок мы с дедушкой купим тебе.
>
> *Бабушка.*

В течение нескольких лет Володя на лето ездил в Дербышки, а оттуда писал домой:

> Дорогие Мака, Пака, Юка. Доехал хорошо. Вошел в комнату и очень обрадовался, комната выкрашена, все чисто. На столе большой чайник, никелевый, яйки, масло, торт, молоко. Все ем. Два раза был в кино. Взял книгу и “Мурзилку”. Больше пишите… Прочел “Робинзона”…

> Дорогие папа и Юра!
>
> “Пионерскую правду” получаю. Хожу на футбол и в кино. Приехал Тарас. По солнцу не бегаю, но немножко загорел. Прочел “80 000 километров под водой”. Напишу еще письмо. Крепко целую Юку, папу и деда.

Дед – это мамин отец, который до переезда в Киев жил у нас. После потрясений военных лет он оттаивал рядом с любимой Асей. Дед стал своим и на школьном дворе – играл с мальчишками и, к их удивлению, дальше всех бросал гранату левой рукой.

А это Володин крик души:

> *19-7-47 г. 15 минут 7.*
>
> Дорогая Мака! Я очень соскучился по тебе. Писать

неохота. Живу хорошо. Много ем. Жирный как слон. Хожу в кино и на футбол. Хочу в Москву. Мне очень скучно. Мака, если сможешь, возьми меня к тебе. Тебе привет от учителей. В поселке все как было. Мака, я очень и очень скучаю.

Тысячу раз целую.

Твой сын.

Я скучаю.

Письмо Володе из Дербышек. Он в третьем классе:

Получили твои письма и очень им рады. Деда их читал и приговаривал: “Какой парень хороший стал – да ему уже в пионеры можно – поумнел, спокойный стал и, конечно, учиться будет хорошо!” Ведь ты способный мальчик и уже много читаешь, а из книг видишь, что, чем больше знают, тем интереснее.

Но, чтоб хорошо учиться и много интересного знать и видеть, – надо быть здоровым, а для этого надо хорошо есть и пить рыбий жир, не забывая. Не бегай, дорогой мальчик, лишнее.

В “Черчилля” – молодец, что попал, – плохой он человек. Английские ребята (пионеры), если б узнали, верно, похвалили бы тебя. Надо будет тебе английский язык изучить, чтоб сумел с ними поговорить, если они сюда приедут или ты туда. Вот здорово будет.

В Англии Володя побывал через шестьдесят лет. Английский не выучил, но возле памятника Черчиллю постоял и вспомнил детскую игру – мишень с портретом Черчилля.

Вот еще эпизод конца 40-х по воспоминаниям Володи:

Я вступил в пионеры, и к нам в класс пришел милиционер и начал рассказывать о том, что вокруг везде много врагов, шпионов и прочих гадов, и мы как пионеры можем очень помочь в обнаружении этих нелюдей и т. д. “Кто из вас хочет нам помогать, завтра должен зайти незаметно в такую-то комнату в 51-е отделение милиции, и вам там расскажут, как и что делать. Кто хочет?” Все, конечно, с энтузиазмом тянут руки, и я в том числе. Мент указывает на меня и говорит что-то насчет того, что вот этого (по-моему, и еще кого-то) мальчика попробуем.

Слава богу, учительница наша, Дарья Федоровна Шувалова, кое-что понимала в тогдашней жизни и рассказала об этом отцу. Вечером я случайно подслушал разговор родителей, в котором мама предлагала отцу поговорить со мной, чтобы… Отец ей ответил (помню я это очень хорошо, так как в этот момент ненавидел отца), что, мол, Володик сильно заикается, вместо слов из него будут “лететь слюна и сопли”, и с ним (то есть со мной) никто разговаривать не будет – так как будет очень противно! Как же мне это было тяжело слушать! Невыносимо! Какая ненависть к отцу!

На следующий день в милиции, в какой-то комнате… Всё! Именно так все и произошло. Меня вежливо отправили домой, сказав, что еще позовут. Все было кончено!

Из Володиной школьной характеристики:

Ценципер Владимир – ученик 4 кл. “Г” 437 шк. Мальчик способный, развитый, но нервный, подвижный, часто отвлекается вне уроков, на уроке не всегда внимательный. Любит книги, много читает, и часто на уроках…

Хороший товарищ. Был звеньевой, но со звеном работал мало. Может быть отличником. По состоянию здоровья – слабый, часто болеет и много пропускает уроков. Заикается.

2/X – 49 г.

Кл. рук. Шувалова.

В табеле Володи частые замечания разных учителей:

…Весь урок зоологии разговаривал с соседями по парте.

…Нет учебников и карты, на уроках занимается посторонними делами.

…Рисует ерунду, а не то, что требует учитель рисования.

…Очень хорошо занимается тем, что его интересует,

а не тем, что требует учитель.

Оценки соответствующие: 5, 4, 5, потом – 2, 3, 2. Бабушка с дедом поучают его в письмах:

> При Советской власти все могут учиться, а это значит, что ты сумеешь работать, где тебе понравится, и жить, где захочется.
>
> Мы, если бы с дедом могли при царизме учиться, сейчас были бы люди с хорошей специальностью. Могли б в Москве хорошо зарабатывать, и квартиру нам дали бы, и вы бы в гости к нам пришли, а так сидим в поселке, деда на старости трудно работает…

В жизни Володи и его друзей было много фантазии или, как говорит Володя, “прекрасного вранья”. Замечательный пример такого вранья – записки, которые товарищи посылали Володиным родителям, наверное, по его наущению:

> …Просим Вас, чтобы Вы отпустили Володю сегодня к нам. Мы не бегаем на солнце, не потеем, а сидим на веранде и играем в тихие игры.

И три подписи, названные “расписками” трех друзей: Тузов, Орешников, Сулла. Алеша Орешников – лучший друг школьных лет. Он всегда был рядом, а если нет – писал письма. А в седьмом классе, когда Володя досрочно сдал экзамены и уехал в лагерь, Алеша подробно рассказывал ему о школьных делах:

> Вчера кончились экзамены. Первые отметки ты знаешь, а историю и конституцию я сдал на пять, по физике – 4. На физике очень много вопросов. Многие плавали, но двоек не было. Эдька сдал хорошо. Он на месяц едет в лагерь, а потом ему мать купит велосипед. Вчера мы ездили в центр, купить мне пленок и фотобумаги, проявителей, закрепителей. Не знаю, как ты, а у меня для писем будет времени мало. Ну, все-таки пиши. У нас в классе готовится “торжественное” родительское собрание, посвященное окончанию учебного года. Не знаю, что там будет, но представляю, какое будет “торжество”. Как приеду, сразу исправлю велосипед и на трассу. Теперь думаю заняться велосипедом и фотографией. Буду слоняться по лесам и речке.
>
> Напиши, есть ли у вас речка и в каком состоянии?

Как занимаетесь спортом?

Было “прекрасное вранье” и в письмах Володика бабушке и деду:

> На трамвае не висну, ходят они очень часто и почти пустые, так что все время сижу. Чувствую себя хорошо, после школы отдыхаю и сплю.

Но писать правду было приятно, особенно такую:

> За зимние загадки и ребусы, которые я разгадал в Доме пионеров, я получил книгу “Повести и рассказы” Гоголя. Эта книга – ВТОРАЯ ПРЕМИЯ! Из 1200 человек участников. Я набрал 99 % из 100 %. Как вы себя чувствуете?

Еще в Дербышки:

> Дорогие!
> Ваше письмо получил. Варежки очень теплые и удобные и хорошо связаны. На днях выпал снег, и я начал кататься на лыжах. Сегодня иду в Зал Чайковского смотреть “Клуб знаменитых капитанов”. Меня отвезет Пака. Он на днях уезжает в санаторий. В ближайший выходной еду в Большой театр с Алешей Орешниковым, у него там работает папа. Мне шьют очень хороший костюм. Пака велит писать много, а нечего. Я же пишу часто!
>
> *Целую.*
>
> *Володя.*

На конкурсе в “Клубе знаменитых капитанов” Володя тоже что-то отгадал и получил членство и значок. Грамота и значок сохранились. Но уже с этих лет все больше и больше заявляет о себе тяга к оформительству, к созданию красивой среды. Особенно Володю интересует освещение.

Мама пишет отцу:

> Володя устроил и сам электрифицировал хорошую елку дома, ходит в музеи, в театры, кино… Приемник привезли и установили в столовой (конечно, Володя!).

Зимой 1952-го семиклассник Володя заболел дифтеритом.

Его забрали прямо с уроков в больницу, Вот что ему пишет классная руководительница Валентина Филипповна Моцарь:

Здравствуй, большой и непослушный шалун! (Уже большой)…

Мы готовим сбор, и ты, непременно, должен участвовать там. Но прежде должна сказать, что сейчас вся школа включается в подготовку к выставке школьной. Мне хочется, чтобы от нашего класса был целый стенд работ. Кое-что мы придумали. Подскажи, Володенька, ты ведь на выдумки хитер.

Теперь о сборе. Очень хочется, чтобы он был очень интересным, красивым и увлекательным. Но как быть? Где все взять? По части освещения я надеюсь на тебя. И ты знаешь, Володя, нужно и освещение придумать так, чтобы это было очень и очень красиво. Представь себе сцену из “Скупого рыцаря”. Жадный рыцарь говорит о своих деньгах, он беснуется, порывает со своим сыном, вызывает его на дуэль. Или сцена в Чудовом монастыре, или стихи о временах года в виде мелодекламации, ну и т. д. и т. п.…

Вот, Володя! Понимаешь, все это нужно сделать очень и очень продуманно, так, чтобы меньше было казенщины.

Оправившись после болезни, Володя пишет:

Здравствуйте, дорогие баба и деда!

Мне Макины знакомые подарили коньки, на каникулах буду кататься. Юка брал меня в свой институт смотреть на баскетбольную встречу – он здорово играет. Я печатаю фотографии, в ближайшее время я постараюсь специально для вас сделать фотокарточку и тогда пришлю…

Из ответных писем:

Дорогой Володичка! Получили твое письмо и карточку. Ты очень нас обрадовал, мой мальчик, ты комсомолец! Поздравляем тебя! И желаем быть достойным Ленинцем. Трудолюбивым, честным, скромным.

Папа подарил тебе обложку со своего партбилета. Держи высоко знамя Ценципера.

Наверное, Володя это знамя держал. Вот его письмо в Дербышки из последнего в его жизни пионерского лагеря:

> Прошло три дня, как я уже в лагере. Живу я здесь хорошо. Лагерь очень, подчеркиваю – очень, богат. Меня, как и в прошлом году, выбрали председателем. В лагере ко мне относятся очень хорошо. Со всех сторон слышно: “Батька Ценципер, батько, батька, папаша”, ну, да я, в общем, знаменит на весь лагерь. Ем много, кормят прилично, хотя иногда и не очень вкусно, ну да я привык. Устраиваю тут разные вещи в Пакином стиле, делюсь туристическим опытом.

А туристического опыта к этому времени у Володи накопилось достаточно. Вот его первый походный документ:

Справка

Ценципер Владимир, рождения 1937 года, действительно находился в туристическом Звенигородском лагере от школы № 437 летом в 1950/51 учебном году.

Пройдено в походах – 90 км.

Руководитель похода

Т. Дадеко

Письмо об этом походе:

> Здравствуйте, дорогие деда и баба!
>
> Получил я ваше письмо слишком поздно. Экзамены кончены. Перешел я без троек. Я уезжаю в туристический лагерь. Туристический лагерь находится около Звенигорода, места очень хорошие, близко Истринское водохранилище. Эти места называют Подмосковной Швейцарией. Мама тоже идет в поход по тем местам, она зайдет к нам со своими девчонками. Мне подарили электротехнический набор, он очень интересный…

Письмо отцу:

> Вчера вернулись из туристического лагеря. Находил я за этот месяц немного более 200 км. Очень окреп. Было

там очень весело и хорошо. Даже ради интереса ели мы как-то лягушек, ведь французы едят, почему же нам не есть – очень вкусно, мясо как куриное. Я уверен, что, когда ты приедешь, мы с тобой поедим лягушатинки. Стал я хорошо рисовать, особенно карикатурные вещи, был, как и в том году, редактором обе смены. Вообще много интересного, приедешь – расскажу.

Со временем уровень лагерей повышался, походы усложнялись, опыт рос.

Дорогие Мака, Пака, Юка!

Первый день в лагере, очень хорошо, жизнь "мощная". Я на положении инструктора. Народ хороший. Сегодня даже водил отряд и давал объяснения. Писать нечего, да и неохота. Жизнь мощная!!!!

Лето 1952 года идет к концу:

Здравствуйте, дорогие мои бабушка и дедушка. Вот я и приехал из последнего моего загородного отдыха. Был я на этот раз в "Туристе" (станция по Савеловской железной дороге) в туристическом лагере – крупнейшем в стране. Получил я значок "Турист СССР", вообще провели это лето и я, и Юка очень хорошо. У нас был: дневной поход, суточный, дневной еще один и пятидневный, всего я находил свыше 100 км. Не писал я вам оттуда потому, что не было времени. До учебы осталось 15 дней, в этом году буду учиться в другой школе, в той, где в старших классах учился Юка.

В то же лето от Юры к отцу, но про Володю:

Володю я почти не вижу. Он занимается в школе, где учился я, у моих же учителей. Володька за лето сильно повзрослел, стал серьезнее. На днях с мамой слушали в Большом "Фауста" с Вальпургиевой ночью. Чудесная вещь…

От Володи в Дербышки (бабушка и дедушка еще там, письмо, видимо, писалось после дня рождения):

Учусь я в другой школе. Занимаюсь пока средне, еще не приспособился к требованиям новых учителей. Ребята есть хорошие, с некоторыми уже сошелся. Я выбран в классное бюро комсомола. Мне подарили

книги: Юка – “Молодую гвардию” и Дима (товарищ) тоже книгу. Адочка – носки. Пака мне подарил новый, очень хороший письменный стол вместо уже довольно потрепанного старого. Мы отлакировали шкаф – теперь он как новый – ну, и все новости.

Школу Володя закончил в 1955 году.

Измайлово

Из воспоминаний Владимира Ценципера "Золотые шары":

На трамвай, особенно вечером (помнится мне только вечерний трамвай и только идущий к дому), сесть было очень трудно. Вся надежда была исключительно на 32-й "красный" – он ходил из Измайлова до метро – тогдашней "Измайловской" (сейчас "Партизанская"). Ожидающие, а тем более еще только подходившие к остановке, глядели как бы в обратную сторону – не идет ли "красный". Иногда и впрямь везло – во тьме возникали его опознавательные огни – синий и красный. Тогда все трамваи имели свои цветные огни, расположенные спереди над окнами кабины водителя.

Так вот, если уж получалось сесть на 32-й "К", еще не развернувшийся по кругу, то это была победа. Иногда сидеть даже удавалось. Еще крайне приятно для устойчивости было держаться за петлю. Подрастая – сначала за брезентовую, а затем – за брезентовую с пластмассовой ручкой. Петель было мало. Как эпохальное решение появилась позже конструкция со сплошной трубой под потолком. Новшество это долго по вагонам обсуждалось: мол, просто, а как хорошо. Часто, не дождавшись трамвая, шли пешком – большой такой порционной толпой. Частота порции определялась временем ожидания и характером первого человека, тронувшегося в путь. Нам до дому – в середине Измайлова – идти минут сорок. Было два пути: "по аллейке" или "через мостик". Все были твердыми последователями какого-то одного маршрута. Мы, например, – "по аллейке". Хотя иногда, непонятно почему, шли через мостик, каждый раз убеждая друг друга: "по аллейке" ближе!

С трамваями были связаны и две кровавые истории. Первая, правда, сейчас звучит несколько анекдотически: в районе теперешней 6-й Парковой под колеса попала корова. Но мне было просто страшно! Что-то большое красное. Толпа людей. Лужа густой крови – как бы выпуклой, красно-пыльной! Меня сильно тошнило.

А вторая – позже уже – трагическая! Мой товарищ, спасаясь от контролеров (которых не было, а была наша шутка: "Атас! Контроль!"), вылез с задней моторной площадки через "заслону"-дверь (сейчас эта конструкция трудно объяснима) и повис на поручнях. Контактные провода в этом месте были закреплены на столбах, стоящих между рельсами. О такой столб он и разбился. Насмерть. Это было жутко. Ведь мы – несколько

человек – ехали из кино, из “Родины”, домой. Был солнечный сентябрьский день, вагон был даже пустоват… Эта смерть на наших глазах была первой смертью ровесника и товарища.

А вообще, было несколько моих ребят-калек на костылях, попавших под трамвай. Какая-то примета времени. Хотя уже в институте я частенько вечером ехал до дома на заднем буфере или уцепившись за ведущую сзади на крышу троллейбуса лестницу, спрыгивая перед остановкой. А раньше… Как лихо прыгали мы на подножку и с нее, медленно спустив сначала – предельно низко к земле – ногу и мягко приземляясь на пятку. Потом нужно было сделать несколько шагов, пижонски отклонив назад корпус, и резко свернуть в сторону или сразу за вагон.

Позже, в старших классах, когда я учился уже не в Измайлове, у того же круга мы спрыгивали по пути в школу. Там однажды у меня попал под вагон портфель – объяснить дома и в школе пропажу книг, тетрадей и табеля было невозможно.

Кстати, там же – у круга – была пожарная кнопка: под стеклом в коробке на отдельном бетонном столбике красного цвета. За стеклом лаконичная надпись: “Разбей стекло! Нажми кнопку!” – что мы и делали регулярно.

В десятом классе у этого же круга мы смогли договориться с уже тогда очень редким извозчиком. Он часто ждал утром у круга меня и Витю Злобича и по пути на работу исправно доставлял нас на телеге в школу. Шик и стиль! Но Коля Контор от нас не отставал. Борясь с бабушкой, которая отводила его в школу до восьмого класса, а также с нашими ехидными насмешками, он стал приходить – сначала с бабушкой – в детской пуховой шапочке с помпоном и закатав выше колен брюки. Щеголял он так и зимой, и летом. Роста он в то время был уже под метр девяносто – что тогда встречалось куда реже, чем сейчас! Насмешки и свое к ним отношение он победил, не реагируя ни на кого и ни на что. Кстати, учебники он носил в большом чемодане.

На вечерах в школе Коля появлялся в белой шелковой дедушкиной жилетке и с толстой цепью с часами поперек живота – тогда такой вид был просто немыслим.

А вообще-то он был человеком легким, ироничным, прекрасным спортсменом-многоборцем. Отличником, да из тех, кого все уважают и любят. Мы хорошо дружили по всем фронтам, и ирония была нашим общим стилем. Такое время.

Как-то мы играли в баскетбол, и мне разбитыми стеклами очков очень сильно поранило веко. Кровь, осколки стекла, скрытая паника… Коля меня повез на трамвае в больницу. Оттуда

отправили в другую. Глаз открыть нельзя, а Контор меня специфически утешает, говоря: “Времени много прошло! Если противостолбнячный укол сделать не вовремя, то веко вообще упадет и проблем не будет!” Это было в десятом классе, накануне экзамена по алгебре. С веком-то обошлось, а упала только мама, увидев меня с перебинтованной головой.

Коля сейчас физик, доктор наук. Учился он в МИФИ – тогда на улице Кирова. И как-то рядом в букинистическом магазине встретил за бесценок (рублей 100–150) всю энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Денег же с собой – половина. Сделал финт, который теперь был бы невозможен, – подал деньги в кассу свернутыми, сказал: “За Брокгауза и Ефрона”… И выбежал из магазина. Кассирша – ни бэ ни мэ – ни продать другому (деньги-то хоть какие есть), ни кричать – не на кого! А я быстро подвез ему остальные деньги. Коля в магазин: «…Я вспомнил, что у меня не хватает денег, и побежал домой! Простите! Вот недостающие!”

С покупками у него вообще были странноватые отношения. Купив, к примеру, в период жениховства своей невесте кофейный сервиз, он спрятал его у нее в пианино!

А ей не сказал. Нашла сервиз ее мать. Немая сцена, в которой абсолютно невозможно никому и ничего объяснить. Так и молчал год. Мне в юности хотелось быть на него похожим, да и не только мне. А он мне недавно сказал, что и он многому во мне завидовал, вплоть до заикания! Тоже хотел быть похожим.

Заикание. Жуть даже по воспоминаниям! Оно образовалось в самом начале войны, по пути из Севастополя на поезде, куда меня, четырехлетнего, смогли втиснуть только одного к незнакомым людям. В поезд, который, по слухам, должен был идти в Москву. Поезд бомбили.

Сейчас-то хорошо, почти не заикаюсь, а были все стадии. В том числе и приятная – лет с семнадцати знакомые и “длительные” девушки тоже начинали немного заикаться. Но это позже. Заикался я в детстве сильно, очень! А сейчас почему-то вспоминаются не ответы на уроке, не разговоры с товарищами (самый трудный разговор с Юрцом Ксенофонтовым – тогдашним другом и тоже заикой), а заикание “внутреннее”, во время стояния в очередях. Чаще за хлебом. Так сказать, репетиция фразы – что-то вроде “ппполкккило…” и так далее. Даже писать мне это трудно. Жуткое внутреннее репетиционное заикание – до фразы!

Вспомнил булочную и подумал, что вообще-то магазины в то время нас не занимали. Было только коротко и просто: где, когда

и чем можно отоварить карточки. Но эти дела мне не доверялись.

А самым прекрасным и интересным местом была керосиновая лавка. Лавка, а не магазин – как, очевидно, пережиток прошлого. Какие запахи! Какие штуки и штучки! Хомут, например, или косы, серп. Краски и олифа! Топоры, инструменты, перочинные ножи, пробки разнообразные. Там я в первый раз в жизни увидел обои. Был поражен: у всех моих знакомых стены были только клеевые – на мелу. У некоторых, правда, с трафареченным рисунком. У кого-то в старом, довоенном, доме рисунок был сложным, на потолке даже с тенями – как бы свет везде шел от окна. Была и редкая профессия – уже тогда реликтовая, по-моему. Она называлась "левкасчик" – специалист по таким сложным рисункам. А у Леопольда, например, рисунок просто напоминал ладонь. Все стены в "ладонях" – как будто психопат какой-то на руках ходил. Гвозди и дырки от гвоздей очень были заметны. Обоев не помню ни у кого – поэтому в "керосинке" так запомнились.

Промтоварных и прочих промышленных магазинов в нашей ребячьей жизни не было. Поэтому до подробностей помню первое покупное пальто-куртку. Черный воротник непонятного меха – короткого и красящего все вокруг. Материал в рубчик – черный с серым. Карманы накладные и особенно косые – так приятно держать в них руки, так плотно и уверенно. Пуговицы черно-коричневые. Хлястик короткий, тоже с пуговицей. Даже внутренний карман был! Как приятно, и как много можно было всего на себе в этом пальто носить! Оно ознаменовало еще один этап. Именно тогда я стал завязывать ушанку, вернее, уши от ушанки, сзади – по косой. Наверх завязывали взрослые, внизу, под подбородком, – дети. А мы, подростки, – в основном назад. Это первая и единственная покупка до десятого класса, которая осталась в памяти – наверное, потому что мерили. А раньше, до нее, я носил пальто из немецкой шинели. Как подчеркивалось в разговорах не только детских – трофейной, офицерской. Был это подарок старшего маминого брата, вернувшегося в 45-м с войны.

Почему эти дома назывались "барачного типа", непонятно. По крайней мере, сейчас мне это непонятно, а тогда – тем более. Двухэтажные, двухподъездные дома. Деревянные, обшитые ныне забытой дранкой и оштукатуренные. Чаще всего беленные известью. Были и других цветов, но "размытых" – все-таки все они были построены в начале 30-х годов и тогда же покрашены.

Квартиры – естественно, коммунальные, обычно трехкомнатные. Кухня, туалет, кое-где кладовая – чаще нет. Кладовая с маленьким окном. Иногда в этой кладовой (дверь из кухни) кто-нибудь жил. Печки. Входные двери в дом обычно с крыльцом под навесом и с перильцами, на которых можно было прекрасно сидеть. Иногда вдоль этих перил – самодельная доска-скалка. Старушки, однако, там не сидели: есть ощущение, что старушек не было. А мы сидели, разумеется, на перилах.

Но этот дом был все-таки особенный. Уютный, в зелени, в деревьях, с гроздьями золотых шаров перед домом и с личными палисадничками (обычно жителей первого этажа). Сзади, под окнами, эти “личные” садики были огорожены чем попало, но с обязательной отделкой металлической лентой из-под штамповки. В жаркие дни поливали эти садики-огородики прямо из окон. Около домов – сараи. Иногда двухэтажные, с галереей-балконом на втором этаже. Все остальное пространство – огороды. Правда, у этого дома – несколько в стороне, из-за его, очевидно, расположения. Перед домом – посаженные еще до войны тополя. Между ними – клумба все с теми же золотыми шарами.

Здесь я и осуществил мой первый – в двенадцать лет – и, может быть, лучший, дизайнерский проект. Из щипцов для зажигательных бомб, которые в большом количестве валялись на чердаке, была сделана ограда для клумбы золотых шаров! Лихая! Кованая! Красивая! Да что там… Потрясающая ограда!!! Но это позже.

А тремя годами раньше, во втором классе, я был приведен к этому дому моим братом Юркой. У всех его одноклассников, живущих там, – у всех! – были младшие братья, мои ровесники. Мои лучшие, прекрасные друзья и товарищи всей школьной поры. Десять лет школы и практически еще пять лет институтов. Только после этого семьи, переезды и разные дороги стали нас разводить.

Старшие братья вместе учились и дружили, младшие – так же. Это был уникальный обычный дом с уникально-обычными ребятами. Родители их тоже когда-то начинали вместе – в какой-то конторе “Буровод”. Этот дом и его люди – счастье моего детства и юности.

Стоял он немного на отшибе – метрах в пятидесяти от леса, отделенный от него еще и старой, довоенной, огромной канавой. Канава была как овраг, с застоялой водой и каким-то металлическим мусором на дне. Двор. Но двор только этого дома. Дом отличался и составом жильцов – от ближайших,

“шоферского” и “дубителей”. Назывался он “инженерский”. Но кто только там не жил! Много лет спустя из публикации в “Юности” мы узнали, что невысокий, средних лет человек, который ходил в полувоенном коротком кителе и в фуражке с “крабом”, Коробицин, был в прошлом известным советским разведчиком в Южной Америке.

Хорошо запомнил я его потому, что он вроде не работал, много бывал дома, а мы и наши дела были ему интересны. Он всегда и спокойно держал нашу, ребячью, сторону, строили ли мы хоккейную коробку (первую в Москве!), делали ли какие-то спортивные снаряды. Даже помог нам “свет”, т. е. провод электрический, из своей квартиры на втором этаже вывести на хоккейную площадку. Жена его – крупная, белая, быстрая какая-то женщина – где-то работала. Еще у них был сын Левушка, младше нас. Была и домработница, веселая Шура. Иногда она нам давала какие-то пирожки. Шура страшно любила целоваться, и то, что она в дни Пасхи делала со всеми нами, назвать христосованием нельзя никак! Опыты, что ли?! Семья их – единственная в доме – имела в коммуналке две комнаты. У всех остальных более чем двадцати пяти семей было по одной. Наверное, с Коробициных я и начал оттого, что у них было две комнаты. Но это второй подъезд.

А в первом, ставшим как бы моим, на втором этаже слева, за дверью, на которой на трех почтовых ящиках было три фамилии, жили самые близкие мне люди! Вернее, конечно, не все три фамилии принадлежали самым близким мне людям, а скорее две, а еще точнее – одна. Именно в этой последовательности и напишу о них.

Первая радость – первая комната от входной двери – Ксенофонтовы. Юрец – первый мой друг и приятель и товарищ по заиканию! Сестра его Светка (домашнее прозвище – Солоха) – красивая, добрая и мягкая девочка, на два года старше нас; брат их Игорь как раз и учился с моим братом. А еще дед, недолго жившая бабушка. Иногда появляющийся отец. Мать – единственный работающий человек, милейшая и добрейшая Валентина Семеновна, веселая душа, напевавшая “Ах, Семеновна, баба русская! Где-то толстая, а где-то узкая!” или сразу по моему приходу (если попадал к обеду) разбавлявшая щи водой, “чтобы всем хватило”. Хватало всем! Тогда никто от приглашения поесть не отказывался. О деде Ксенофонтове надо бы тоже отдельно сказать. Был он, как ни странно (кажется, что таких тогда не должно было быть), последователем Ганди, за приверженность к учению которого и отсидел свой срок – десять лет! Потрясающе

красивый, седой, ловкий, спокойный и умный, очень знающий человек, хоть и нигде не учившийся.

Вообще, в семье все красавцы – дед был обрусевшим греком, и смешанная порода их была прекрасна. Еще ведь и пели все, и на гитаре играли, а Светка и рисовала хорошо. Они всё делали вместе. Даже женились все подряд, почти одновременно. И жили потом – хорошо жили – все вместе год, наверное. Игорь с женой почти год жил в сарае! Но это – дальше! А в квартире дальше? Комната рядом с Ксенофонтовыми – Вайнштейны. Валерка – мой приятель, аккуратист и спортсмен, изменивший еще в 50-х годах хоккею. Ушел – тогда! – заниматься фигурным катанием. В отличие от нас понимал, что это не только для девок. Брат его Игорь (много было, сейчас вспоминаю, Игорей) – соученик моего Юрки, как и Игорь Ксенофонтов. Ну, родители. Отец его первым из знакомых уехал в 51-м работать в Албанию. Вернувшись через год, он привез только и исключительно книги – собрания сочинений. Вайнштейновские собаки – сначала Муха, а затем Пушок. Собаки – исключительная редкость в то время, у всех были кошки. Муха попала под трамвай.

Напротив Вайнштейнов жили Кононовы. Демобилизованный с ранением в руку глава семьи, крикливая мамаша и наши товарищи – Вовка Ржавый и Нинка Рыжая. Когда Нинка стала чуть старше, мамаша каждый день (!) осматривала ее на кухне на предмет пресечения возможных “гуляний” с мальчиками. Но Нинка гуляла, в том числе и с каждым из нас.

Можно и дальше так идти по квартирам и людям комната за комнатой. Помню всех и хорошо. Но, наверное, лучше это делать походя, как придется.

Как мне – да и всем, наверное, – повезло с этим домом! Ведь там была и первая в Москве хоккейная коробка, и турник с “солнышком” и “склепкой” – основными знаками силы и красоты спорта. И драки с владельцами огородов. И письмо по этому поводу – тогда! – в “Московский комсомолец”, написанное все тем же Коробициным. И – невероятно – помощь газеты.

Мы и в пионерский лагерь как-то поехали все вместе. Ребята этого дома всегда так ездили, а тут и меня устроили заодно. Но и я ведь в долгу не остался: после седьмого класса моя мама не только мне, но и Юрцу, Валерке, Боре Ключеву достала путевки в Дом туриста. И с этого началась еще одна наша жизнь.

Дом уже расселялся. Толкотни не было. У некоторых было уже и по две комнаты. Одна из квартир – у Панченко – перестала быть коммунальной. Мы, недавно женившись, любили туда

ходить. К Юрцу, естественно! Он уже был женатым со стажем – года три-четыре. Сын рос у тещи, так как и Юрец, и его милейшая жена Нина учились. Обедали, выпивали, пели под гитару. Иногда шли к Васильевым, у них дома была ударная установка, труба, саксофон. Мы наслаждались и хорошим классическим джазом, и тихим светлым вечером, и длинными сумерками. Середина лета, начало жизни. За окном выросшие деревья, остатки моей ограды, золотые шары…

В младших классах в Москве: наведение уюта в квартире! Койки (железные с металлическими скобами на “ложе”, которые я умел хорошо чинить) время от времени заменялись на “новые”, принесенные из кучи собранного у школы металлолома. Спинки у них (почему “спинки” – непонятно, они находятся в изголовье и в ногах) отпиливались в уровень с ложем, и все это сооружение можно было считать тахтой. К приезду гостей и в праздники мы перетаскивали из школы деревянную тумбу из-под бюста матроса Кошки (персонаж Льва Толстого) – на нее ставился приемник. Также приносилась красная ковровая дорожка из кабинета отца. Иногда в школьном же буфете бралась посуда – тарелки с надписью “Общепит”. Кстати, дома в то время долго жила солонка дореволюционного пароходного, кажется, товарищества “Самолет”. Что только я не представлял, глядя на нее!

Потом отец кардинально переделал квартиру: кухня переехала в ванную комнату. Там в проеме, ведущем в глухую нишу, стоял стол с плиткой – это была кухня. Рядом – титан для ванны и сама ванна. Все в целом – фантастически нелепо и неудобно, но это по нынешним временам, тогда же – класс!

Освободившаяся кухня стала моей комнатой. Именно моей, хотя Юрка был старше и ему было, конечно, нужнее. Но Юрка добрый!!! Комната два на два метра. Но высота-то школьная – за три метра. По одной стороне – ящик с матрасом, постель. Над постелью во всю стену стеллаж с книгами и “барахлом”. Остальное место занято столом у окна и стулом. Вот так! На стене напротив матраса – подаренные кем-то большие чертежи парусных кораблей.

Странно все-таки устроена память. Сижу только что у медсестры, чтобы померить давление. Смотрю тупо на стену, вернее, на старую стенгазету “Здоровье – это физкультура”. М. Громов, в восемьдесят лет поднимающий штангу, какая-то девочка, прыгающая через веревочку, – и черт знает что вспоминается. И метание учебной гранаты за школой, когда дед (мамин отец) бросал раза в два дальше нас! И тот день, когда

Тарас показывал “черноморское ныряние” в Измайловском пруду… Входил в воду медленно, осторожно, долго стоял, охлопывая себя мокрыми руками; кряхтение и нерешительность, разговоры о том, что холодно. Все это вызывало снисходительное отношение у всех на берегу и в воде. Советы “Дядя, оденься!” и так далее. Долго-долго. А потом внезапное красивейшее вхождение-полет в воду… И все! Минуту, а то и две никакого движения воды, а затем метрах в тридцати от берега выныривает! Шикарно! Завидно! Уважительно!

И опять желание вспоминать мелочи. И Тарас, и Женя – Е. Н. – были очень большими спорщиками и любителями хорошо выпить. В тот раз предметом спора стало хвастовство Тараса: никто, кроме нас, севастопольцев, не проплывет так долго под водой. Е. Н. как ученый для чистоты спора предложил опускать лица спорщиков в миску с водой – кто дольше продержится. Ударили по рукам! В последний момент по предложению Е. Н. вода была заменена водкой. И вот два взрослых состоявшихся мужика – главный энергетик МЭЛЗ и профессор МГУ – погрузили свои лица в миски с водкой. Над ними отец с секундомером в руке… Выиграл сухопутный профессор. Зато в последующем выпивании водки из миски победил “братишечка” Тарас.

Вспоминаются мелкие детали того времени. Например, коньки “Английский спорт”. Лезвие тупое, прямое, довольно широкое. На передней части возвышение – в профиль как нос военного корабля с надстройкой. Как приятно было туго примотать коньки к валенкам и “качественно” подсунуть “палец” закрутки под веревку. Иногда я этот “палец” еще и подвязывал отдельным шнурком, чтоб не выскочил.

У меня были еще только одни коньки, сильно позже, – хоккейные, доставшиеся от кого-то. На них довольно часто отлетали заклепки – и мы “шиковали” в фирменном “вайнштейновском” (делал все сам Валерка с отцом) исполнении: на винтах, с внутренней пластиной со сточенными головками и закерненными от раскручивания гайками. Хороши были и щитки того времени: как бы патронташ со вставленными вместо газырей отрезками бамбуковых палочек. Помогало, но не очень. Мы уже тогда бросали хорошо. Боря Ключев, например, пробивал шайбой фанерную лопату для уборки снега.

Много лет спустя – лет тридцать наверное, – когда давно уже не было ни этого дома, ни садика, ни клумбы с золотыми шарами, мы собрались в ресторане “Осень”. Ресторан был

на первом этаже двенадцатиэтажного дома, построенного на том самом месте. Поэтому, хоть садика уже не было, деревья некоторые – наши – стояли. Собралось нас много – человек двадцать. Даже пара одна образовалась – Валера Вайнштейн и его жена Люся, бывшая Секирко из “нижней” квартиры. Люся еще помнилась и тем, что ее сводный брат Дима Почвирный (тоже учился с нашими старшими братьями) делал на крыше стойку на печной трубе и мог пройтись на руках до так называемого “маленького домика”. А это метров сто!

Пришел на встречу и сын Коробицина, хотя и был много младше нас. Когда-то мы натянули ему на голову презерватив и отправили домой в этой “кавалерийской” шапочке. Мать кричала. Домработница Шурочка – по какой-то своей логике – рыдала. А сам Коробицин (он так и был для нас без имени и отчества) хохотал.

Пришли и братья Васильевы, которые из тихих, забитых ребят с редкими зубами выросли в светских пижонов. Теперь они, оказывается, профессиональные джазовые музыканты. Пришла Аня, у которой все стали спрашивать про мать – нашу вечную благодетельницу из библиотеки. С ее старшей сестрой очень дружил мой брат. Аня, кстати, вспомнила за столом об одном из наших развлечений.

Канаву-овраг с водой около дома мы использовали по-своему: разбежавшись поверху, надо было спрыгнуть вниз так, чтобы остановиться как можно ближе к воде. Ребята из дома упражнялись постоянно, я реже – все-таки иногда уходил домой. Однажды, желая доказать, что я не хуже, выпрыгнул на середину канавы, где по горло воды. Выбрался, чуть не утонул. А уже осень глубокая, я в зимнем пальто насквозь мокрый. Сушился у костра. Досушивали как раз у Ани. Там меня и просушили утюгом, и напоили какой-то наливочкой. К себе я пришел сырым и несколько нетрезвым. Объяснять ничего не хотел, да и не мог. Юка предположил, что я вспотел. Это всех рассмешило, инцидент был исчерпан.

Второе, вернее другое, купание. Весной я, Юрец и Женя Оранской (вот фамилии! А ведь был еще и мой очень близкий товарищ Эдик Сулла) пошли на остров в Городок Баумана кататься на льдинах по Измайловскому пруду. От берега нас отнесло немного, но нам казалось – бесповоротно. Мы разделись и, оставив со страху одежду на льдине, перебрались на “материк”. К счастью, льдину минут через пятнадцать прибило к берегу, и одежда опять была наша. Замерзли мы жутко, а спасло нас от болезней, наверное, то, что Женя жил совсем рядом

в Петровской церкви. Там и грелись, а его бабушка тем временем то била нас полотенцем, то плакала, то поила чаем. Ей кто-то сказал, что мы тонем в пруду!

Вспомнилось и то, как зимой, собрав человек пять-шесть малышей и взяв "плату" (деньги на школьные завтраки), некто Петач (летом он ходил с вороной на веревке) по едва заметной тропе водил нас в сумерках подглядывать в женскую баню там же на острове. Маленькая – и высоко – проталина в окне, темень. В проталине – пар и тени. Но волнение! Но тайна!

Нина Кононова-Рыжая вспомнила и вовсе пикантную историю. Мы были уже постарше, играли мы в "фанты" и в почту, иногда в "бутылочку". Тринадцать лет – взрослели! И вот Нинка получает записку от Валерки Вайнштейна. Во время рассказа он сидит рядом с бывшей Люсей Секирко, ныне женой, и ерзает: все помнит! Текст той записки был лаконичный: "Нина, пойдем е…" Нине эта недосказанность не мешает – все ясно. "Пойдем".

Вот ее рассказ о тех событиях спустя десятилетия: "Зашли в комнату. Сели. Валерка на стул. Я на диван. Сидим. Молчим. Немного неудобно и скучно! На улице продолжаются общие игры. Наконец я не выдерживаю:

– Знаешь, что-то не хочется! Давай потом!

– Мне тоже не хочется! Пойдем на улицу! Ты только ребятам не говори!

– Что я, маленькая?!"

Пришел Юра Панченко – "детский интеллигент", у которого с давних пор осталась привычка сильно поддергивать брюки. Мы подозревали, что это для того, чтобы всем были видны носочные резинки-подтяжки – как у взрослых. Тогда это было большим шиком. Он стал химиком, кандидатом технических наук. Пижон был и есть! Сейчас пишу, а вспоминаются уже другие картины, недетские.

Глава 6

Юра. Институт

Пришло время Юре определяться с институтом. Любви к технике у него не было, он больше тяготел к гуманитарному, но без каких-то определенных устремлений.

Он задумался о журналистском отделении филфака МГУ. Там преподавал милейший профессор Дитятин, муж маминой знакомой по Казани Ольги Владимировны Ситиной.

Юра с мамой пошли к ним домой посоветоваться – поподробнее узнать об этом отделении, уточнить, какие экзамены, что за конкурс. Но шел 1949 год – борьба с космополитами, диктатура “пятого пункта”, год назад был убит Михоэлс.

Сохранилось приглашение отцу на День директора 12 марта 1949 года в Институт усовершенствования учителей. Выступавший с докладом писатель Лев Никулин был очень озабочен тем, что многие писатели маскируются и скрывают свои настоящие фамилии: “Вот, например, Володин – он же на самом деле не Володин”. И это через четыре года после “великой победы над фашизмом”. Впереди были “дело врачей”, были и еще более страшные планы, которые Сталин, к счастью, не успел осуществить.

В мягкой форме умудренный профессор посоветовал “не лезть в это дело”, а идти в любой технический вуз. Журналистом, говорил он, можно стать и самому.

Без особого энтузиазма Юра подал документы в ближайший к дому Автомеханический, прямо в родном Сталинском районе.

Первые два года учебы было трудно, но постепенно все встало на свои места. Он учился, зубрил, чертил, сдавал, усваивал, позже и стипендию получал. Юра пишет отцу в санаторий:

> Я понемножку двигаюсь навстречу 1500 руб. Сегодня сдал третий экзамен. Осталось еще 3; пока все в порядке. Сдавал сегодня лауреату Сталинской премии. Был у меня вопрос о себестоимости, так я его рассказывал в современном духе, и он был очень доволен.

После окончания четвертого курса он в первый раз пошел по путевке в большой поход по Центральному Кавказу.

Дорогой папа!

Ну, у меня все очень хорошо. Пишу тебе из т. н. Цейского ущелья, с турбазы – на высоте 1750 метров. С трех сторон горы по 3–4 км, большинство из них в снегу. Через пару часов выходим в поход на ледник, на ночь. Кормят здесь так себе, но не голодаем – кое-что получаю. Жру вишню и абрикосы.

Находимся мы в Осетии, в центральной части Главного Кавказского хребта. Сам представляешь, наверное, что это за чудные места. Особенно горы.

Теперь я уже настоящий турист. Пишу из третьей на нашем пути базы. Были на леднике, забирались на пик Туриста высотой 3100 метров, спали в палатках, в спальных мешках. Немного за это время устал, но настроение самое хорошее.

Перейдя Цейский перевал, Юра побывал в Цхинвали, Гори, Тбилиси, потом поездом в Сухуми, где пробыл неделю. Оттуда приехал на попутной машине в Гагры. Кончалось последнее студенческое лето. Вот что он писал родителям отца:

Дорогие бабушка и дедушка!

Мне с каждым днем приходится заниматься все больше и больше. Дела с проектом в самом разгаре. Сделал 3 листа, осталось еще два, в начале декабря думаю все с ним закончить. Вообще учиться стало веселее потому, что все ладится и получается и не приходится уже терзаться, что вот у меня хуже, чем у других, и т. д. Папа купил мне хороший костюм. Говорит, что он мне очень идет.

В 1954 году Юра закончил институт, защитив диплом на “отлично”.

Через несколько дней после защиты Адочка, Евгений Николаевич и Иринка на их автомобиле “Победа” отправились в Прибалтику и Ленинград, позвав с собой Юру. Несколько сотен километров он был за рулем.

Дорога до Риги была чудесная. Ночевали один раз в белорусской деревне, другой – в Каунасе, они в гостинице, а я в машине на привокзальной площади. Питаемся хорошо, я всегда сыт. Едим или дома, или заходим обедать в ресторан… Играю в волейбол, пинг-понг и т. д. Сегодня катались по Риге, завтра едем в т. н. Ливонскую Швейцарию. В Таллин

едем, по-видимому, послезавтра, в воскресенье. Там, наверное, пробудем несколько дней. Оттуда в Ленинград, Псков и через Пушкинский заповедник – в Москву. Когда приедем – точно не представляю.

В 1955 году Юра начал работать на Московском электроламповом заводе, который все любовно называли “Лампочкой”.

Реабилитация

Пятого марта 1953 года умер Сталин.

Мама сказала: “Сдох усатый”. Отец промолчал.

Почти сразу было прекращено “дело врачей” как “не соответствующее действительности”. С лета 53-го начались постепенные пересмотры дел политзаключенных и освобождение выживших в ГУЛАГе.

Мама стала заниматься вопросами реабилитации. Весной 1956 года она писала Юре в Ессентуки:

> Вчера в нашей семье произошло радостное долгожданное событие – решением КПК (Комиссия партийного контроля. – *Ред*.) я восстановлена в партии. Исправлена большая несправедливость. Очень хорошо. Но чувствую себя очень усталой. 20 лет жизни ушло. Погибло много невинных людей, в том числе и те, из-за которых я пострадала.
>
> Ну ладно, родной, этого уже не вернешь. Я хотела это сделать главным образом из-за своих детей, чтобы они могли гордиться своими родителями.
>
> Так что поздравляю тебя и твои поздравления принимаю!

Реабилитацией Артура она занималась вместе с Викторией Львовной Шифрес, близкой подругой еще с 30-х, и Анной Лазаревной Разумовой, работавшей с Артуром в Париже. Разумова сперва отказалась – она считала, что коммунист не должен был отговаривать коллег от поездок в Москву в середине 30-х годов, как это делал Артур. “Мы давали присягу”, – говорила она.

Виктория Львовна была уже восстановлена в партии, а Анна Лазаревна – реабилитирована. Всех троих вызвали в КГБ и допросили как свидетелей.

Вот их показания.

> Связь Артура с семьей Пятакова носила чисто бытовой характер и характеризовала его в политическом отношении с положительной стороны (*Шифрес*).

> Я помню Вальтера как политически выдержанного и стойкого коммуниста, который вел активную борьбу с троцкизмом (*Разумова*).

Их свидетельства послужили едва ли не главным доказательством невиновности Артура! Заявлений об отсутствии политических связей с Пятаковым и троцкистами оказалось достаточно для тогдашней практики рассмотрения дел репрессированных. В 1937 году “государственные люди” знали, что надо убивать и мучить невинных, а в 1956-м – что их надо реабилитировать.

Письмом Главной военной прокуратуры от 13 марта 1956 года поручалось “выдать справку о реабилитации Вальтера его жене Ужет А. Л.”.

Мы не знаем, был ли Артур троцкистом, да это и не имеет значения. Но очевидно, что он стоял в оппозиции к Сталину. Идее социализма он был предан, но не мог согласиться со злодеяниями, которые происходили в стране.

По случаю выхода второго издания книги о Коминтерне ее автор профессор Фридрих Фирсов писал в письме Юре:

> Артур Вальтер – один из немногих персонажей книги, о котором можно сказать, что ни допросы, ни пытки не смогли сломить этого мужественного человека, заставить оклеветать себя и тех людей, с которыми он дружил, работал и боролся за те идеалы, которые считал правильными и справедливыми. Палачи убили его, пытались посмертно опорочить, но правда восторжествовала.

Вот имена родственников и самых близких людей мамы и Артура, которые были репрессированы:

> Марк Вольпе, начальник тыла Красной армии. Расстрелян в 1937 г.
>
> Галина Федулова-Вольпе. Лагеря, ссылка, 1937–1954 гг.
>
> Георгий Иссерсон, начальник кафедры оперативного искусства Академии Генштаба. Тюрьма, лагеря, ссылка, 1941–1956 гг.
>
> Софья Шамардина, секретарь РАБИСа. Тюрьма, лагерь, 1937–1947 гг., затем тюрьма и лагерь в 1948–1955 гг.
>
> Юзек (Иосиф) Адамович, муж Софьи Шамардиной, Предсовнаркома Приморского края. Застрелился перед арестом в 1937 г.
>
> Берта Даниэль, шифровальщица Коминтерна. Тюрьма, ссылка, 1937–1954 гг.
>
> Анна Разумова, работник Коминтерна. Лагеря,

ссылка, 1937–1955 гг.

Виктория Шифрес. Исключена из партии.

Александр Шифрес, муж Виктории Шифрес, член Военного совета при наркоме обороны СССР. Расстрелян в 1938 г.

Немного о судьбах этих людей.

Двоюродный брат мамы Марк Вольпе после 1928 года, когда он познакомил Асю с Артуром, занимал ряд высоких командных должностей. В 1936 году в звании комбрига служил начальником Административно-мобилизационного управления Наркомата обороны – фактически в ранге заместителя наркома. Все, кто знал Марка, отмечали его высокую образованность, эрудицию; он был крупным военным историком.

Его жена Галина Федулова после ареста Марка была отправлена в лагеря, затем в ссылку. Реабилитирована через семнадцать лет, в 1954 году.

Георгий Самойлович Иссерсон – муж младшей сестры Галины, Екатерины Федуловой. Комбриг, профессор, крупнейший военный теоретик. Он являлся автором книги о теории глубокой обороны, которая была принята в качестве учебного пособия в ряде стран, в том числе в Германии. За две недели до начала войны был арестован и приговорен к расстрелу, который потом был заменен на десять лет лагерей строгого режима и пять лет ссылки. Как говорил сам Г. С. Иссерсон, спас его следователь, который затем был расстрелян.

В 1956 году Иссерсон был реабилитирован и восстановлен в звании полковника, но решил уйти в отставку. “Я не воевал. Отстал”, – говорил он, но продолжал работать в области военной теории и истории.

К одному из своих юбилеев он получил такое письмо от Маршала Советского Союза Василевского: “Вы крупнейший военный теоретик. Мне стыдно за тех, кто так жестоко и несправедливо поступил с Вами”.

Умер Георгий Иссерсон в 1976 году. Недавно в США (но не в России) вышла 400-страничная монография о жизни и трудах Иссерсона с говорящим само за себя названием “Архитектор советской победы во Второй мировой войне” (Richard W. Harrison. *Arhitect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G. G. Isserson*).

В 1955 году реабилитировали Софью Сергеевну Шамардину.

Из воспоминаний мамы о Сонечке:

После революции она вышла замуж за Председателя Совнаркома Белоруссии – Юзика Адамовича. Детей у них

не было, а после нашего, через Артура, знакомства она считала меня своей дочкой.

Летом 1936 года Адамовича и Шамардину послали на Камчатку, где они очень много и успешно работали. А летом 1937 года Адамовича вызвали в Москву, в Кремль. Он все понял. Адамович завез Сонечку к старенькой маме, а сам снял в "Национале" комнату и там застрелился. Сонечка, не успев его похоронить, была арестована. Она дважды прошла через ад на лесоповале в Воркуте и Находке. В 1948 году ее освободили, она приехала в Москву. От прежней красавицы, полной жизнелюбия, добра, остались только синие-синие глаза и, изредка, необыкновенная улыбка. Писатель Александр Фадеев помог ей устроиться на какую-то работу. Но это продолжалось только несколько месяцев. Началось время "повторников" – и новый арест. На барже, в трюме, набитом сотнями таких же людей, ее привезли на Крайний Север. В 1955 году – реабилитация: "необоснованные обвинения в преступлениях".

Всю свою жизнь Сонечка была невероятно иронична. Вспоминается ее разговор с мамой вскоре после возвращения в Москву:

– Как ты думаешь, Сонька, восстанавливаться мне в партии или нет?

– Ты дура, Ася! Конечно восстанавливаться! Нас, старых коммунистов, когда помрем, за прошлые заслуги сожгут в крематории на Донском кладбище, и нашим это будет по пути, все-таки почти центр Москвы. Подумай о детях!

Берта Даниэль в ноябре 1936 года приехала в Москву из Европы вместе с мужем Рихардом и дочкой Лорой. Через полгода Берту и мужа арестовали и сослали в северные лагеря. Рихард умер там от голода и истощения в 1942-м. Она же пробыла в лагере до 20 декабря 1952 года – почти шестнадцать лет. Потом – пять лет поселения. В лагере Берта тяжело работала и выучилась не столько русскому языку, сколько мату.

Когда арестовали родителей, Лоре было пятнадцать лет. Девочку выслали за сотый километр от Москвы. После детского дома в Иванове, куда ее сначала направили, она в конце концов очутилась в Бирюлинском зверосовхозе Татарии. Как же Лора была благодарна людям, приютившим ее там. Ее – немку (идет

война) и дочь репрессированных! Там она много работала и, имея энергичный характер, в течение десяти лет руководила хором и художественной самодеятельностью.

После освобождения матери они встретились и в 1957 году уехали в ГДР. На предложение остаться в СССР Берта ответила: “С меня хватит этой страны”. “Хождение по мукам” – так она оценивала проведенные тут двадцать лет.

Вернувшись в ГДР, Берта продолжала активно вести общественную и партийную работу и, несмотря на пережитое, осталась верна идее коммунизма. Такой же была и Лора.

Когда в 1964 году Берта была в Москве, она впервые встретилась со взрослым Юрой. Ее поразило его внешнее сходство с Артуром. В тот день она передала Юре все, что сохранилось из вещей Артура. Это были написанная Артуром книга “Die Grosse Solidarität” (“Большая солидарность”), ноты 3-й (“Героической”) симфонии Бетховена в переложении для четырех рук и две фотографии: Артур в молодости, и он же рядом с маленькой Лорой в Берлинском аэропорту.

Кроме этих фотографий у Юры есть и третья, сделанная в Бутырской тюрьме для заведенного на Артура дела. А недавно добавились еще две, из архива РГАСПИ.

Анне Лазаревне Разумовой, получившей в 1937-м восемнадцать лет заключения и ссылки, удалось выжить. После реабилитации в 1955 году она работала в Центральном партийном архиве, а затем в Институте Азии Академии наук.

Она была незаурядным человеком. Еще в молодости побывала во многих странах – от Франции до Китая – и даже на Мадагаскаре. Работала советником крупнейших коммунистических деятелей и руководителей Коминтерна.

После реабилитации она, как и Берта, осталась в основном верной своим прежним убеждениям. Ученый-востоковед и известный писатель Игорь Можейко (Кир Булычёв), который работал вместе с ней в Институте Азии, так пишет о ней в своей автобиографической книге “Как стать фантастом”:

> Это была удивительная женщина, из тех лагерников, которые умудрились сохранить и живость духа, и бодрость тела. Она пила с нами чай и рассказывала фантасмагорические истории из своей жизни… У Анны Лазаревны было четыре мужа на разных континентах, и она поднимала восстание на Мадагаскаре… Анна Лазаревна знала все и понимала все, и ее рассказы о гибели Коминтерна, о том, как уничтожали самых

верных партийных сынов и дочерей, были ужасны. Но в одно она не могла поверить: когда ей при мне рассказали, как Сталин приказал собрать по лагерям немецких антифашистов и отдать их Гитлеру, и их отдали, Анна Лазаревна возмущенно вскочила и бросилась прочь из комнаты… После этого она перестала рассказывать нам удивительные истории из жизни тайных агентов Коминтерна.

Это была та самая “элита”, к которой молодой Миша относился с большим недоверием и просил, а иногда и требовал, чтобы мама порвала с ними. И вот через много лет стали известны страшные судьбы этих людей, абсурдность всех обвинений против них.

Володя вспоминает такой разговор с Анной Лазаревной:

> …В партию эту, тем более теперешнюю, не вступай, но запомни: СССР сам ничему не научился, да, по-видимому, и никогда не научится… Такая страна. Такой народ. Но – и это самое главное – мы научили весь остальной мир, как не надо жить! Мир понял, что надо бороться, – и это получается. Бороться не за социалистическое государство, а за социальную систему!..

Отец на многие вещи стал смотреть иначе. И хотя пересмотр действий Сталина у него проходил медленнее, чем у мамы, он с большим пониманием отнесся ко всем ее хлопотам в связи с реабилитацией Вальтера. И когда однажды в разговоре с Юрой отец коснулся этой темы, он говорил об Артуре с большой теплотой. Видимо, людей из маминого окружения отец в душе тоже реабилитировал.

На Донском кладбище Москвы, на участке первых захоронений жертв сталинского террора, есть табличка:

КОМИНТЕРН

ВАЛЬТЕР АРТУР ЯКОВЛЕВИЧ

18.09.1898–31.01.1937

репрессирован

Утраты

1958 и 1959 годы были временем тяжелых потерь. Вот последняя открытка от маминого отца из Киева:

> Дорогая Ася!
>
> Спасибо за утешение, а также за перевод; после твоего письма мне стало легче. Как Юрик? Как Миша с Володей? Ася, береги твое здоровье. Привет всем Вам. Отец и дедушка.

В феврале 1958 года дедушки не стало. До последнего мгновения его жизни рядом была его внучка Зина.

Бабушка, мать отца, никогда здоровьем не отличалась, хотя после переезда в Москву первое время она чувствовала себя неплохо.

Вот ее чудесное, полное ностальгии письмо отцу, находившемуся в это время в Севастополе:

> Мося, родной!
>
> Получили твое письмецо и, признаться, очень обрадовались.
>
> Привет-привет тебе в Севастополе, дорогой!
>
> Вся жизнь проходит перед глазами. Шагаем вместе с тобой. Вспоминаем молодость. Ваше детство. Вашу юность. Читать будешь, верно, письма, сидя в кресле у Моря. Чудесное море, то синее, то серебряное, то покрытое барашками (у которых все искали головки, ведь у игрушечного барашка головка была), то жемчужные волны, обдающие вас на пляже. Такое чарующее. От души рада за тебя, сыну. Сидя в кресле, вспомнишь, как все рядом сидели.
>
> Узнаешь ли ты места, где стояли дома, в которых мы жили? Ленина, 20, напротив Минной башни, где вы совсем малыши сидели на коленях подпольщиков у накрытого к чаю столу (конспирация совещания). Это ты, наверное, помнишь.
>
> Дом на Ленина, 95, откуда вы впервые пошли в школу. И бабушку, и дедушку, куда так охотно бегали на Советском, и школы и т. д.
>
> Письмо небрежно написано, слишком много воспоминаний. Крепко обнимаем тебя и целуем.

Я и папа.

Проводи весело время, радуйся, что мог посетить дорогие сердцу места.

Но вскоре бабушку настигает рак легких. 11 октября 1958 года отец был у нее в больнице. Вот что он записал тогда из слов бабушки:

“Может быть, меня надо поставить и сказать, чтобы я шла”.

“И тогда или я встрепенусь и пойду, или умру”.

“И это будет хорошо…”

“Вы не должны этого бояться. Это будет покой”.

“Джек Лондон ползал по снегу, а я?..”

“Я сама не знаю, что мне нужно”.

“Самое главное – надо заставить меня побороть это безразличие к жизни”.

“Мне все безразлично”.

“Мне надо просто встать и встряхнуться. Но я сама не могу. А вы не хотите мне помочь”.

“Мне надо ходить самой”.

Двадцать шестого октября дежурившая медицинская сестра записала последние бабушкины слова:

Чтобы никто не плакал и заботились о моей сестре, и не оставляли мужа, и пусть он не расстраивается, видеть хочу всех, но не расстраивать.

Ада чтобы не плакала. Мося пусть бережется. Муля мучился две последние ночи.

А. Л. много наговорила глупостей. Внуки пусть будут счастливы.

Чтобы никуда не возили, а прямо отсюда.

Двадцать восьмого октября она умерла.

Дедушка после ее смерти жил у нас в школьной квартире. Прошло полгода…

Двадцать девятого марта 1959 года был прекрасный солнечный весенний день. Шли какие-то выборы, в школе был избирательный участок, и отец работал на нем.

Около 11 часов утра дедушка схватился за сердце, сказал, что больно, и прилег. Юра и Володя вызвали отца с избирательного участка и позвонили в “скорую помощь”. С дедушкой в больницу поехал отец. Смерть наступила прямо

в машине – обширный инфаркт.

Короткие разлуки

В семейном архиве сохранились письма отца и мамы конца 50-х, когда они часто бывали на лечении в санаториях. Вот мама пишет из Литвы отцу, который лечится под Москвой:

> Мишуня! Ни от кого ничего нет! Я одинокая, покинутая на берегу Балтийского моря женщина. Мне грустно. Мне грустно вдвойне от мысли, что ты дурак. Ты любишь море, но сидишь на мели в Сходне. Оно есть в Паланге.
>
> Ты не любишь жару. Изнываешь от нее в Сходне. В Паланге не жарко.
>
> Ты ненавидишь комаров и мух. Они жрут тебя в Сходне. Их нет в Паланге.
>
> Ты любишь гулять. Любишь красивую природу. Но ты шляешься по спецсанаторному парку. Как здесь красиво! Блекло-зеленое море, белый песок и дюны, и лес, и мол! Новые люди и нравы. Много красивых, загорелых женщин, а не спецсанаторные мужчины. И скучающая жена. А кругом счастливые семьи, но это не для меня.
>
> Привет.
>
> *Ася.*

От отца маме:

> Атенька, отдыхай изо всех сил.
>
> Я тебя крепко целую (и симпатичных загорелых женщин, которых там, по твоим словам, так много).
>
> *Ашуня.*

> Лечусь, читаю, брожу, ни о чем не думаю. Сейчас сижу после завтрака на скамеечке. Сегодня утром на столике, где стоят банки для анализов, обнаружил на них (банках) такие надписи: “Моча тов. …”, “Моча тов. …”. Видал, как уважительно!

От мамы из Паланги:

> Здесь очень хорошо. Публика отдыхает здесь разная – много литовских евреев с большими шумными

семьями. Говорят только по-еврейски, поют красивые песни и селятся вместе на определенных улицах, даже на пляже занимают место для всех “идышков”. Многие из них чудом спаслись из гетто, Освенцима и т. д.

А это от мамы из Москвы:

Куда: Гагры, Абхазская АССР, санаторий “Нефтяник”, корпус 2, Ценциперу М. Б.

Дорогой наш плавающий и загорающий муж, отец, сын (и дух святой!) …

…Мой дорогой, мой милый Носач!

Завтра день твоего рождения. По привычке убрались, наварили всего, но тебя нет, ты далеко, ты с другими. А к тому же на улице так мерзко!

В общем, поздравляю тебя горячо и желаю всех благ. Но мне немного грустно. Хотя ты в последнее время (после моего приезда) такой был усталый, такой неласковый, что скучать, собственно говоря, не о чем и не о ком.

Желаю тебе здоровья, бодрости, успехов и всего прочего.

Отец поздравляет и нас с праздником:

Поздравляю с праздником моего рождения. Посылаю снимок, который я сам с себя сделал в первый день с моего балкона.

Вчера получил, Атенька, твою открытку. Читал всей палате вслух. У нас – чудно.

А эту телеграмму по пути в Севастополь он направил сам себе. И ведь пошел на почту и получил!

Куда: Севастополь, почта, до востребования, М. Ценциперу.

АШУНЬКА, БУДЬ ЗДОРОВ – ПОЗДРАВЛЯЮ ТЕБЯ В СЕВАСТОПОЛЕ. ЦЕЛУЮ И – БУДЬ ЗДОРОВ, АШУНЬКА.

Отец – из Литвы:

Живу я не так, чтобы весело, а просто не скучаю. Культмероприятия (на которые я, впрочем, не хожу) чередуются с треклятым питьем теплой жижицы

из минерального источника “Друскиненкай”. Стоят разные угрюмые мужики и, аккуратно отставив пальчик, прихлебывают (гомеопатическими дозами) теплую бурду. Смакуют, отрыгивают, толкуют о стуле, который уже был и который еще будет… (Дорогой мой туберкулез! До чего же ты был хорош и как мало в те времена я ценил тебя…)

От мамы отцу – из Москвы:

Живем мы с Юркой хорошо. Только скучно очень без тебя и Володика. Как нам хорошо всем вместе, но чувствуется это только в разлуке. Придет ли когда-нибудь время, что ты захочешь с нами отдыхать?

Приключения педагога

На каком-то совещании, сидя рядом с адмиралом, отец надумал “подружиться” через него с военным кораблем – флагманом Северного флота крейсером “Александр Невский”. Получилось.

В одной из газетных статей он писал:

> Поделился замыслом с учителями. Тоже “завелись”. Подкатывал Новый, 1958 год. Листок календаря подсказывал первый ход: каждый школьник – каждый! – готовит личный подарок с непременным письмом. (Кстати, выпала нам своеобразная удача: тысяча двести школяров и почти столько в экипаже. Значит, ни одного обделенного.)

Всего через неделю большая посылка укатила на почту, а 3 января 1958 года в вестибюле появилась телеграмма:

ПОЗДРАВЛЯЕМ УЧЕНИКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ НОВЫМ ГОДОМ ЗПТ ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ УЧЕБЕ ЗДОРОВЬЯ ТЧК ТРОНУТЫ ПОДАРКАМИ БЛАГОДАРИМ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ТЧК МОРЯКИ ТЧК

Отец пишет:

> Вскоре обмениваемся делегациями, от нас в путь-дорогу снарядили молодую прелестную учительницу: обаятельная, влюблена в свою литературу. С ней трое мальчиков. Целую неделю наши посланцы провели на корабле. Явились опять же не с пустыми руками: подарки, письма… А школа тем временем водила своих гостей с корабля по лучшим театрам и музеям, всячески баловала. Вот уж точно: с корабля на бал.

И вот такое приглашение:

> Уважаемый тов. Ценципер М. Б!
>
> Офицеры и сверхсрочнослужащие крейсера “Александр Невский” приглашают Вас на праздничный обед в честь Дня Военно-Морского флота Союза ССР и 25-летия Советского флота 27 июля 1958 года в 14.00
>
> *Командир корабля “А. Невский” (Подпись)*

Отец отправляется с учениками и учителями на Северное море, захватив по блату Володю. С борта крейсера он пишет Асе:

> Закрутился так, что не могу остановиться. Поэтому писать некогда. Живу на крейсере. Мне отвели превосходную каюту. Комфорт почти адмиральский. Встретили вообще изумительно. Белые ночи (вернее, отсутствие какой бы то ни было разницы между днем и ночью) – потрясающи. Всю ночь – солнце. С погодкой, в общем (для этих мест), тоже весело. Ходили неск. раз на баркасе, на шлюпке, на катере по окрестным местам.

"Дружба с крейсером" продолжалась более тридцати лет. "Александр Невский" был одним из самых современных военных кораблей в мире. Прославился он, когда сопровождал эскадру, на которой Хрущев наносил визит в Англию.

В эти годы отец был поглощен борьбой в шахматном мире. Он достает то пропуска, то билеты, а то и бронь на пропуска! Володя, однажды вместе с ним побывавший на таком матче, вспоминает:

> Рядом с нами сидел какой-то унылый шахматный маньяк с маленькими карманными шахматами. Он все время спрашивал о той или иной ситуации в партии. В один из моментов он страстно спросил у отца: "Победа?!" Отец невозмутимо ответил ему: "Да! Но не более того…"

Конечно, отца не могли не захватить события VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года. Из письма маме:

> По случаю фестиваля ремонтные дела в квартире были полностью приостановлены. Ходили все вместе в ЦПКО, в филиал Большого театра на концерт и т. д. Я был – уже без пацанов – на франц., рум. и болг. концертах.
>
> Французы подарили мне значок, из-за которого за мной ходят косяки мальчишек и обливаются слюнями. На Красной площади за мной гнались несколько минут две девочки и клянчили автограф. С грузовика деревенские девчата махали цветами и кричали: "Дружба!" Хорошо, если бы еще кричали: "Любовь!"

Володя, учившийся в том же Автомеханическом институте,

что и Юра, во время фестиваля работал в Дискуссионном клубе и примазался к джаз-оркестру в фойе Кремлевского дворца – играл на корыте со струнами-веревками. Он пишет родителям:

> Я после всего этого отдыхаю: ем, валяюсь, читаю, слушаю фестивальные концерты. Теперь, после фестиваля, их больше передают, да и более интересные.

Позже Володя участвовал и в таком мероприятии:

> В будние дни хожу на репетиции проводов Фиделя и уже знаю, как и сколько раз кричать: “Viva Cuba!” – раз 7–8, “Фидель – Хрущев” – раз 9–10, и многое другое, столь же “интересное”. Очень я устаю от этого.

В начале 60-х отец опубликовал несколько заметных статей. Особое место занимает эссе “Воспитание оптом”, опубликованное в “Известиях” 20 января 1962 года. После трех десятилетий пропаганды коллективизма отец отстаивал уникальность человека, ученика, индивидуума, что вызвало огромный поток писем в редакцию, в школу и к нему домой.

В 1962 году он защитил диссертацию на соискание степени кандидата педагогических наук. В ноябре стал членом Союза журналистов СССР.

Со своей тягой к перемене мест и желанием новых впечатлений он объездил очень многие регионы либо с журналистскими заданиями, либо с лекциями от общества “Знание”. Из поездок он писал:

> *Ст. Полярный круг, 12 ч. 42 м.,*
> *23 июля 1958 г. Мурм. Ж. Д.*
> Атенька! Юрка! Родители! Родичи + знакомые!
> К Вам взываю я с Полярного круга! Посмотрите на штампик (на конверте). Круг – Полярный, а солнышко получше, чем на нашем “Круге” – измайловском. Кругом леса, леса и болота, болота. Народов мало. Много валунов. На стене развалившегося здания выцарапана лаконичная надпись: “СДЕСЬ БЫЛИ МЫ УРКИ”.
> Как это ни парадоксально, питаюсь я в этих широтах в основном яблоками и помидорами – хлебосольные соседи. Сегодня к вечеру – в Мурма́нске (как его здесь называют). Крепко всех целую.
>
> *Аш-У-Ня.*

Спустя четыре года:

Самарканд, 28 апр. 1962

Дорогие!

Живу второй день в Самарканде.

Состязаюсь в изъявлениях вежливости с узбеками, но ничего не получается. Вчера вечером, приложив руку к груди, меня приветствовал постовой милиционер. А я просто проходил мимо.

Вот так!

Кругом ишаки, плов, черные глаза, цветущая белая акация. Вчера выступил (прямо с самолета) с тремя лекциями. Хлопали, жали руки, желали, подносили цветы, сажали за столы с яствами. Вроде в другой какой-то (совсем-совсем другой) мир попал. Сейчас утро – через 10 минут за мной заедут и мы будем "бродить" на "Волге" по достопримечательным местам. Днем – отлет. Улицы (в некот. местах) напоминают Севастополь: акация, светлые одноэтажные домики, народ, никуда особенно не поспешающий.

Спешу!

Крепко целую.

Аш.

С борта дизель-электрохода:

2 августа 1963 г.

Борт д/э "Калинников"

Жму вверх по Енисею.

Сия речушка кидает в море водички больше всех других наших рек.

Кругом Енисея – тайга.

Так как течение очень шустрое, то жмем не очень шустро – 10–12 км в час. Утром сиганул через знаменитые Козачинские пороги. Погода – Ницца!

Сейчас буду есть некоего ЧИРА – в жареном виде…

…ЧИРА съел. Сейчас сижу на самой макушке корабля и гляжу окрест. С-И-Б-И-Р-Ь!

Целую каждого по очереди – мужиков и Атьку.

Ашунька.

А Юра так вспоминает тогдашние будни отца:

Стричься отец ходил только в гостиницу "Москва",

в лучшую тогда парикмахерскую города. Приучил к ней и меня. Любил хорошо одеваться, нравиться женщинам, любил сыр рокфор, часто ходил с фотоаппаратом.

В 1960 году 437-я школа переезжает в новое здание. Новая директорская квартира, тоже при школе, оказалась гораздо больше прежней – правда, Юре и Володе все равно приходилось делить одну комнату.

Целина

Начало августа 1958 года, Володя пишет домой:

Работать здесь приходится очень много: в отдельные дни по 14–16 часов, да и все по жаре и пыли. Зато, ввиду того, что организация труда плохая, а нагнали нас сюда чересчур много, то бывают дни почти безделья – вот и на меня сегодня такой выпал. Я уже и копнил, и возил сено на огромной тракторной тележке, и два дня грузил саман – это такие местные кирпичи по 15 кг. Грузили мы их вчетвером – 3,5 тонны, зато в эти дни зарабатывали по 50 рублей и более. А вообще-то, как я тут заметил, зарабатываем мы на харчи и на жизнь немножко, т. е. рублей 14–15 в день, а ведь надо учитывать, что на обратную дорогу с нас вычитают – так что это все, конечно, бредни, будто бы много зарабатывают.

Сейчас я уже второй день вожу трактор и на нем деревья из лесу, т. к. строим себе общежитие на случай холодного сентября. А жара у нас страшная, пить хочется, несмотря на мою тренированность, – страшно. А вода только несколько дней как хорошая, а то поили нас соленой водой из солончакового озера. Приходилось пить, пили такую прямо-таки гадость, как чай с солью и сахаром. Ничего, приеду, попьем мы с тобой, да и здесь налаживается.

Видели мы тут настоящий степной пожар – на огромном расстоянии горел сухой ковыль, по степи жар неописуемый, и мы с огромным трудом остановили огонь примерно в 2–3 метрах от полей пшеницы – страшное, незабываемое зрелище. А на следующий день новое приключение: у одной девушки стало очень плохо с сердцем, а врача близко нет, и вот мы с одним парнем сначала бежали несколько км до дороги, поймали нашу машину и через степь и хлеб со скоростью 100 км в час в больницу. В общем, жизнь веселая и богатая впечатлениями. Чувствую я себя здесь хорошо и бодро.

…Нары деревянные вокруг стоят,
На них как окаянные целинники сидят,
Все вещи собирают,
Когда отъезд, гадают
И очень есть хотят…

В 16.30 ровно приказ из Борового
Придет, наверно, нам –
Чтоб вещи отложили,
Тоску и грусть забыли,
Вставали б по местам.

…Кстати, после твоего, папа, письма решили газету назвать “Сопли и вопли”…

Из дневника:

Утро 25-го! Мой день рождения уже! Пора подводить предварительные итоги. Как сказано! Но по порядку.

Вчера получил маленькую посылку из дома. Поздравление от всех! Плюс сапоги – наконец-то! А в них – в них – внутри! Кусок зачерствелого пирога! Интересно, что я единственный, кто получает вести из дома КАЖДЫЙ день! То письмо, то записку просто, а то газету или даже кусок ее. Но! Каждый день!

Из-за моего дня рождения ребята освободили меня от работы. Девочки “кухонные” – нагрели мне бочку воды и вымыли меня в ней! Мыли трое – “уполномоченные” от остальных. Подарили мне… – вилку – …обыкновенную вилку для еды! Я, наверное, единственный на всю целину могу есть вилкой! А надпись какая хорошая на ней нацарапана: “Умному! Хорошему! Доброму! Гр. ЧМТ МАМИ Целина”.

Я в ответ сделал себе из старой рубашки манишку, очень хорошую “бабочку”. Оделся к столу, освобожден от любой работы! Даже на стане. Но возбудился. Не могу спать. А очень ведь хотел. Недосып набрался.

Хочется подвести итоги и написать что-то умное, но… не получается! Видно, зря меня считают письменно “умным”!

Шатаюсь по стану, т. к. мне действительно не дают ничего делать – пытка какая-то бездельем. Вот бы родители удивились!

День какой-то прекрасный, но странный. А пока удовольствуюсь тем, что обо мне официально сказали – написали – мои товарищи: “Умный! Хороший! Добрый!” А ведь еще одна девушка считает “красивым”. А что еще надо.

Из писем:

Помылся и попарился в “черной” бане, немного там простыл – лежал один день – сейчас снова на комбайне и чувствую себя отлично.

…Пока ничего не потерял, но и приобрел (деньги) очень мало: как мы говорим, “на харчи и чуть-чуть на жизнь”.

Исхожу стихами и “песнями”. Это я писал больной с натуры:

Ветер хлопает полотнищем палатки,
Трактор рядом третий час стучит.
Я, укрывшись потеплей, украдкой
Карандаш взяв, вновь пишу стихи.
……
В голове опять раздумий шелест;
Я с больной тоской гляжу в окно.
Холодом сырым из дырок веет…
Ветер рвет палатки полотно…
Две недели ждать еще отъезда –
А пока укроюсь потеплей…
Да, чертовски действует на нервы
Этот дождик, льющий ночь и день…

Ну, вот так и живем: весело и грустно и не очень вкусно. Привет большой всем.

Осень идет, все время снег, стоит очень холодная и ветреная погода. Вечером возвращаемся поздно и спим в машине на ходу, холод страшный и ветер: хорошо “очень”, но немного тяжело. Я благодарен и рад – все-таки это хорошо – получать часто письма и по возможности отвечать также часто.

Снег, снег и ветер… Лицо затвердевает и горит так, что чувствуется спустя много-много часов после работы, но тут очень приятная весть: наш агрегат (!!!) наградили, нас, комбайнеров, – отдельно с медалями республиканскими, всех остальных – грамотами, все-таки это очень приятно. Объявили приказ с записями в личное дело и характеристикой.

Довольно паршивый вечер, в столовой одни коптящие лампы и немного народа: сидят, многие пишут письма, мало читают, некоторые тихо-тихо поют, разговаривают. На кухне варится заяц, которого сегодня ребята подстрелили. Едим леденцы, которые прислали кому-то. Кто-то тихо-тихо говорит, а говорят почему-то

о Спинозе и о Южной Корее.

Доделали “общежитие” и живем теперь в нем в два этажа, на полатях: вечером в темноте копаешься, копаешься, кладешь немного сырую телогрейку под голову, залезаешь под холодное и сырое одеяло и засыпаешь.

Часто разная чепуха снится: дом с такими подробностями, маленькими и поэтому очень дорогими такими, которые могут точно вспомниться во сне только.

…И все-таки очень многое делаем. А урожай гибнет понемногу, обидно. Скоро в Москву, и поэтому закругляюсь – рассказал много-много и грустного, и хорошего, и печального, и веселого.

“Лагерь и ссылка”

После окончания четвертого курса Автомеханического института, летом 1960 года, Володю со всем курсом отправили в военные лагеря в Ковровскую стрелковую дивизию – “на сборы”.

Вот его письмо отдыхавшему в Прибалтике отцу:

> Здравствуй, дорогой отец мой и родитель, с поклоном к тебе письмо пишет сын твой младший – Володя. Шлю я тебе красноармейский привет и добрые пожелания в жизни твоей, а также и здоровьица тебе наилучшего. Обещаю хорошо служить и зорко охранять покой и благополучие всех вас – живите и работайте спокойно – мы верно стоим на страже Родины. Через два дня увезет нас поезд в далекие от вас места, но и там любовь моя не потускнеет, а будет сиять, как бляха на ремне солдатском. А живем мы все хорошо и наказы твои выполнили без промедления и точно. И мама наша, Анна Львовна, была с почетом отправлена в Ленинград. У нас все хорошо и дела наши хорошие. Не беспокойся, отче, отдыхай как следует.

От отца:

> Отец-мать прохлаждаются, а дитя во солдатах ходит? Несправедливо!
>
> Я отдыхаю изо всех сил. Первый раз в жизни начал собирать грибы – ох и завлекательная наука! Отдаю в свою столовую, а там из них делают –! Очень люблю тут одно место: сосновый лес на высоких крутых холмах, а где-то далеко внизу – два маленьких, “диких”, озерца. Их называют “очи паненки”.
>
> Каждый день играю 5–7 партий в пинг. Почти у всех выигрываю – очень это приятно, когда тебе подходит под 50! Много фотографирую.
>
> О своей жизни ты пишешь очень уж скупо – наша Конституция допускает для солдат возможность более подробных писем.
>
> Не помню, писал ли: я случайно в Минске приобрел последнюю книгу Шкловского. Интересная штука!

Из писем Володи:

> Вот вам один день моей житухи. Утро, 6.00.

Яростные крики: “Подъем! Подъем! На выходе становись!” Свешиваю ноги с кровати. Кровать оригинальная: 4 койки в “броне” – 2 вверху, 2 внизу. Я наверху у окна, на форточке, ночью я сушу портянки.

Теперь, наполовину одетые, спешим на плац строиться. Когда все собираются и “взявши ногу” по периметру площадки, делая точные повороты (“левое плечо вперед, марш! Прямо”), строем направляемся в ТУАЛЕТ. Затем строимся и с многократным “бегом” (в сапогах!!!), ходьбой, строевым шагом и снова бегом и упражнениями проводим зарядку, а затем в казарму. Сейчас моются “нижние”. Мы в это время должны идеально разгладить соломенный тюфяк и подушку и в совершенстве застелить постель – иначе она будет разворошена. В целях выравнивания применяются табуретки.

Затем мы маршируем на здоровенном плацу в жару и по асфальту, усиленно топая ногами. Тут и знаменитое “Тяни носок!” тоже есть.

По слухам, мы будем дома 28 рано утром. Сделайте мне в этот день нормальную еду.

За меня не беспокойтесь – хорошо чувствую и веду себя как хороший солдат. Денег мне не надо, на обратную дорогу и т. д. достану у ребят. Читайте Швейка, если раньше не читали, хорошая книга. Я здесь это узнал. Кормят хорошо, мы ведь не дураки отказываться от того, что дают. А дают много. Даже лишнего дают. Мака, отдыхай, Пака, не очень старайся вкалывать в жару! Юка, работай и жди меня, пойдем когда-нибудь опять вместе. Скоро увидите, вот будет здорово!

Привет от сына и брата гв. рядового Ценципера В. М.

Солдатский привет!

Очень жду встречи с вами, соскучился очень. Юка, исполняю по просьбам “Похоронный” Шопена и “Тангейзера”, 7-ю симфонию Бетховена (кусками), пользуюсь большим успехом. Давай, Юка, пластинки – у тебя действительно хороший дар выбора!

После возвращения Володи Юра пишет маме в санаторий:

Утром в воскресенье проводил Володьку в Коктебель. Началось с того, что он в метро забыл

подводное ружье. Бедный Волока уехал чуть не со слезами. К счастью, поехал я на конечную станцию, и там оно оказалось. А на другой день знакомый повез его, так как тоже поехал в Коктебель.

Володя из Коктебеля:

Одно могу сказать – великолепно. Тут еще встретил знакомых по “кино”. Снимают “Алые паруса”. Меня с ходу взяли. Несколько дней проведу (представь себе) на паруснике “Товарищ”. Он по Грину – алый. Всем пишу. И часто.

Море, солнце, алые паруса – все складывалось как нельзя лучше. После поездки по Крыму Володя переходит на последний, пятый, курс.

А в начале зимы 1961 года – нокаут от военной кафедры. Осенью Володя попытался сдать за своего лучшего друга Леопольда экзамены на водительские права. Это практиковалось, но на кафедре сильно возмущены – мол, подлог. А неназванная, но основная причина скандала иная: в лагере рядовой Ценципер подрался с лейтенантом на почве антисемитизма.

Володе уже приходилось отличаться подобным образом. В школе, в день, когда было объявлено о “врачах-убийцах” и о “еврейских злодеях”, входя утром в класс, он услышал, как одноклассник сказал: “Вот еще один”. Драка была нешуточной.

Но сейчас все было куда серьезнее. Володю отчислили из института с убойной формулировкой: “по своим морально-политическим качествам не может быть советским офицером и, следовательно, командиром производства”. Это был волчий билет.

Помог Е. Н. Еремин. Его, профессора кафедры физхимии МГУ, знали многие, в том числе ректор Ярославского химико-технологического института. Туда Володю и удалось устроить. Иначе была бы армия.

Письмо из Ярославля:

Хоть и звонил позавчера – пишу и обещаю делать это часто. Больших новостей нет… Изрядно занимаюсь. Изрядно и вроде успешно. До этого неделю мусолил лекции, так или иначе входя в курс. Числа двадцатого буду сдавать. Живу хорошо и с каждым разом, кажется, все лучше, по крайней мере, с хозяевами, да и в группе понемногу дело налаживается… Жизнь вообще довольно

простая, напоминающая многоугольник: институт – почта – дом – библиотека. Редко приделываю еще пару углов, как кино, или концерт, или гости.

Сейчас услыхал: кинули человека вверх! Вот это да!!! Время все же какое, а?

Крепко вас всех целую и говорю вам при этом только хорошие – и очень – слова!

В честь полета Гагарина Володя искупался 12 апреля в Волге и на паровозе приехал в Москву. На паровозе именно – а не на поезде!

К лету 1961-го с Ярославлем было покончено. Заметая следы, Володя немного поучился в МИХМе, затем в Заочном политехническом и пошел работать на ту же, ставшую семейной, “Лампочку”.

А вскоре, встретив на улице старого институтского знакомого Юрия Прокофьева, ставшего первым секретарем райкома комсомола, Володя с его помощью возвращается в свой Автомеханический институт и, окончив вечернее отделение в 1964 году, защищает там диплом.

Алтай – Средняя Азия – Кавказ – Байкал

Летом 1959 года наша родственница Ая Сагалович собиралась с друзьями в поход по Алтаю и предложила Юре и Володе присоединиться. Маршрут был сложный и интересный, они с радостью согласились.

Поезд “Москва – Барнаул” отправлялся с Казанского вокзала.

С волнением они проехали Дербышки, вспомнили военные годы. Платформа. Лесок. Завод. Дома. Люди.

Поезд поздней ночью делает остановку в Свердловске, минут на сорок. Юра с Володей едут на такси посмотреть дом, где расстреляли царя, и… опаздывают. Поезд с вещами и Аей ушел. Нервничали, хлопотали и в конечном счете добрались до Бийска, откуда начинался поход, и встретились с остальными.

Володя – отцу из Бийска:

> Мы на месте уже день, а сегодня выходим в поход. Настроение у нас бодрое и веселое еще более, после приключений, происшедших по дороге сюда. Ни у кого ничто не болит и не хочет болеть. Собрались хорошо и не тяжело. Взяли мы с собой все абсолютно. Юка здоров как боров и вчера удивлял всех виртуозной игрой в волейбол. Ты представляешь, что было бы, будь тут пинг-понг.

Из телеграммы маме:

ИДЕМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЗДОРОВЫ ВЕСЕЛЫЕ ЦЕЛУЕМ СЫНЫ

Юра вспоминает:

> Алтай… почти неделя по Чуйскому тракту, рейды по горам на лошадях, затем по реке Чулушман вплываем на лодках в Телецкое озеро. Вдрызг промокшие после непрерывного ливня. Нас там, в поселке Яйла, встретила баня, потом обед. Шесть часов вечера, на небе ни облачка. Сказочное Телецкое озеро, по которому мы плывем под парусом, и изумительное пение нашей Аи – “Аве Мария” Шуберта.

Володя вспоминает:

> Когда мы сплавлялись по реке Бие, то в дневную жару надо было приставать к берегу для обеденного

привала. Пристали. Берег – обрывчик метра полтора, и над ним плато с редкими деревьями, кустами и старой петляющей по берегу дорогой. Дорога вся заросла мелкой низкой травой – бархат. Метрах в тридцати начинается лес. Пока готовится обед, я, сморенный жарой, лег на этот "бархат". Лежал, смотрел в небо. Хорошо! Бездумно! Вольно! Задремал. А из сна вышел тихо-тихо: просто недвижно открыл глаза. И прямо перед глазами – вплотную насыпанная горка земляники. Пахнет! Муравей ползет. Тишина. Не шевелясь, как бы продолжая спать, я просто втягиваю воздух, и ягода падает с этой пирамиды. Я могу слизнуть ее языком. Так и делаю.

И вдруг с необыкновенной ясностью понимаю: это и есть счастье! Вокруг оно такое! Я запомнил и понял это! Я запомнил и понял счастье!

В 1962 году Юра, на этот раз без Володи, отправился в поход из Киргизии, через озеро Иссык-Куль и Тянь-Шань, в Алма-Ату. Он вспоминает:

Ранним утром под дождем, взвалив на плечи рюкзаки, стали подниматься к перевалу Заилийского Алатау на высоту 4200 м. Дождь кончился. Шли долго. Когда из-за отрогов стало появляться солнце, открывшаяся картина была фантастической: куда ни взглянешь – вверх, вниз, по сторонам, – в золоте лучей слепящая белизна снега. Такое не забывается. Скинув рюкзак, я с воплем почему-то бросился по снегу вниз, забыв все строгие правила. Одним словом – ошалел. Но грозный окрик старшего:"Стой!" – вернул меня обратно.

Как по-разному братья пишут о горах. Один – о том, что вокруг, другой – о себе. Вот письмо, написанное Володей с Кавказа несколькими годами раньше:

Отдыхаем прекрасно, особенно после гор, но горы я теперь, конечно, забыть не смогу. Трудно, иногда на пределе, от напряжения стонали и после горы спали 16 часов. Ноги у меня до того уставали, что тряслись после этого так, что я не мог некоторое время даже ходить!.. Получу "Альпинист II" и, очевидно, по туризму второй (у меня, правда, зимней единички пока нет). Представляешь – одну ночь мы спали, привязавшись

к крючьям, вбитым в полуобледенелую стену, – почти 70°. Колоссально!!! Именно такой отдых с напряжением мне и нужен, чтобы быть человеком.

Несмотря на различия в характерах, вместе им было хорошо, путешествия оба любили страстно.

В июле 1963 года Юра, Володя, Леопольд и три девушки отправились на Байкал. В Красноярске намечалась встреча с отцом, который был там в командировке.

В конце пятисуточного пути на поезде "Москва – Иркутск" стали сортировать и раскладывать по рюкзакам вещи и продукты. Насчитали и разложили 94 банки консервов!

Огромная толпа на пристани "Листвянка". Все хотят попасть на судно "Комсомолец". Успешный прорыв на верхнюю палубу и занятие там мизерного, но "палаточного" места. Ночь на воде под байкальским небом, а утром Баргузинский заповедник, где они решили "походить" несколько дней.

Дальше – остановка "Мыс Покойники".

В тайге Юра один на один встретился с медведем, но медведь испугался и скрылся. Тучи гнуса на лицах, залитых предварительно диметилфталатом! Особенно страдал Леопольд.

В Нижне-Ангарске очень пригодился спирт. Его отдали команде небольшого суденышка, на котором нужно было доплыть до бухты с чудесным названием "Аяяй". Спирт из компаса был выпит командой накануне, плыть без работающего компаса было невозможно. В бухте они провели десять дней, совершая радиальные походы по окрестностям.

Возвращаясь, остановились в Красноярске – посмотреть на строительство крупнейшей в мире гидроэлектростанции и побывать на знаменитых Столбах. Там, у здания крайкома партии, и встретились с отцом, приплывшим по Енисею. Через месяц ему исполнялось пятьдесят.

Утром, оставив рюкзаки на поляне, где обычно останавливаются туристы, отправились смотреть Столбы. Вечером – поезд на Москву. Придя обратно, обнаружили, что не хватает одного рюкзака. Юрин – вместе с паспортом – испарился. По необъяснимой причине билеты на поезд для всех оказались при нем – в кармане куртки. Так что, когда мы выходили в Москве из поезда на перрон Ярославского вокзала, все были с тяжелыми рюкзаками, а Юра – с газетой в руках.

В конце апреля – начале мая 1964 года Юра и Володя последний раз поехали вместе на несколько дней на отдых в Коктебель. Больше братья вместе не отдыхали – у каждого началась своя жизнь.

Глава 7

Юрин космос. Юрина земля

Из воспоминаний и писем Юры:

В 1959 году я поступил на работу в один из ведущих институтов в области космической техники. Руководил им знаменитый академик Пилюгин.

Все, что делалось в институте, было новым, неизведанным и, несмотря на завесу секретности, вызывало живой интерес в стране. Я считал, что мне выпал счастливый билет. К нашим услугам было лучшее оборудование и приборы известных мировых фирм.

Помню, утром 12 апреля 1961 года по институтскому радио объявили, что состоится общий митинг в механическом цехе опытного завода. Повестка не объявлялась. Цех – громадный, но к назначенному времени все проходы были заполнены людьми. Напряжение нарастало… Вдруг было включено радио с мощными усилителями и диктор сообщил о полете в космос и успешном приземлении Юрия Гагарина! Началось что-то невообразимое. Это не опишешь. Овация длилась долго.

Очень долго! У многих от волнения и радости на глазах были слезы. Каждый из собравшихся чувствовал себя участником этой победы.

Официальное название института – п/я 1001. Все шутливо говорили, что это “Тысяча и одна ночь”. Очень высокая секретность.

Но когда мы переехали во вновь построенное здание в Черемушках, то “Голос Америки” и “Би-би-си” в этот же день передали эту секретную новость.

И все-таки связываться с чем-то секретным, лезть на рожон побаивались.

Юра вспоминает:

Это было после защиты отцом диссертации и банкета в ресторане. Поздним вечером все шли домой по освещенной улице. Но я решил сократить путь и пошел по темному переулку. Вдруг мне навстречу с криком “Помогите!” выбегает девушка и просит проводить ее, так как какие-то парни на нее напали. Я, конечно, ее успокаиваю и иду с ней. Потом она

неожиданно юркнула в подъезд, а я остался один на один с четырьмя здоровыми “лбами”.

Удар сзади. Я в луже, плащ рядом. А папка с отцовской абсолютно мирной диссертацией рассыпалась и разлетелась. И тут, я сам не знаю почему, кричу: “Не троньте, это секретные документы”. Ребята замерли, а потом прихватили мои часы и быстро скрылись.

Через несколько дней парней нашли.

Суд. И на суде Юра вдруг их пожалел. Он сказал, что не помнит, как пропали часы. Парням дали “условно”.

Прошло лет десять. И вот как-то Юру на улице остановил незнакомый здоровенный мужик и стал благодарить. “Вы нас тогда спасли”, – сказал он. Они пожали друг другу руки и разошлись.

На днях имел разговор с начальством – “настоятельно рекомендуют” идти в аспирантуру. Сегодня взял бумаги для заполнения, но в общем, как всегда, на перепутье. Для подготовки к экзаменам (в сентябре) дается месяц оплачиваемого отпуска. Одним словом – не знаю.

Сомнения позади – решаюсь сдавать. Но за 5 дней до первого экзамена попадаю в больницу. Привожу с собой ворох учебников и книг. Почему врачи разрешили мне ездить на такси в институт – не знаю, но, видимо, моя настойчивость и решительность сделали свое дело За 10 дней экзамены были успешно сданы.

1965–1969 годы. Я работаю, но мысли крутятся в основном вокруг диссертации. Включены не только мозги, но и нервы: оппоненты, споры, разочарования, снова споры…

Семнадцатого декабря 1969 года ученый совет института под председательством Пилюгина проголосовал “за”.

Я стал кандидатом технических наук. В нашем большом отделении это был первый случай. И редкая тема – обработка бериллия.

Для меня это была в первую очередь победа над собой. Это стало большой радостью для мамы и предметом гордости для отца.

В институте Пилюгина я проработал двенадцать лет. Это было, конечно, незабываемое время. Но в сорок лет

мне захотелось попробовать чего-то земного, более свободного и открытого. И такая возможность нашлась. Несколько моих товарищей по работе еще раньше перешли в технически очень отсталую медицинскую промышленность и позвали меня. Я согласился. Вскоре стал начальником большого отдела в конструкторско-технологической организации и проработал там почти тридцать лет. Это было интересное, приносящее удовлетворение время, когда на наших глазах и нашими руками обновлялись заводы, дающие такие нужные людям вещи – медицинское оборудование и очки.

Эти годы памятны бесчисленными командировками: за 30 лет – не менее трехсот. Заводов было много и дел хватало! Железнодорожные поезда, междугородные автобусы, вокзалы, аэропорты, даже теплоходы – все это вплеталось в повседневную жизнь.

Когда я был в командировке в Австрии, в программе “Время” показали репортаж про визит нашей группы. Его видели и родители, и Володя, находившийся тогда на Кавказе, и многие знакомые. Из Киева Анатолий потом писал: “Юрка, восхищен тобой, видел по программе “Время”, так держи. Желаем тебе успехов в твоем труде. Твой труд удлиняет людям жизнь, снимает боль…”

Услышать такие слова приятно – в этом был смысл работы.

В 1995-м впервые побывал в Париже – по совместным делам с крупнейшей во Франции оптической фирмой. Где-то в городе увидел афишу: в знаменитой церкви Мадлен будет исполняться “Реквием” Моцарта. Я пошел на концерт, решив, что это станет моим поклоном Артуру, для которого Париж был последним местом работы за границей.

Иринка

По возрасту Иринка была ближе к Володе – всего на три с небольшим года младше его. Она была приветливой, общительной: и в школе, и в институте у нее было много друзей. После отъезда Володи на сборы Иринка ему пишет:

> В Риге было очень хорошо, но мало. Буквально со слезами на глазах уезжала оттуда. Погода была очень хорошей. Было тепло, иногда дожди. Загорели. Море было холодное, но в реке!.. В последний день я пошла купаться на реку в 12 часов ночи. И барахталась в воде целый час. Отплыла на середину залива, легла на спину, запрокинула руки под голову и так лежала долго-долго. А на небе надо мной медленно плыли облака и горели ярко звездочки. И было мгновение, когда я задремала, но тут же очнулась. Это было какое-то другое царство. Как было хорошо! Легла я в эту последнюю ночь в третьем часу. А в четыре нас уже разбудили на рыбалку. Нас было четверо (двое мальчишек и двое девочек). Плыли на лодке. За 4 часа не поймали ни одной рыбки, хотя ребятки были отличными рыболовами. Но это не важно, а важно то, что было очень красиво вокруг. Меня всегда до слез волнует красота ночи и рассвета.
>
> Там было много знакомой молодежи. Было весело. Много смеялась. Масса крупных и мелких забавных эпизодов, интересных встреч, разных сюрпризов. Играла в теннис. Жили в комнате в 3 кв. м. Там была кровать и еле помещалась раскладушка. Но мы ухитрились устраивать роскошные “приемы”. Одним словом, весело! До сих пор хожу под хмелем Риги.
>
> Ну, а послезавтра – в Коктебель. Слышала я, что вы тоже туда собираетесь. Ну что же, приезжайте. Мы там все разведаем.

Иринка с Мишей очень любили друг друга: отец испытывал нежность к этой очаровательной девушке, а она видела в нем не просто дядю, а близкого друга. Из Коктебеля она пишет “дяде Мише”:

> Милый и дорогой мой Ашуня! Ты просто чудо. Твое письмо тоже опрокинуло меня навзничь. Я тоже писала

и смеялась, смеялась, как только я умею. Письмо твое пришло, когда у меня уже не было грустного настроения, но, как всегда, было очень своевременным. Я уже не помню, что в моем письме могло привести в такой восторг. В “угаре пьяном” я могла написать что угодно. Одним словом, я еще раз перечитываю твое письмо и опять смеюсь.

Родителей я забрасываю километровыми письмами. Всех вас помню. Книг нету, читать нечего, а в пинг играю и жду Володьку. Ашунька, давай договоримся, что, когда я приеду, я тебя и ты меня повезешь в “Арагви” (я здесь подсоберу денежек). Бумаги у меня нет (нет во всем Планерском) – писать не на чем.

Думаю, что буду потом вспоминать Коктебель. Володьку ждем. Целую, всем привет.

Тутик.

Тутик – ее семейное прозвище. Именно в эти дни, после приезда Володи, произошел странный случай, которому тогда никто не придал значения. Во время прогулки по Кара-Дагу Иринка вдруг сказала Володе: “Я почему-то не могу идти”. Ей предложили отдохнуть. Обратно она вернулась вместе со всеми, эпизод был забыт.

В 1962 году, когда Ирина с родителями отдыхала в Паланге, стало очевидно, что она больна, но чем – пока непонятно.

Письмо от мамы, тоже бывшей тогда в Паланге:

У Иринки очень неприятные судороги, которые бывают очень часто, но вряд ли кто-нибудь поможет, но можно будет и проконсультироваться.

Наконец ставят диагноз: рассеянный склероз – болезнь практически неизлечимая.

В медицинской энциклопедии описаны симптомы: “Проявляется в возрасте от пятнадцати лет. Слабость, головокружение, неустойчивость при ходьбе, нарушение зрения, речи. Многие больные утрачивают способность к передвижению уже через несколько лет”.

У Иринки все происходит стремительно, вскоре она сама уже не может писать. Письмо отцу под ее диктовку пишет Евгений Николаевич:

В комнате, где я лежу (сижу), стоит прекрасный телевизор “Знамя”, а по выходе из комнаты бушует

и плещется Балтийское море. Я чувствую себя не очень хорошо, но много лучше, чем неделю назад. У моего отца здесь две “жены”, но он от этого лучше себя не чувствует. Главное, ему трудно установить, какая из них главная. Засим, дорогой Ашуня, я в последних строках моего письма передаю тебе мой горячий привет, во вторых строках передаю тебе привет от отца, Е. Н. Еремина, в третьих строках моего письма передаю тебе привет от мамы моей, Ценципер А. Б., и в четвертых строках моего письма передаю привет от жены твоей Ужет А. Л.

Ее мужество кажется невероятным. Вот последнее письмо мамы отцу и сыновьям из Паланги:

> Все бы хорошо, но бедная Ириночка болеет и все не в радость. Вот уже 12 дней как она в постели, совсем не ходит, а ведь она очень бойкая; умница, не жалуется, улыбается, смеется, но от этого еще тяжелей за нее.
>
> Приедем мы, наверное, 25.08 в 10 часов вечера. Нужно будет, чтобы вы все трое встретили и донесли ее на руках до машины, здесь как-нибудь устроимся тоже. А может, у нее наступит улучшение, последние несколько дней ей лучше стало.

Встречали, как просила мама: подождали, когда вагон опустеет, вошли в купе, Юра с Володей сцепили руки вкрест. Иринка села, обняла их за плечи. Понесли… Когда медленно шли по проходу, Володя вдруг почувствовал, как дрожит в судороге рука Иринки, обнимавшая его за шею. Стало страшно.

В 1963 году Володя пишет отцу:

> Адочка говорит, что она лучше разговаривает. Я, во всяком случае, понимаю – и очень легко – все. Очевидно, из-за моего заикания.

Двадцать третьего марта 1964 года Володя шлет телеграмму отцу в Среднюю Азию:

ИРИНОЧКЕ ХУЖЕ УСКОРЬ ПРИЕЗД ЦЕЛУЮ = ВОЛОДЯ

Двадцать четвертого марта все кончилось. Отец с невероятными усилиями – билетов нет – прилетает в Москву военно-транспортным самолетом. Похороны были 27 марта. По просьбе Адочки Юра выбирает музыку – “Ноктюрн” Шопена,

“Осеннюю песню” Чайковского и “Лунную сонату”.

Урна была погребена на Донском кладбище. Некоторое время спустя над могилой была установлена выразительная скульптура молодого студента Суриковки Клыкова.

Из письма мамы отцу спустя несколько месяцев:

> Субботние и воскресные дни я провожу с Адочкой, гуляем, отдыхаем, вспоминаем Ириночку. Состояние у нее такое же, эта боль не проходит и не утихает, но держится она, как всегда, хорошо. Женя очень подавлен, плачет, и она старается его не оставлять. Бедная, бедная Адочка! Можно ли представить большую трагедию! Женя хочет уехать с квартиры, но нужны энергия, сила. А сейчас заняться этим некому.

До глубокой старости Адочки каждый год 14 марта, в день Ирининого рождения, у нее собирались все родственники и друзья, чтобы вспомнить эту светлую девушку.

Мамино зарубежье

Когда мама ушла на пенсию, у нее появилось свободное время. Можно было чаще видеться с такими дорогими ей старыми друзьями.

В августе 1966 года мама вместе с Анной Разумовой едет в Польшу по приглашению уцелевших друзей Артура. Поездка приурочена к открытию экспозиции, посвященной его подпольной работе.

> Варшава очень красивый город. У нас с А. Л. отдельная однокомнатная квартира со всеми удобствами, с окном на всю стену и с красивым видом на площадь с озером и чудесными каштанами, пирамидальными тополями и не по-осеннему зеленой травой. Прошли по посольскому кварталу, прелестные дворцы послов, без заборов; и только за огромным глухим забором – стеной, занимающей половину всего этого района, – посольство СССР. Зачем? От кого? Так же, как укор нашему вкусу, возвышается в центре ни к селу ни к городу – "подарок" Сталина – т. н. "Дом Дружбы". Зашли в книжный магазин, где я купила первый сувенир для Сонечки – маленькую книжечку Тувима на польском языке, а рядом с магазином – читальня, где можно сесть на скамейку и прочесть любую газету мира.
>
> Сегодня – новые планы, сейчас едем в Старо Място.
>
> Юра! Я встретила твою подругу детства – Оленьку, дочку Берута. Она вчера приходила. Пришли мне поскорей фотографию, где снят ты с Оленькой, найди ее среди наших фотографий.
>
> В Старо Място она потратила кучу денег на уличных музыкантов. Она говорила: "Просадила все, что было с собой".

А вот письмо маме от Володи:

> МАКА! МАКАЧКА!
>
> *1 октября*
>
> Как здорово получать от тебя письма-открыточки! И как хорошо, что ты, выбравшись в первый раз за границу, попала именно в Польшу, а не, скажем, к Берте, в Германию. Наверное, их заорганизованность

не пришлась бы тебе так по душе. Отлично прошел папин день рождения. Много вкуснейших “остатцев”, которые и приканчиваем.

Мамино письмо:

Дорогие, в первый раз в нашей жизни я в дни ваших рождений не с вами, это печально немного.

Поздравляю тебя, Володик, и тебя, Мишенька, желаю вам быть здоровыми и счастливыми, это очень трафаретно, но ничего другого придумать не могу.

…Вечером вернулись из очень интересной поездки. Как я вам уже писала, были в Торуни, Гданьске, Оливе, Гдыне и Мальборне. Это такое потрясающее Средневековье, это нужно увидеть обязательно, чтоб понять. Молодцы поляки, как они все восстановили, как собирают по всему свету свои богатства, какие колоссальнейшие работы по восстановлению и реставрации ведут, деньги дает государство, и очень много жертвует народ.

В Оливе слушали замечательный концерт в костеле на органе – Бах, Шуберт. “Аве Мария” – ох, до чего здорово!

А когда мы подъехали к замку Мальборн, я так волновалась, что дрожала вся. Все, что читала о Средневековье, от “Айвенго” Вальтера Скотта до Сенкевича и учебников по Средним векам, вспомнила и представила и крестоносцев, и рыцарские турниры и т. д.

После приезда домой мама получила письмо от другой польской знакомой – Мари:

4/xi – 66

Милая, родная Асенька! Разрешаю себе так обращаться к Тебе, потому что Твое письмо еще раз убедило меня, что Ты лучишься каким-то внутренним теплом и согреваешь близких людей – и даже не очень еще близких…

Рядом с этими искренними словами какой нелепостью кажутся казенные бумаги, писанные “под копирку”. Ведь для поездок к друзьям мама должна была получать официальные характеристики:

А. Л. Ужет исключительно ответственно относилась к работе, давала учащимся прочные и глубокие знания.

А. Л. Ужет отличают такие качества, как честность, принципиальность, прямота. Она никогда не мирится с тем, что мешает работе.

Т. Ужет морально устойчивый, политически грамотный коммунист…

Характеристика дана для поездки в ГДР по приглашению.

В ГДР мама едет в августе 1967 года по приглашению Берты и Лоры. Это ее вторая зарубежная поездка.

Дрезден 26/viii – 67 год.

Дорогие! Чувствую я себя хорошо. Вчера ездили в Потсдам – там дворцы Гогенцоллеров и Цецилиенхоф, где подписали знаменитое соглашение. Была в покоях Сталина, воспользовалась его уборной. Сегодня приехали в Дрезден, сейчас вышли из знаменитых Мейсенских фарфоровых мануфактур.

На другой день мама в Варшаве:

3 сентября

Мои дорогие! Сегодня утром я приехала в милую моему сердцу Варшаву. Вчера, Юра, был день твоего рождения – хотела, родной, позвонить – поздравить, но не вышло, нужно было на поезд ехать.

Настроение у меня здесь будет хорошее, самочувствие тоже, чего в Берлине не было, там скучно было.

Видно, насколько маме ближе были Польша и люди в ней, чем Германия и “правоверные”, хоть и очень хорошие, знакомые.

М. Б.

Отца – Михаила Борисовича – многие называли просто М. Б.

М. Б. в эти годы (60–70-е) – известный, маститый, почитаемый директор. Механизм школьной жизни налажен, и он может все больше времени отдавать журналистике. Его многочисленные статьи печатались в “Правде” и “Известиях”, “Комсомольской правде” и “Вечерней Москве”, “Учительской газете”, “Литературной газете”, в журналах “Советская женщина” и “Советский экран”, “Народное образование” и “Воспитание школьников”, “Смена” и “Ровесник”.

Им написаны с десяток книг о детях, о школе, о сложностях учительского труда:

> Удивительная все-таки должность – директор школы. Уже будучи известным писателем, Толстой становится во главе им же созданной небольшой Яснополянской школы – ее, по нынешней терминологии, директором. А век спустя знаменитой школой в Павлыше многие годы руководит Сухомлинский – выдающийся советский ученый, автор замечательных книг. Толстой признавался, как “страшно” ему (Толстому!) на этом поприще. Сухомлинский писал о том же: “дьявольски трудно”.

Авторитет отца как журналиста был высок – в редакции “Правды” ему даже выделили отдельный кабинет на время подготовки очередной школьной реформы.

Кроме статей по вопросам педагогики, он написал немало рецензий на фильмы о школе. Тема школы была в это время очень важна для советского кино: говорить о многих общественных проблемах прямо было нельзя и лишь на школьном материале удавалось поднимать самые острые вопросы. Таким сюжетам отдали дань Райзман, Митта, Авербах, Ростоцкий, Асанова и другие режиссеры этого времени. Особенно восторженную рецензию отец написал на картину Станислава Ростоцкого “Доживем до понедельника” – образ учителя истории Мельникова во многом воплощал то, о чем мечтал он сам.

В 1967 году отец и Юра отдыхали в доме отдыха между Марфино и Пестовским водохранилищем. Гуляя, они наткнулись на деревню Румянцево, расположенную на берегу. Это был, по-видимому, знак судьбы – забыть это место отец не мог.

С тех пор в течение тридцати лет он каждый год снимал комнату с верандой у одних и тех же хозяев. Дом стоял у самой воды, терраса была украшена военно-морскими флагами, подаренными моряками крейсера “Александр Невский”. Отец купил себе байдарку.

Это место полюбила вся семья. Осенью 1969 года там жил Юра, заканчивая диссертацию. Но все-таки это был дом отца, его тихая обитель.

Отец всегда испытывал уважение к науке. Вопросы физики, астрономии, изучения космоса волновали его и с научной, и с философской стороны.

Вот такое эмоциональное письмо он прислал однажды из Румянцева:

> 24 июля 1969 год, 22 ч. 15 мин. Дер. Румянцево на канале.
>
> Позади эти удивительные дни: 16–24 июля. Люди впервые на Луне. Сегодня в 19 ч. 50 мин. они приземлились в Тихом океане. Я только что смотрел это по телевидению.
>
> Сидят в воде… Их подымает вертолет и доставляет на палубу военного корабля. В 19 ч. 50 мин. я был в поле… А в момент прилунения 20 июля в 23 ч. 10 мин. мы сидели на берегу у костра и выпили за каждого “Алжирского”.
>
> И еще. Я смотрел и смотрел эти дни на Луну (она росла от крохотного серпика до своей ровной половинки) и думал: “Чудо! Это ведь ни с чем не сравнишь”.

В 1969 году, после двадцати семи лет проживания в “директорских квартирах”, он наконец получил трехкомнатную квартиру с окнами на три стороны на десятом этаже кирпичного дома, с большой лоджией, выходящей на Измайловский парк.

У отца была своя комната, которую он очень любил: рабочий стол, стеллаж во всю стену со множеством книг, с подшивкой газеты “Правда” за всю войну и встроенным аквариумом.

Сбоку – репродукция “Портрета актрисы Сомари” Ренуара. Рядом с тахтой – радиоприемник с проигрывателем и пластинками. Над тахтой – морской пейзаж работы дербышкинского ученика, художника Гены Брусенцева, который жил в Севастополе.

Вскоре была сделана еще одна важная покупка – пишущая машинка “Эрика”. До этого статьи и заметки отец писал от руки. С годами его зрение ухудшилось, а почерк сильно испортился.

В течение долгих лет Юра по многу раз переписывал отцовские черновики более понятным почерком. Машинка полностью меняла дело, но сначала ее надо было освоить.

Сохранились занятные тексты, на которых отец отрабатывал свое машинописное мастерство:

В связи с 50-летием “Веч. Москвы” и в ознаменование

Обязуюсь:

1. Болеть только в пределах, удовлетворяющих кормящую мя жену.
2. Не задерживать с передачей (ей же) следуемых ассигнаций – в размерах, подлежащих последующему согласованию.
3. Неукоснительно стоять на позициях резолюции Совета Безопасности ООН № 242 (ноябрь 1967 г.) – в т. ч. за соблюдение законных прав народа Палестины.
4. Не претендовать!
5. Досмотреть все серии “17 мгновений весны”, а также все последующие многосерийные и короткометражные, а также разное прочее.
6. Заранее признавать себя виновной вороной во всем, что сочтет подлежащим и попадающим под юрисдикцию.
7. Вчера, сегодня, завтра и впредь!

Аш-У-ня.

Почти все шутливые тексты были, так или иначе, связаны с мамой:

Изъявление благодарности

Гр. Ужетъ Анна Львовна!

Ваше благорасположение ко мне не знает границ. Вы скажете: Что вы, это всего лишь мой долг – жены и гражданина.

О, не скажите! Кто ехал лифтом за газетой? Вы! Кто скармливал мне яблоки и апельсины? Вы и только вы!!!

Вы скормили мне сегодня обедик, достойный высших сфер, – это вам тоже не хиханьки!!!!

Княгиня Волконская – вот кто вы, ма шер!

Ужетъ! Анна Львовна!!! Съехайте еще раз лифтом до почтового ящика – там “Л. Г.”.

Просю вас! Ув. вас и надеющийся и впредь –

Ашуня.

Я кончил.

Завершал такие тексты он чаще всего латинским Dixi.

Отец блестяще владел русским языком и совсем не знал иностранных, кроме десятка французских, татарских и еврейских слов. Но латинские выражения *dixi* и *Sic transit gloria mundi* любил повторять.

Становясь старше, он все чаще задумывался о своих корнях. В 1973 году он отправился на родину своего отца, в поселок Освея Витебской области. Вот его письмо оттуда Володе:

Вот так.

Хожу по дедовой земле и думаю.

Помнишь, дедушка рассказывал об озере?

Оно огромное.

Прямо за окном. Великолепное.

И фамилию нашу здесь все признают сразу и без запинки говорят: до войны были тут Ценциперы. Много… Никого нет… Все убиты.

Освея, Освея…

Целую тебя.

Папа.

Володя вспоминает:

Лет через десять я со своим близким товарищем ехали в Прибалтику на попутках. Увидел надпись на вокзале “Освея”, попросил остановиться, хотя совсем не планировал этого, да и товарищу было странновато. Дождались подходящей машины и приехали в эту самую Освею. В отличие от поездки отца, фамилию нашу никто не знал и не помнил. На почте нам дали адрес какого-то Ценципера – пошли. Нас не приняли. Ничего не сказали, но послали почему-то к местному ксендзу в костел.

Слава богу, что мы пошли. Ксендз сказал, что всех

евреев немцы поубивали, “да и свои тоже”. Мы спросили у него про ночлег. Сначала назвал гостиницу, а когда мы уже уходили, предложил постелить в костеле. Поставил 2 раскладушки, дал пару старых овчин для тепла. Я не смог заснуть. Лежал. Думал. Вспоминал деда, его рассказы. Мне кажется, что-то важное в эту ночь я понял.

В 1978 году после тридцати восьми лет работы в школе отец уходит на пенсию. Пенсия – персональная, на сто рублей больше, чем начисленная.

Володя. Работа

Володя вспоминает:

…После окончания института очень долго – тридцать пять лет – моя жизнь была связана с одним и тем же предприятием – Московским электроламповым заводом. Сначала работал в конструкторском бюро по разработке технологического оборудования, а затем много лет в Особом конструкторском бюро (ОКБ), в лаборатории по созданию специальных ламп и приборов. Позже лаборатория стала заниматься и так называемым "ширпотребом". Это были бытовая техника и электроника, изделия из стекла, сувениры, что делало необходимым сотрудничество с художниками – прикладниками.

Продолжая работать контруктором, я окончил курсы дизайна в "Строгановке". А в 1972 году при Министерстве электронной промышленности было создано Специальное конструкторское бюро (СКБ), где должны были работать подготовленные военные дизайнеры. "Оборонке" тоже нужны были новые кадры. Их знания могли пригодиться, например, при создании сложных пультов управления с десятками кнопок, лампочек, циферблатов и т. д. Удобство, целесообразность, безопасность, а значит, и красота.

Я в числе набранных. В СКБ одиннадцать человек. Я до сих пор часто вспоминаю начало первой лекции организатора и вдохновителя этого СКБ В. Долматовского: "Теперь вы – первые, кто будет конструировать то, что не может быть смакетировано. До нас такого никогда в истории человечества не было. Представьте космонавта, висящего вниз головой в наполовину заблеванном скафандре. От скорости, с которой он считывает данные разных приборов, зависит не только его жизнь в космосе, но и наша жизнь на земле…"

Эти лекции, интересные задания, парадоксальные решения – вспоминаю это время как "абсолютный кайф".

Работая в СКБ, я все равно основное время проводил на МЭЛЗе. В середине 90-х, под влиянием времени и ряда начальствующих жлобов, вместе со всем заводом тихо скончалась моя лаборатория в ОКБ на МЭЛЗе.

В 1997 году я пошел в школу преподавать мировую художественную культуру. Отец был этому рад и только сказал: "У тебя не будет проблем с учениками, а будут только с учителями. И не ходи в наш район – здесь слишком хорошо помнят меня и маму".

В школе неожиданно для себя проработал не год, как предполагал, а десять. На прощание получил от учеников вот

такое послание:

“Вы очень-очень прикольный учитель, хотя мы иногда и опаздываем на Ваши уроки. Они все равно были веселыми и радостными, мы узнавали много всего интересного. Спасибо Вам, мы Вас очень любим”.

А еще – не такие серьезные занятия, но с официальной зарплатой:

– дворник (в 8–9 классах). Оформлен я (кстати, первая запись в трудовой книжке), а работает весь класс. Зарабатываем на поездки в Ленинград;

– инструктор и старший инструктор по туризму – работаю в каникулы на первых курсах института (1956–1957);

– комбайнер в совхозе на целине в Казахстане – 1958 год;

– макетчик в бригаде, работающей в Троице-Сергиевой лавре. Делаем выставку об учебе в лавре к Фестивалю молодежи и студентов 1957 года;

– старший вожатый в пионерлагере “Восток-2” – лето 1967 года.

И самая для меня дорогая справка – квитанция 1943 года о выдаче аванса в 62 рубля за работу в поле.

Дербышки. Через 40 лет

В 1984 году произошло событие, которое стало очень яркой вспышкой в жизни не только нашей семьи, – встреча школьников и учителей военной поры.

Мама пишет:

> Все эти 40 лет постоянно, хоть и с большими перерывами, кто-то о ком-то слышал, кого-то поздравлял с праздником, кто-то о ком-то читал, кого-то вспоминал. Трудная жизнь, большая страна, заботы развели нас. Но что-то, очевидно, жило в нас такое, что не могло пройти мимо внимания судьбы.
>
> Летом 1983 года читала статью о севастопольском художнике Г. Брусенцеве в “Неделе”, которую я случайно купила в Юрмале. Мое письмо к нему, и его мгновенный ответ. Затем обмен поздравительными открытками с Натальей Андреевной. И вдруг, как толчок в сердце, – встретиться, собраться! Найти всех! Прошло 40 лет со дня расставания. Как найти, как узнать наших милых, любимых дербышевцев, ставших бабушками и дедушками? Как они жили? Как живут? Убедиться в том, что они такие же хорошие, как были почти полвека назад. Первая мысль! Первая надежда! Первое письмо отправлено – и очень трудное ожидание.
>
> Мы-то уже знаем, что мы хотим, а остальные?
>
> И первый прекрасный ожидаемый ответ, и первый список фамилий и адресов от Натальи Андреевны. И началось…
>
> Трудная и прекрасная это была работа… Десятки, а может и сотни, писем, телеграмм, запросов… Брали старые фотографии, вспоминали фамилии, имена, находили одного, через него другого, писали письма, получали ответы.
>
> Например, чтобы разыскать Леню Портера, я познакомилась с еще пятью Портерами Леонидами, а нашелся он рядом, в Москве. Шла ежедневная переписка с Натальей Андреевной. Начались междугородние переговоры. Началась новая жизнь. Жизнь – полная прекрасных ожиданий, как в молодости.
>
> Москва, Ленинград, Минск, Севастополь, Ялта, Казань. Каждый день почта приносит ответы – только

“да”, только в Дербышках. Быстрее! А кроме того, Михаил Борисович ведет переписку с Казанью, со школой, с заводом. Нас ждут. Готовятся.

Поздний вечер 15 марта 1984 года. Мы с сыном Володей (Юра уже в Казани) идем длинным-длинным перроном в самый конец состава. Вагон. Темно. Люди. И вдруг крик: “Анна Львовна, это вы?”

Это прекрасно. Ради этого стоило работать учителем и жить. Жить с вами.

Мы это сделали!

А вот впечатления Натальи Андреевны Гурвич, учительницы физкультуры и руководителя знаменитого хореографического кружка:

Встретили нас, что называется, с распростертыми объятиями. Прибывали мы и группами, и индивидуально, в разное время, и всех встречали на вокзале и аэродроме с цветами. Всех разместили в гостинице.

Шестнадцатого марта мы отправились в школу. Нас встретил школьный звонок, и вереница учеников выстроилась от входных дверей по всему коридору, приветствуя нас, до самого актового зала. Комок подошел к горлу, слезы текли у всех, когда мы переступали порог нашей школы. Нам вручили юбилейные значки, специально сделанные на заводе для нашей встречи. Затем детский концерт, наши приветственные выступления, посещения классов. Дети приготовили нам подарки, сделанные их руками. А как они слушали наши рассказы о тех тяжелых годах, о той великой дружбе, которая сплотила нас в одну семью!

Очень взволнованным и ярким было выступление отца. Он называл десятки имен и фамилий учеников. Вспомнил поименно всех учителей той поры. По его предложению мы почтили память ребят и учителей, кто погиб на войне!

Из воспоминаний Натальи Андреевны:

Мы посетили Музей славы завода. Автобусная экскурсия по “поселку” показала нам, как преобразился наш поселок. Мы ничего не узнавали. На месте бараков выросли восьмиэтажные дома, новый красавец Дворец культуры – вместо деревянного клуба. Новые улицы,

новые названия. Это уже не отдаленный поселок в 28 км от Казани, а ее район – Советский.

Семнадцатого марта во Дворце культуры была встреча “От всей души” с теми, кто после войны остался в поселке, с работниками завода и теперешними учителями и учениками нашей школы. Снова узнавания, объятия и слезы радости.

Вечером товарищеский ужин в ресторане и нескончаемые ночные беседы и воспоминания в гостинице.

Учительница литературы и мамина подруга Ольга Владимировна Сытина вспоминает:

Ну и, конечно, ресторан, отдельный голубой зал с аляповатым золотом, с “космическим” потолком и татарской кухней. Покричали, повеселились, потанцевали. Как и не было 40 лет.

Вот такое письмо после возвращения в Ленинград написала нашим родителям Эди Строганова:

Весь груз прожитых лет сброшен; привычная колея, быт, работа, муж, дети, внуки, дом, радости и заботы – целая жизнь где-то далеко. Через два летных часа от Ленинграда до Казани, нет, даже в Ленинградском аэропорту, где произошла первая встреча, все куда-то отошло. А уже в Дербышках, в общежитии, где я встретила всех вас, было замечательное чувство невесомости. Я была – и меня не было; была та же девчонка, но которая теперь смогла оценить вас тогдашних.

Эти два ни с чем не сравнимых дня я буду помнить всю жизнь. За эти два дня была снова прожита наша жизнь в Дербышках, такая трудная и такая легкая, какая может быть только в юности.

После возвращения из Казани мама и Володя вместе с несколькими бывшими учениками школы, живущими в Москве, взялись за составление альманаха о тех годах со множеством воспоминаний, фотографий, документов.

Работа была трудоемкая, но радостная. Велась она в родительской квартире, и главную роль в ней играла мама. Володя оформил, собственноручно “издал” и переплел все шестьдесят комплектов этого двухтомника.

В начале 1986 года, после выхода альманаха, мама, Володя и Юра поехали в Ленинград, где они жили на квартире Лели Громовой и где очень тепло встретились с бывшими учениками из Дербышек – в том числе с теми, кто не сумел добраться до Казани. Там и были розданы двухтомники, а еще раньше часть книг была разослана по разным городам.

После отъезда из Ленинграда бурная и очень искренняя Лелька Громова неожиданно перешла с мамой на “ты”, начала звать ее по имени. Это очень нравилось маме.

> Моя родная, Ася – Анна Львовна!
>
> Не потому, что с праздником хочу поздравить! Душа волнуется за тебя, мое солнышко. Надеюсь, поправилась и уже дома воюешь со своими мужиками. А мужиков-то бог послал – ого! – каких! А бородатый – хорош! Больше сказать нечего, точка. Слов нет, да и не надо их – слов-то. Хорошо хоть поглядеть на других-то.
>
> Юре огромное спасибо, вот уж любит подарки дарить! Мир в его очках лучше увидела. А надо ли? Зато по ночам Фолкнера или Цветаеву “воочию”… Танечка тоже при очках теперь… Право, молодец, огромное ему спасибо.

> Он (Володя. – *Ред.*), безусловно, редкий человек – умный, терпимый, все и всех понимающий без слов. Какая радость иметь такого сына. Любим мы своих детей, а все же понимание детей – это большая редкость. Лучше не будем говорить о грустном.

Володе – от нее же:

> Володечка! Мой золотой бородатый мальчик! Мое молчание – не причина для забвения. Всегда помню, люблю, даже более того. Звонить “средств” нет. Везде “крен” с левого борта. Ну, а в остальном… прекрасная маркиза… Ночью, когда не сплю, прокручиваю кино из образов Аси и всех вас, мои дорогие. Как так случилось, что Ася стала дороже родной матери, Бог судит.

От Лени Портера, инженера, математика, поэта:

> Дорогая Анна Львовна!
>
> Не иссякает и никогда не иссякнет мое восхищение Вами, моя любовь и благодарность Вам за то, что Вы

озарили мое детство и пожилые годы.

Какое счастье, что идея казанской встречи возникла у Вас, когда мы все были здоровы и подвижны. Страшно подумать, как бы мы жили без этой встречи и последующих лет.

Целую Ваши руки, желаю здоровья Вам и Вашему дому, много лет сохранения жизнерадостности и высокой духовности.

Ваш Леня.

От Лельки:

А как Вам наш любименький М. Б.?

Вот с кого надо “патрет” писать! Хозяин своего слова и настроения. А все же хорошо, что М. Б. в Ленинград не приехал, он бы нам “лирики поубавил”, и все мы опять вращались бы вокруг его орбиты. Мера нашей любви к нему неисчерпаема, а то был Ваш звездный час!

Глава 8

Расставания

Письма Асе от братьев становятся грустнее. Леонид жил в Луцке со своей второй женой Олей. Вот его письмо:

> Меня удивляет и беспокоит твое молчание. Я было привык к тому, что ты в свое время (не так давно) от поры до времени сообщала о себе короткой весточкой, а в последнее время я не имею с тобой никакой связи.
>
> Если не имеешь времени и охоты писать, позвони вечером, мой телефон 2-79-79, я буду счастлив услышать твой голос. Вообще это дико – иметь домашние телефоны и не использовать их для связи с родными накануне ухода на покой.
>
> Поверь, что сейчас проснувшееся у меня чувство родственности – хорошее лекарство против всяческих недомоганий, которые уже дают себя чувствовать.
>
> Приезжай, родная моя, погости у меня, примем тебя любовно, заботливо и гостеприимно. А самое главное, увидимся! Черт его знает, что с нами может случиться завтра.

Умер Леонид в 1981 году. Володя вспоминает:

> На похоронах Леонида в Луцке… Гроб. Голова с православной какой-то лентой на лбу. Между головой и еле видимыми руками металлическая “кольчуга” из орденов, медалей, знаков и значков. Сплошь. В пальцах рук – пачка бумаг. Эти бумаги – благодарности за подписью Верх. Главн. Сталина, была и такая форма награждения. А среди этого металла – вырезанный откуда-то… могендовид из бумаги…

Но гордая и свободная душа Леньки не принадлежала теперь никому.

В следующий приезд Володя пошел с Олей на кладбище. На могиле Леонида Оля устроила частный “вечный огонь” и, приходя на кладбище, его зажигала. Оля была и осталась наивной и бесконечно доброй.

В эти годы мама не раз ездила в Киев к Анатолию, который работал в спортивном обществе “Динамо”. Встречали ее шумно и по-южному радушно. Мама была особенно привязана

к племяннице Зине. Останавливалась она на даче с большим садом, в который брат вложил много страсти.

Из писем Анатолия:

> Устал я здорово. В прошлом году не был в отпуске, зато в этом пойду месяца на два. “Динамо” располагает возможностями в этом вопросе. У них вообще много:
>
> 1. Лодырей, невежд
> 2. Начальства
> 3. Залов для бокса, гимнастических
> 4. Баз для отдыха
> 5. Фондов на питание, включая кетовую и паюсную икру и любую рыбу
> 6. Пьяниц и алкоголиков
> 7. Дураков от спорта
>
> И нет главного, вокруг чего созданы эти богатства: порядочных людей и настоящих спортсменов.

> Не писал, не было настроения, да и писать больно нечего, все эти шесть месяцев мучаюсь с жуткими болями в пояснице и левой ноге. В Одессе немного подлечили, но этого хватило ровно на две недели. Провалялся месяц в больнице среди уложенных больных и понял, что с моими болячками в больницах не лежат и их в моем возрасте не лечат.

Он умер 15 июня 1985 года. Судьба отпустила Анатолию 75 лет жизни – как и Леониду. А через год еще одно горе – умирает любимый брат отца. Тарас-Муля давно и тяжело болел. Еще в конце семидесятых он перенес обширный инфаркт, а в октябре 1986 года умер после тяжелого инсульта. В последние часы отец был около него.

Осталась одна и Адочка – Евгений Еремин умер в 1979-м. В научном мире он был известен как автор нескольких больших трудов по физике и химии, но студенты больше всего запомнили его как прекрасного лектора, учителя. В аудиторию МГУ послушать его приходили и студенты, и преподаватели из других институтов.

Судьба послала Адочке долгую жизнь, она пережила большинство близких. И до последних дней главным, а может быть и единственным, авторитетом для нее оставался ее Женя, профессор Еремин.

Многолетняя дружба связывала маму с семьями Марка Вольпе и Георгия Иссерсона. Потом и Юра, и Володя, и отец не раз бывали в известном доме на Тверской, на фасаде которого

множество памятных досок с именами деятелей искусств. Здесь жили Котя (Екатерина Ивановна), ее мама Фелицата Павловна, дочь Коти и Георгия Ирена и ее сын. Ирена очень дружила с Юрой и Володей, была им почти сестрой. А мама всегда говорила нам: “Будете у них, обязательно хоть батон принесите. Они всех кормят”.

Уже в дверях задавался вечный вопрос: “Есть хочешь? Иди к столу”. Кормили в этом доме вкусно и щедро. Сибирские пельмени, пирожки… Фелицата Павловна, будучи православной, отмечала и все еврейские религиозные праздники. Специально готовилась фаршированная рыба и форшмак. “А как же, – говорила она, улыбаясь, – они всему всех научили”. Всегда тайком пыталась дать хоть какие-нибудь деньги: “Молодым надо”.

Фелицата Павловна и Котя умерли легко, в глубокой старости. Тоже как-то светло. Необыкновенно, но на их поминках танцевали.

Печально, когда люди стареют и уходят из жизни, но еще печальнее, когда их старость связана с тоской и одиночеством. Такая горькая судьба досталась маминой подруге Софье Сергеевне Шамардиной. В ее квартире на Чистых прудах, где когда-то кипела жизнь, было грустно и тихо.

> Мне так тоскливо. Все время вспоминаю молодость. Всех этих прекрасных людей. Напишу свои переживания. Всю жизнь, может быть, хоть несколько рассеюсь в своем одиночестве. Асенька! Вы ведь одни у меня. Берегите себя.
>
> Я тыкаюсь, мыкаюсь без толку из одного угла в другой. Завтра еду на два дня в Кратово к своей еще гимназической подруге. Из последних событий – была у Лили Брик. При встрече расскажу.
>
> Целую. Как отдыхаешь и лечишься?
>
> *Соня.*

Пожалуйста, Асенька, не лезь на солнце. Балтийское море получше Черного – так мне говорит один врач. Если я вдруг еще отдышусь, то как-нибудь выберу время (в будущем году – “ебж”, как говорит Лев Николаевич, это значит “если буду жив”) и обязательно подышу “ионизированным” воздухом Балтийского моря. Очень хорошо, что тебя туда увезли.

Сонечка несколько лет жила у нас на даче. Письмо оттуда:

Дорогая Асенька! Вот, кажется, у вас и у меня наступило лето. Я делаю редкие вылазки в лес и к реке. Даже на своем висячем над “пропастью” сосновом корне раза 3–4 сидела.

Где Миша? Поклонись ему, где бы он ни был. Сыновьям привет. Я их люблю.

Если доживу до декабря – то, может быть, съезжу в Минск – будет 60-летие БССР. Может быть, скажу где-нибудь: “туварыши!”

Как-то мама навещала ее в больнице, о чем-то говорили, жаловались на здоровье, ничего особенного, но, приехав домой, мама сказала спокойно: “Сонька прощается…” А на следующий день стало известно, что Сонечка приняла смертельную дозу снотворного – тяжесть прожитой жизни была ей не под силу.

Она не успела написать о тех, кого любила, но Маяковский, Чуковский, Бальмонт, Брик, Пильняк, Фадеев, Раневская в разные годы сказали и написали немало прекрасных слов о Соне – Сонечке.

“Я не один”

Ле том 1989 года отец поехал на отдых. Пожалуй, это было его последнее путешествие.

И письмо оттуда – одно из последних:

> Атенька, живу я второй день в роскошном мире.
>
> Глушь. Лужи и петухи. Колхозные старушки в белых платочках. Козы и гуси. Ни одного городского звука! Моя хата с краю – с самого краю. С одной стороны поле, с другой – лесок. Свежескошенная трава. Небо в облаках. Палата на 5 человек. Окно мое прямо в поле. На стене натюрморт – не то птица, не то фрукты. В столовой – пальмы.
>
> Пораженный их девственным зеленым цветом, я подошел поближе. Оказалось, что они настоящие. Только – засохшие, а потому выкрашены в “веселенький” зеленый цвет. Помаленечку читаю. Попробую через пару дней что-нибудь написать для “Московского комсомольца”.

Мирная картина могла бы навести на мысль о вечной неизменности российской провинции, если бы в начале письма не стояла дата – 1989 год – и не упоминалась газета “Московский комсомолец”.

И в этом издании, и во многих других газетах и журналах того времени все бурлило. Печатались те, кого раньше не печатали, писали о том, о чем раньше не писали.

По вечерам отец с нетерпением ждал возвращения Юры с работы, чтобы он прочитал ему новые газеты – глаза уже не позволяли сделать это самому.

Юра и Володя ходили на демонстрации и митинги, стояли несколько часов в морозный декабрьский день в печальной очереди, чтобы проститься с Сахаровым.

В 1988 году Володя принимал активное участие в организации общемосковского мероприятия, посвященного жертвам сталинских репрессий в Доме культуры МЭЛЗа. На вечере выступали известные писатели, историки и, главное, – выжившие жертвы террора.

Там же были открыты две выставки проектов. Среди отмеченных газетами были и два Володиных – проект виртуального восстановления храма Христа Спасителя и проект

мемориала узникам ГУЛАГа.

Старые стены разваливались, рухнула и Берлинская стена – как раз накануне поездки Юры в Германию.

Перед отъездом мама просила найти Лору, от которой давно ничего не было слышно. Юра позвонил ей из западной части Берлина, радостно поздоровался, сказал, где находится, спросил, когда можно прийти. Она помолчала и вдруг нервно ответила: “Разве ты не видишь, что вокруг делается? Зачем нам нужен этот Запад?” – и бросила трубку. Больше Юра ей не звонил. Вероятно, это было время крушения ее идеалов. Другое мировоззрение она не принимала – таких и в ГДР, и в СССР было много.

Девятнадцатого августа 1991 года, в день начала путча, отец, не отрываясь, слушал “Эхо Москвы”.

На другой день он вечером поехал к Белому дому, оставив сыновьям записку:

> Ребята!
>
> Хорошо, что вы в Москве. Я Вас приветствую и рад.
>
> Я уехал к Белому дому.
>
> Есть один человек – пострадавший под БТР. Ночью постреливали, но – в целом – спокойно.
>
> В Белом доме – Растропович. Я не один.

“Радость тихая дышать и жить…”

Начиная с 1991 года мама практически не вставала с постели – была то в больнице, то дома. В летние воскресные дни, когда Юра или Володя оставались с ней, она могла немного походить. Они шли недалеко, в Измайловский лес, садились на скамейку рядом с еще оставшимися в лесу старыми деревьями, рассказывали ей о своих делах как самому близкому человеку.

Второго сентября 1992 года Юре исполнилось шестьдесят. Сесть со всеми за стол мама была не в состоянии – лежала в другой комнате. Отец, Юра, Володя, Юрины друзья, которых она знала по многу лет, по очереди заходили к ней, не оставляя одну. Было очень грустно.

Семнадцатого сентября она почувствовала себя очень плохо. Отец вызвал “скорую”, позвонил Юре на работу. В этот раз мама особенно не хотела ехать в больницу, но ее в конце концов уговорили. В пятницу в полном изнеможении отец уехал за город, Юра и Володя были у мамы в пятницу и субботу. Ей не становилось легче.

Утром в воскресенье 20 сентября Юра собирался пойти к ней пораньше. Но в восемь часов утра раздался звонок из больницы – мама под утро умерла.

Отец приехал вечером в понедельник. Узнал о страшном от нас на пороге. Молча сел в прихожей, обхватил голову руками. Сказал сдавленным голосом: “Мы очень любили друг друга”. Потом ушел в свою комнату и закрыл дверь на ключ.

Закончилась такая трудная и большая жизнь, хотя сама мама скромно написала однажды:

> В моей, в общем-то маленькой, жизни было много прекрасного – завод, Метрострой, школа. А сколько великолепных людей меня окружало.

В последний раз люди, окружавшие и любившие маму, могли собраться на Донском кладбище. Близкие друзья, учителя и десятки учеников. Мамин уход был горем для многих людей.

Володя пишет:

> …Невозможно на этом закончить главу. Многое мы не сказали, не сумели, не успели. Почему эта глава так называется? Очень хочется написать. А начну я с отца…
>
> Маму в этой книге, мне кажется, несколько заслонил отец. В жизни это виделось совсем не так. Отец был

публичным человеком, лидером. Но, и это очень важно, человеком, который органически не мог ничего, никогда, ни при каких обстоятельствах просить. Ни у кого. Ничего. Он мог при минимальных шансах, а то и при их отсутствии, ввязаться в борьбу – но только если не нужно было просить. Отец был всегда на виду. Он был талантлив очень во многом. Был заметно ярок среди любых людей, в любых обстоятельствах. Такие люди – и, я думаю, часто – одиноки. Так и отец. У него не было, в сущности, настоящих друзей.

Другое дело мама. Мама не публична, ей совершенно безразлично, проиграет или выиграет лично она. Мама просто (легко сказать "просто") невероятно добра и расположена к людям. Мама всегда органична и искренна. Мама не понимает, что такое "тактика". Мама могла попросить за любого, кто ей казался несправедливо обиженным, отодвинутым. Мама могла – должна была – пойти, поехать, убедить, попросить, помочь. К маме приходило множество людей пожаловаться, поговорить, спросить совета – всегда эти люди находили понимание и поддержку. У мамы было невероятное количество друзей и знакомых.

Лучше всего и здесь отталкиваться от документа – от маминой записной книжки, черной, потрепанной. В книжку вложены пара открыток, клочок бумаги, часть меню. Вот некоторые имена из нее. В скобках мои пояснения.

Лена Боннер, муж Андрей. (Это Андрей Сахаров. Как найти, у какого метро.)

Париж. Никита Алексеев. (Художник.)

Симона де Бовуар. (Французская писательница, феминистка, жена Жан-Поля Сартра. От нее открытка: "Асенька! Я так была рада встрече с тобой! Сколько лет!" По-русски, печатными буквами.)

Костя Звездочетов. Камчатка в/ч 11875К. (Художник. Был призван в армию в наказание за участие в подпольных выставках.)

Сахалин в/ч 93122 (клуб) – Свен Гудлах. (Еще один солдат-авангардист.)

Айги. (Не знаю, поэт или его сын, музыкант.)

Чехословакия – адреса, телефоны. Мама там никогда не была.

Рядом с чехами – Эрик Булатов, жена Наташа. (Художник-концептуалист.)

Снова Париж: Boulet Marc, а сбоку: Бакштейн Иосиф. (Искусствовед, куратор.)

Много людей из Таллина – адреса, телефоны.

Телефон какого-то Саши Глазунова из макетной МХАТа. И тут же на “Г” – поэт Гандлевский Сергей, а затем Bernard Dedroot из Брюсселя.

Телефоны ремонтников, детской поликлиники, “скорой помощи”, аптеки, магазина “Книги”.

Дальше художник Борис Жутковский, новый телефон его мастерской. Много телефонов в Литве, и абсолютно неожиданно – Духовная академия в Загорске (Троице-Сергиева лавра): ректор, секретарь-помощник, канцелярия, библиотека – все с телефонами.

Телефон и адрес поэта Игоря Иртенева, и как к нему пройти от метро. Телефон философа Мераба Мамардашвили.

А вот меню из парижского ресторана с рисунком и кривой подписью: “Асенька! Говорили о тебе! Все тебя любят…” Подписано – Эльза Триоле. Рядом неразборчиво: “арка с почтовым ящиком, грязно-коричневая дверь с квадратом”.

Много адресов и телефонов из Германии и Польши.

А вот художник Илья Кабаков – дом, мастерская, дача приятеля, телефоны.

Потом о. Мень А. – Загорский район, Семхоз, ул. Парковая, 3. Рядом его сын Паша.

Страницы, где мне почти все знакомы – ученики двух любимых классов, выпускники 1954 и 1958 годов. Их мужья, жены, дети…

Вдруг – Митрофанов Ник. Ник. ЦК, в скобках – через Гришу Поженяна, поэта.

Сьюзен Риз, налево Карен. Именно так. И дальше – Пригов Дима, метро “Беляево”. (Это Дмитрий Александрович Пригов, поэт и художник.)

Опять много иностранцев – Франция, Польша, Бельгия, и вдруг подробно: “…подрамник для Валерия, выходной день – четверг”.

Потом: “Патриархат. Даниловский монастырь”. Телефоны: секретарь и справочная.

Я не могу остановиться – я уверен, я знаю, что все это адреса и телефоны людей, которые много значили для мамы и мама много значила для многих из них.

Поэт Сапгир и его дочь Лена – телефон, адрес.

Родриго Фернандес.

Разумовский из Смоленска с семьей и адресом.

Поэт Женя Рейн.

Архитектор Борис Петрович Бархин – с телефоном квартиры и мастерской. Все это – части маминой жизни, которые мы не знали и не узнаем…

Последнее – цитата из Мандельштама, записанная мамой на клочке бумаги и вложенная в записную книжку: “Радость тихая дышать и жить…”

“Жить” написано, мне кажется, большими буквами.

“Я вас всех очень люблю”

Грустно стало в доме после смерти мамы. Отец стал постепенно меняться. Немалую роль в этом играли его болезни, он беспокоился о будущем детей. Жили отец с Юрой в это время вдвоем, Володя – рядом за стеной.

Через год после маминой смерти, 29 сентября 1993 года, отцу исполнилось восемьдесят лет. Дома с помощью знакомых и друзей был организован большой праздничный стол.

И еще один юбилей. В марте 1997 года отмечалось шестидесятилетие 437-й школы. В “Вечерней Москве” на первой странице в рубрике “Хроника дня” был опубликован такой текст:

Ценциперская школа

18.45. Московская 437-я школа всегда славилась пристрастием к новым педагогическим идеям. Может быть, поэтому из ее стен вышло так много деятелей науки, искусства, дипломатов и журналистов. Несколько десятилетий директором школы был кандидат наук Михаил Ценципер. Десять лет назад Михаил Борисович вел рубрику “Родительские университеты” в “Вечерней Москве”. Вчера 437-я справляла свой 60-летний юбилей. Наши поздравления коллективу и Михаилу Ценциперу!

Итак, ценциперская школа, а более пятидесяти лет назад прозвучало слово ценциперовщина.

Отец ушел из школы почти за двадцать лет до того, а ее все еще называли *ценциперской*. Его появление на торжественном вечере было встречено очень эмоционально.

Этот день был для отца и радостным, и печальным. Рядом не было мамы. Везде были новые, молодые лица. Уходило время, уходил его век.

Когда-то Леня Портер посвятил нашей семье свое очень грустное стихотворение:

Ценциперам

Одолеваемы недугом,
однажды не придем мы к вам,

лишь побеседуем друг с другом
по телефонным проводам.
И, опечалены уходом
очередным в небытие,
беречь продолжим год за годом
заочно дружество свое.
И тот из нас, кто с древа жизни
последним отлетит листом,
кто за столом, один на тризне,
пригубит свой бокал с вином,
тот, нам неведомый пока что,
в котором все мы оживем,
в последний раз качнет на мачте
нас осветившим фонарем.

У отца оставалась любимая комната с книгами и папками семейного архива, его рабочий стол, его обитель в Румянцеве. Он уезжал туда на несколько дней или даже недель. Одному уже было трудно, сыновья провожали его. Гулял, сидел у воды. Это место по-прежнему притягивало его. Может быть, детство у моря все еще жило в нем – или родовая память об озере в Освее.

Осенью 1997 года здоровье отца резко ухудшилось. В пятницу 14 ноября Юра по просьбе отца заехал к его врачу, которая рекомендовала побыстрее вновь лечь в больницу.

Юра вспоминает:

> В понедельник 17 ноября я вечером договорился с отцом, что утром вызовем врача из районной поликлиники, чтобы тот дал направление в больницу.
>
> Последние слова отца, которые он сказал перед моим уходом спать, были такими: “Жаль, что не у всех есть яд…”
>
> Я ни с чем серьезным эту фразу отца не связал.
>
> В три часа ночи раздался звонок в квартиру. Я встал, открыл дверь. Передо мной были врач и сестра из “неотложной помощи”. Такие вызовы отец, когда были перебои с сердцем, иногда делал.
>
> Я показал комнату отца и пошел в свою накинуть на себя что-нибудь. Вдруг слышу грубый голос сестры: “А больной-то где?”
>
> Недоумевая, иду к ним.
>
> Когда я зашел, его там действительно не было. Я зачем-то бросился на лоджию в соседнюю комнату – никого.

Вбежав снова в комнату отца, я вдруг увидел приоткрытую узкую створку оконной рамы и несколько листков бумаги на письменном столе. К этому мгновению врач все понял, я же еще не мог ничего осознать. “Пойдемте вниз”, – сказал молодой человек, и тут до меня начало доходить.

На лифте мы спустились с десятого этажа, обогнули дом и подошли к месту на уровне квартиры. Под окнами первого этажа была ниша. Врач спустился в нее и вскоре спросил оттуда: “Вы хотите его увидеть?” Я стоял в оцепенении, меня трясло, и я не мог сделать ни одного шага.

Потом мы молча поднялись на наш этаж, и я позвонил в Володину дверь.

Уход из жизни отца этой ноябрьской ночью был для нас неожиданным потрясением – но отнюдь не неожиданным для него самого.

Всю жизнь отец был лидером. Он был незаурядной личностью, поэтому это лидерство ему и не надо было завоевывать. Таким он был от природы, а жизнь его только закаляла. Все это касается и роли в семье, и отношения к окружающим, и его педагогической и журналистской деятельности.

Но вот наступила старость. Не стало мамы. Хотя и находясь в кругу очень любящих его близких, он со временем все более чувствовал одиночество. Ушла работа, наступили новые времена, заставляющие думать и переосмысливать прошлое, его острое писательское перо затуплялось. И тут еще болезни. Он не хотел навязывать себя никому, не мог показывать себя слабым.

Понять все – можно. Преклоняться перед смелостью – нужно. Признать – невыносимо.

А вот что рассказывает Володя:

Вечером 17 ноября я недолго разговаривал с отцом. Он меня быстро отослал. Потом я понял, что он считал меня, по-видимому, более проницательным, чем Юру.

Ночью, поздно, через тонкую стенку, отделявшую мою квартиру от комнаты отца, я слышал, как он звонит, что-то говорит. Так как отец часто сам, не будя Юрки, вызывал “неотложную помощь”, я подумал: опять. Через какое-то время – звук лифта, шаги нескольких людей, звонок. Вскоре шаги обратно и звонок в мою дверь. Юрка.

Я иду за ним. Он говорит с трудом, идет в комнату отца, я за ним: “Отца нет”. Я не понимаю еще. Комната пуста, хорошо прибрана, на письменном столе тоже чисто, и – несколько бумаг. Я вижу записку со словом “окно”.

Немного начинаю понимать, боясь этого. К створке окна привязан камень, обмотанный какой-то тряпкой, чтобы створка закрылась без резкого стука, – это я тоже понимаю позже. Мы читаем записку. Звонок. Милиция. Короткий разговор. Мы отдаем заявление, написанное отцом для милиции. Все в нем внятно, указан даже номер истории болезни и телефон лечащего врача.

Я понимаю, что это заявление заберут, и, слава богу, у меня хватает мозгов, чтобы успеть сделать копию на факсе. Мент что-то пишет, мы подписываем. Он забирает заявление. Просит зайти завтра утром в отделение.

Я очень хорошо представляю отца в последние минуты. Он побеждал. Он уходил хозяином жизни. Он оставался самим собой. Он хотел, чтобы мы им гордились. До последней секунды он хотел оставаться для себя и для всех ПОБЕДИТЕЛЕМ.

Вот что нам написал отец:

17 ноября 1997

Ребята дорогие, меня больше нету. Решил я это еще 3 года назад, а сегодня – взрыв недугов, не оставляющих шансов на сносное житье.

В коробке разные бумаги, документы, деньги. Они понадобятся.

Я вас всех очень люблю и желаю пожить еще на белом свете в здоровье и благополучии.

Обнимаю вас, мои дорогие! Как хорошо, что вчера Матвейчика повидал! *Dixi.*

В кремат. гроб не открывать: пусть останусь в памяти живым.

Только самые близкие.

(А поминки – другое дело.)

Никаких офиц. “представителей” от школы – не надо.

Володик, внимат. прочти хозяйств. шпаргалку: там очень нужные вещи.

Для всех я помер от приступа.

Позвоните сейчас “03”, чтоб вывезли меня с улицы.

М. б., это сделать через деж. 51 отд. милиции?
Позвоните “02”, а там соединят или дадут телефон.
Жаль, что другого способа у меня не нашлось.

Окно

Прощайте, мои родные…
Я спокойно иду на этот шаг.
А что я долго темнил – хотел, чтобы вы как-то подготовились.
Мои дорогие!
В “скорую” позвонил, чтобы могли меня удалить с улицы. Надеюсь, дом из-за позднего времени не всполошится.

Через несколько месяцев после смерти отца братья молча сидели на берегу Пестовского водохранилища, недалеко от той деревни Румянцево, которую отец так любил. Там они рассыпали остатки праха отца – в поле, в воде…

Прошло более двух лет. 23 октября 2000 года у здания Консульства ФРГ в Москве на улице Академика Пилюгина стоял меж дународный автобус. Юра уезжал в Германию. Уезжал один. Провожал Юру Володя. На душе у обоих было тяжело. Но искреннее понимание и дружба братьев как были, так и остались.

В 16.00 автобус тронулся и повез Юру в другую, новую, жизнь.

А через два месяца и одну неделю наступил XXI век.

Каким он будет?

Вкладка

“Живу сейчас только надеждами на поездку в Москву”. Ася Ужет (справа). Витебск, 1926 г.

Асин младший брат Анатолий (Тонька), 1928 г.

Старший брат Леонид (Лёлька), 1926 г.

Ася в доме своего двоюродного брата Марка Вольпе, 1927 г.

Ася в 1931 г. Фото Сергея Третьякова.

Ася – бригадир проходческой бригады Метростроя, она участвовала в проходке тоннелей, в сооружении станций “Сокольники” и “Дворец Советов”, 1935 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Москва, Большая Дмитровка, д. 22

Телефоны: Орг. отд.: 2-97-82, Отд. кадров: 3-45-46, Секретариат: 4-42-34, 4-20-61, МБДКО, 3-15-19 МЭО

29 Декабря 193 2 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Эконом. Бытов. Отдел МГК ВЛКСМ командирует тов. УСЕТ на Хлебозаводы гор. Москвы для ознакомления с работой и проверки выполнения решения Бюро МГК ВЛКСМ о хлебе.-

ЗАВ. ЭКОНОМ. БЫТОВ. ОТД. МГК ВЛКСМ: /Земсков/.-

СТАЛЬНОЙ ОРЛЕНОК

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ТЕМПЫ

роста комсомола— необходимое условие усиления активности комсомольской организации **в борьбе ЗА ПЯТИЛЕТКУ ЗАВОДА В ТРИ ГОДА**

ПИОНЕРЫ з-да в лагерях ПОМОГАЮТ партии и комсомолу в социалистическом переустройстве деревни

Комитету ВЛКСМ

РАПОРТ

о работе лагеря пионеров з-да № 1

Задачи, поставленные перед лагерями в 1931 году, целиком захватили нашу организацию. Основным и решающим моментом нашей работы стала помощь партии и комсомолу по борьбе за урожай 3-го, решающего, года пятилетки. Пионеры завода № 1 все свои силы и знания отдают на дело борьбы за социалистическую перестройку деревни.

Вот что практически успели сделать пионеры на сегодняшний день, работая на МТС и колхозах:

1. Отремонтировано 10 плугов.
2. Пропололи льна —9 га.
3. Окучено капусты —1 га.
4. Пропололи редиски — га.
5. Собрано жмых— 15 штук.
6. Пропололи турнепса—4 га.
7. Подсажено свеклы —¾ га.
8. Пропололи клубники—½ га.
9. На местном лесопильном заводе отремонтировали ранее заброшенные фрезерный станок и вагонетку, отчего тормозилось производство, выпущена газета, устроена [illegible]

4. В колхозах устроили красные уголки.
5. Провели районный слет пионеров с вопросами: задачи пионеров в уборочной кампании и рост организации.
6. Помогли РК ВКП(б) провести и организовать слет колхозников.
7. Дополнительная подписка на заем третьего, решающего по заводу, колхозам и МТС дала 1360 рублей.
8. На всех отрядах проработали производственные планы прикрепленных колхозов.
9. Привлекли колхозников и неорганизованную детвору на массовые прогулки и другие мероприятия.
10. Выделено 10 человек по контрактации молока.
11. Принимали активное участие в дне кооперации.

Наряду с достижениями по общественно-полезной работе мы имеем некоторые достижения по внутрилагерной работе:

1. Проработали речь Сталина и решения 2-го пленума ЦК ВЛКСМ.
2. Проработали вопрос о льготах колхоз-

Закрепление новичков—основная задача роста ВЛКСМ

Необходимо всем звеньям СОЮЗА развернуть массовую работу по немедленному включению всех вновь вступающих в ряды комсомола в общественно-политическую и хозяйственную жизнь, закрепляя их на этой основе, воспитывая в ленинском духе и бодрейшая новые кадры рабочей и трудящейся молодежи в ряды комсомола (Из обращения ЦК ВЛКСМ).

Ремонтный
Новичков 45 ч.
Охвачено общ. раб. 20 „
Учебой 35 „

Цех спец. производ.
Новичков 60 ч.
Охвачено общ. раб. 35 „
Учебой 50 „

Слесарный
Новичков 37 ч.
Охвачено общ. раб. 25 „
Учебой 18 „

Деревообделочный
Новичков 10 ч.
Охвачено общ. раб. 12 „
Учебой 10 „

УЖЕТ—арматурщица цеха спец. производства, вступила в ВЛКСМ, бригадир ударной молодежной бригады, активная комкорка.

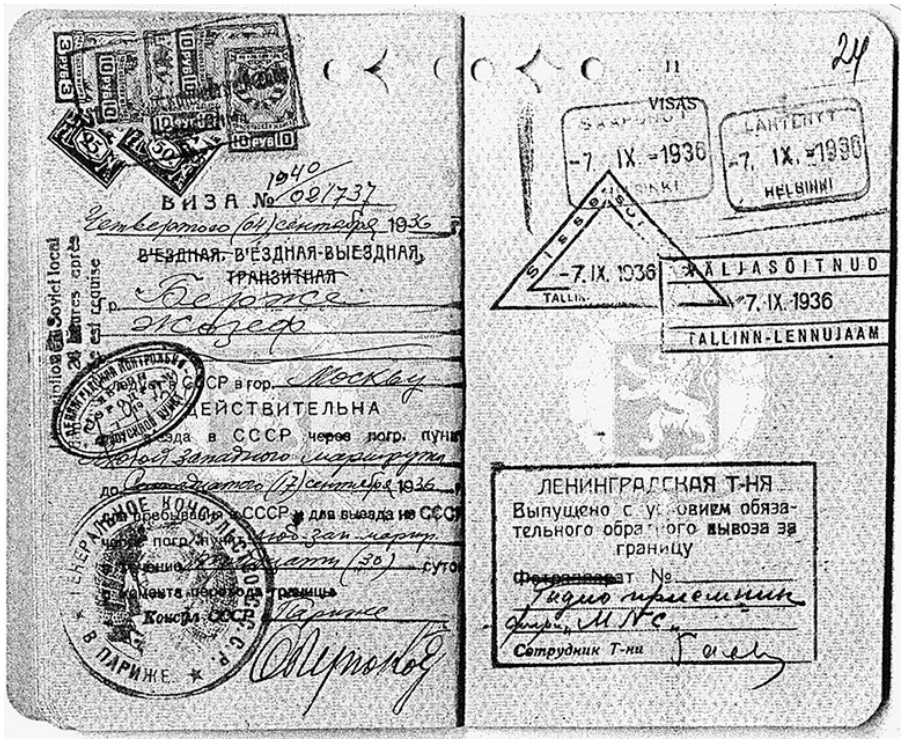
ЗАКРЕПЛЕНИЕ НОВИЧКОВ в ячейках проходит недопустимо слабо

Обращение ЦК ВЛКСМ о борьбе с извращениями в росте комсомола еще недостаточно реализовано отдельными ячейками завода. Так напримеч закрепление по-

Рядом с портретом Аси в заводской газете написано: “Ужет – арматурщица цеха специального производства, вступила в ВЛКСМ, бригадир ударной молодежной бригады, активная комсомолка”.

Ася на подготовительных курсах в Педагогический институт, 1935 г.

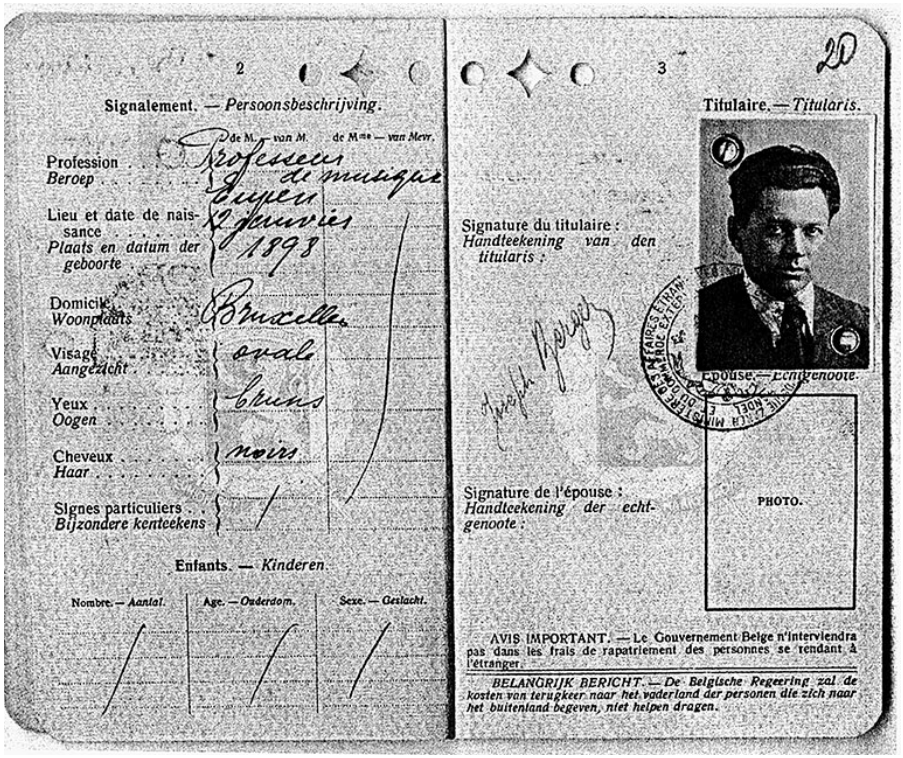
Артур Вальтер, сотрудник Коминтерна, бывает в Москве наездами, он нелегально работает в Польской компартии, 1926 г.



ВИЗА № 091737
1940
Действительна (от) сентября 1936
ВЪЕЗДНАЯ, ВЪЕЗДНАЯ-ВЫЕЗДНАЯ, ТРАНЗИТНАЯ
Гр. Бельгия
Инженер
Выезда из СССР в гор. Москву
ДЕЙСТВИТЕЛЬНА
Въезда в СССР через погр. пункт Граница Западного маршрута
до Сентября (17) 1936
Для пребывания в СССР и для выезда из СССР через погр. пункт Граница Западного маршрута
срок (30) суток
Консул СССР
Париже
В ПАРИЖЕ

VISAS
-7. IX. 1936
HELSINKI
-7. IX. 1936
HELSINKI
-7. IX. 1936
TALLIN
-7. IX. 1936
TALLINN-LENNUJAAM

ЛЕНИНГРАДСКАЯ Т-НЯ
Выпущено с условием обязательного обратного вывоза за границу
Фотограф-аат №
Гидро прессинг
Зав. „М Пс"
Сотрудник Т-ни



2

Signalement. — *Persoonsbeschrijving.*

de M. — *van M.* de Mme — *van Mevr.*

Profession / *Beroep*: Professeur de musique

Lieu et date de naissance / *Plaats en datum der geboorte*: Liège 12 janvier 1898

Domicile / *Woonplaats*: Bruxelles

Visage / *Aangezicht*: ovale

Yeux / *Oogen*: bruns

Cheveux / *Haar*: noirs

Signes particuliers / *Bijzondere kenteekens*: /

Enfants. — *Kinderen*

Nombre. — *Aantal.*	Age. — *Ouderdom.*	Sexe. — *Geslacht.*
/	/	/

3

Titulaire. — *Titularis.*

Signature du titulaire : / *Handteekening van den titularis :*

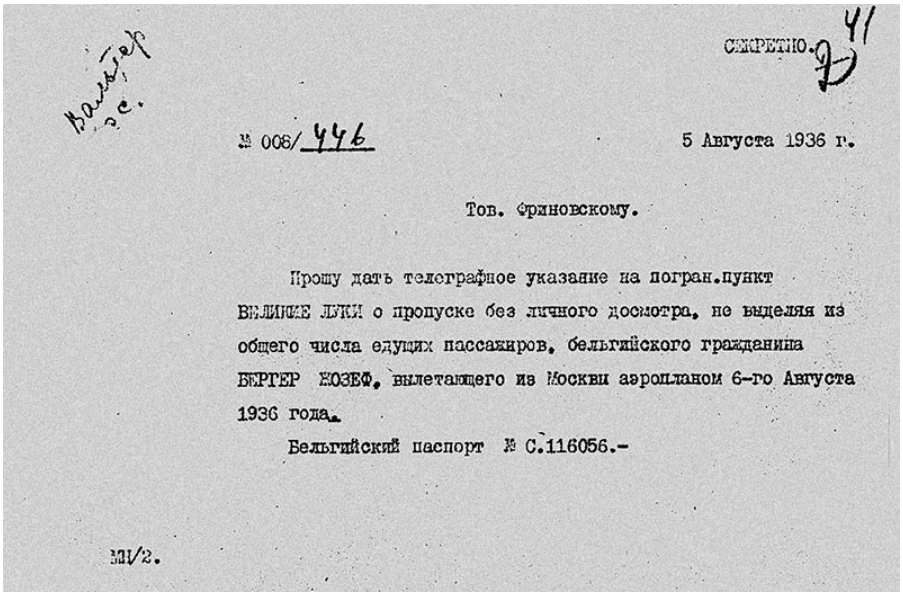
Epouse. — *Echtgenoote.*

Signature de l'épouse : / *Handteekening der echtgenoote :*

PHOTO.

AVIS IMPORTANT. — Le Gouvernement Belge n'interviendra pas dans les frais de rapatriement des personnes se rendant à l'étranger.

BELANGRIJK BERICHT. — De Belgische Regeering zal de kosten van terugkeer naar het vaderland der personen die zich naar het buitenland begeven, niet helpen dragen.



Вальтер
2 с.

СЕКРЕТНО. 41

№ 006/ 446 5 Августа 1936 г.

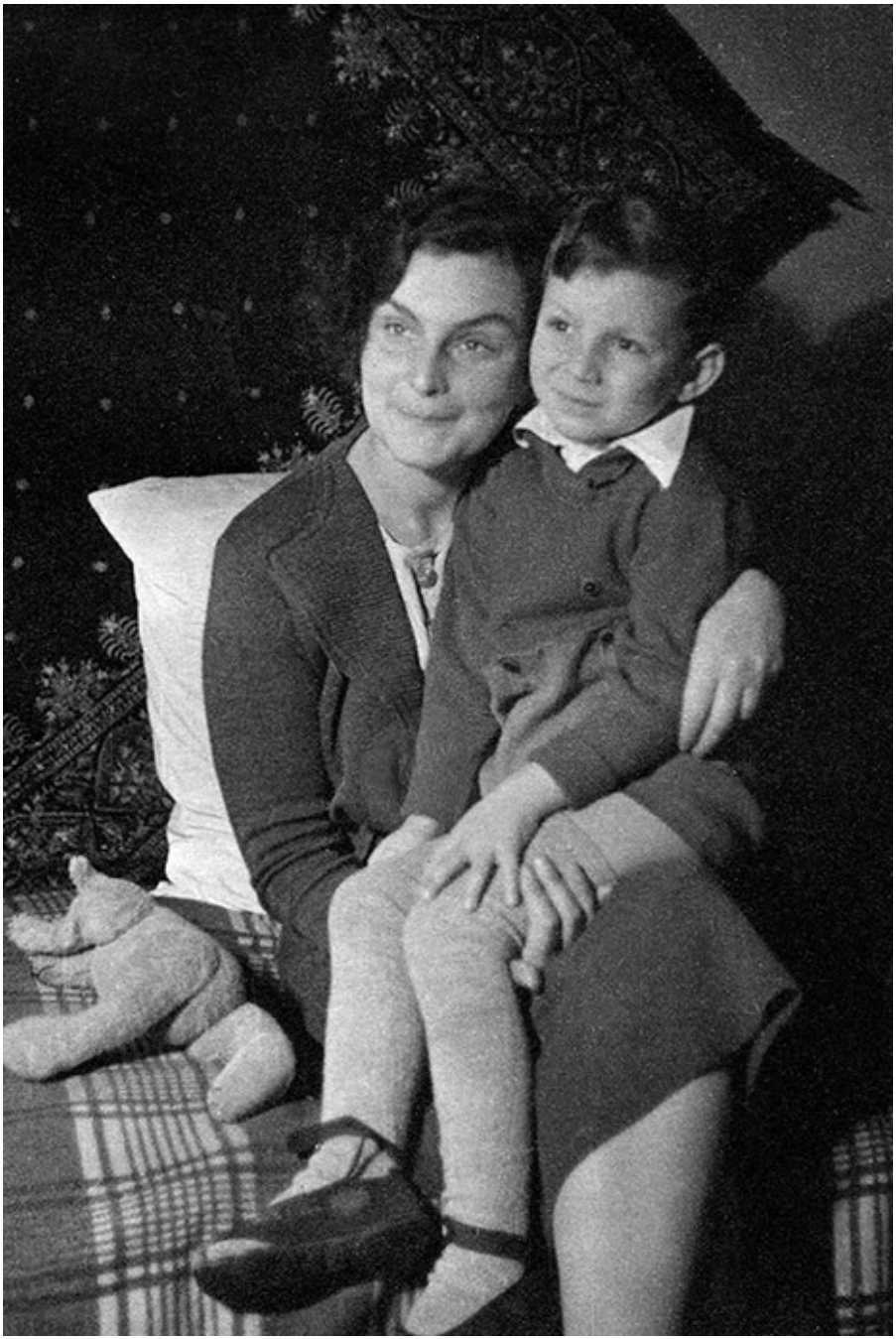
Тов. Фриновскому.

Прошу дать телеграфное указание на погран.пункт ВЕЛИКИЕ ЛУКИ о пропуске без личного досмотра, не выделяя из общего числа едущих пассажиров, бельгийского гражданина БЕРГЕР ЮЗЕФ, вылетающего из Москвы аэропланом 6-го Августа 1936 года.

Бельгийский паспорт № С.116056.-

МИ/2.

С этими документами на имя Жозефа Берже отправился в свою последнюю загранкомандировку Артур Вальтер, 1936 г.



Ася с Юрой, 1936 г. На обороте написано: “Не забывайте нас”. Эту фотографию Артур взял в последнюю командировку.

Последняя фотография Артура Вальтера перед арестом, 1936 г.

Исп. вх. №.....

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

Гр-ке УЭЕТ Анне Львовне

Москва, 43, ул. Первомайская,
дом 42, кв. I.

8 марта 1956 г.
№ 4/5-55874-55

Москва, ул. Кирова, 41.

Сообщаю, что дело по обвинению Вальтера Артура Яковлевича проверено.

Проверкой установлено, что Вальтер был арестован необоснованно.

Постановлением Следственного Управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 24 февраля 1956 года дело в отношении Вальтера прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

В ответе ссылайтесь на номер и дату

Справка о его реабилитации, выданная через 20 лет.

Миша Ценципер (сидит в среднем ряду третий слева) – преподаватель в школе для неграмотных, Севастополь, 1925 г.

Слева: Миша (сидит слева) – преподаватель физики в пулеметной роте. Севастополь, 1929

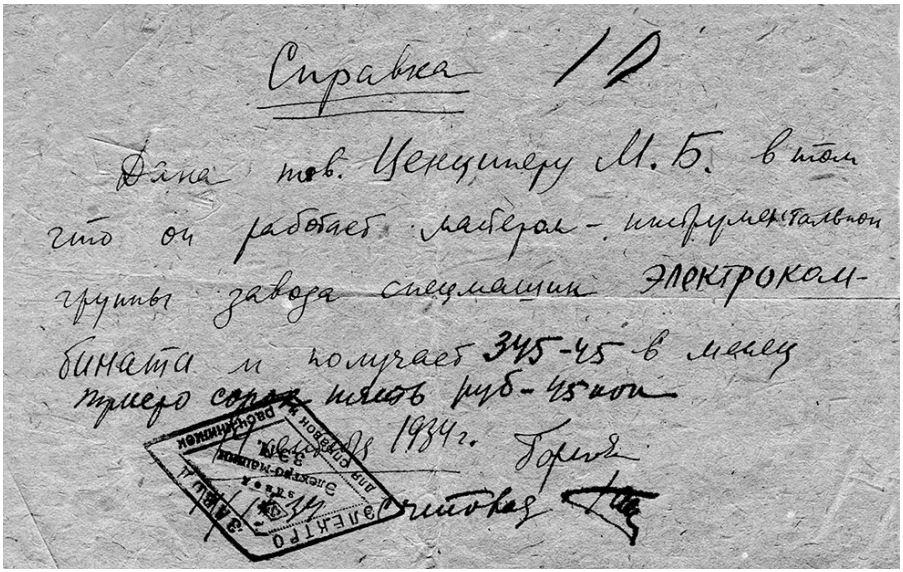
Миша (слева) с сестрой Адой и братом Самуилом, 1930 г.

2 сентября 1932 года родился Юра. Артур увидел его только через два года.

Отец Аси. Аким-Лейба Ужек, 1932 г.

Берта, 1940 г.

Миша (в центре) – бригадир слесарей-инструментальщиков на “Электрозаводе” в Москве, 1933 г.



Справка 12

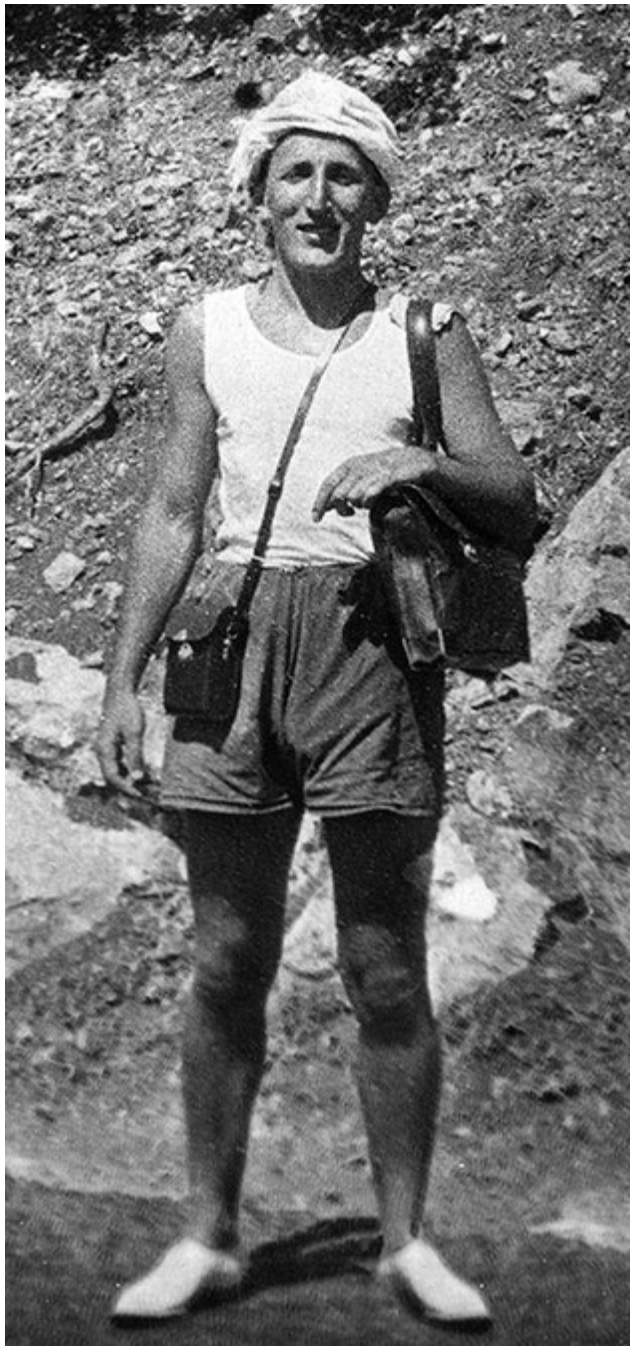
Дана тов. Цендлеру М. Б. в том что он работает мастером - инструментальной группы завода специальных электрокомбината и получает 345-45 в месяц триста сорок пять руб-45 коп

1934 г. Борисов

Миша (в центре) в редакции стенгазеты “Рубильник”, 1934 г.

Миша поступает в тот же институт, что и Ася, 1935 г.

Миша, Ася и Адочка в Севастополе, 1936 г.



“Я так одуреваю от всех щедростей Крыма, что прихожу домой, беру томик Маяковского и ору, и горланю его звенящие стихи”, 1936 г.

1 ЯНВАРЯ

С новым, счастливым, советским годом!

1937

ДВАДЦАТЫЙ ГОД
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Марк Вольпе.

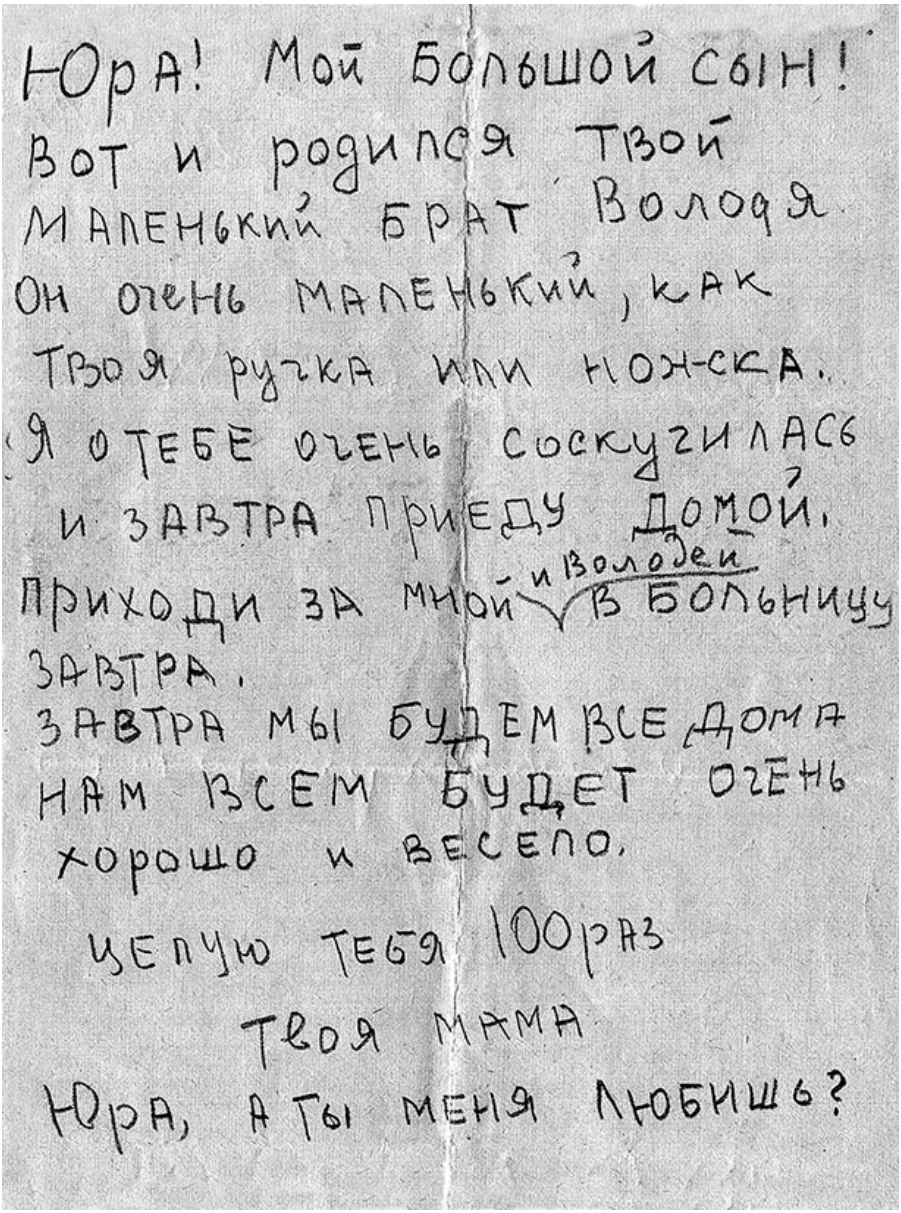
Георгий Иссерсон.

Берта Даниэль.

Анна Разумова (Хигерович).

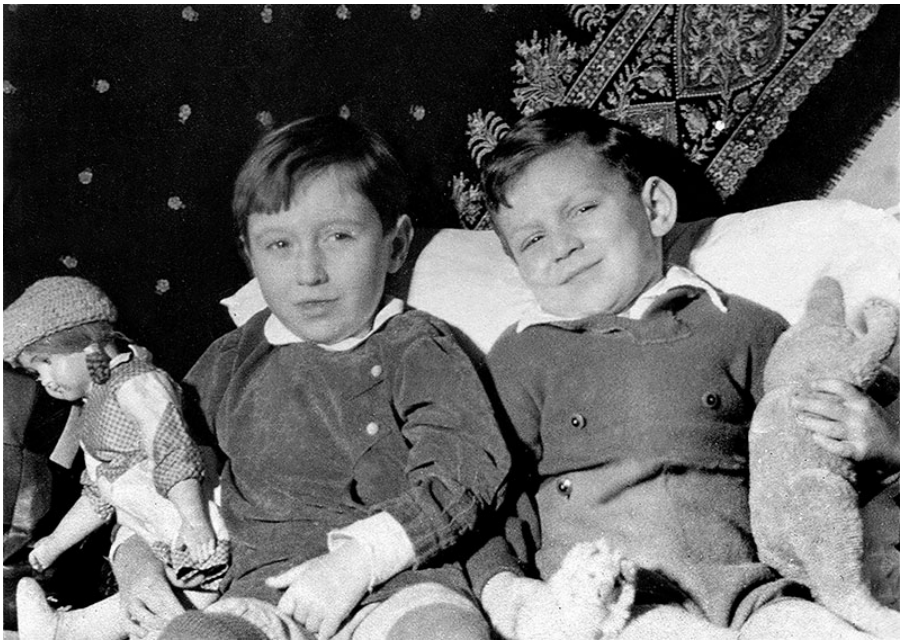
Юзек Адамович и Сонечка Шамардина, ок. 1934 г.

Галя Федулова (жена Марка Вольпе), Ася Ужет, Николай (известно только, что он был разведчиком) и Котя Федулова (жена Георгия Иссерсона), ок. 1935 г.


Юра! Мой большой сын!
Вот и родился Твой
маленький брат Володя.
Он очень маленький, как
Твоя ручка или ножка.
Я о тебе очень соскучилась
и завтра приеду домой.
Приходи за мной и Володей в больницу
завтра.
Завтра мы будем все дома
нам всем будет очень
хорошо и весело.
Целую тебя 100 раз
Твоя мама
Юра, а ты меня любишь?

Записка, посланная Асей из роддома Юре.

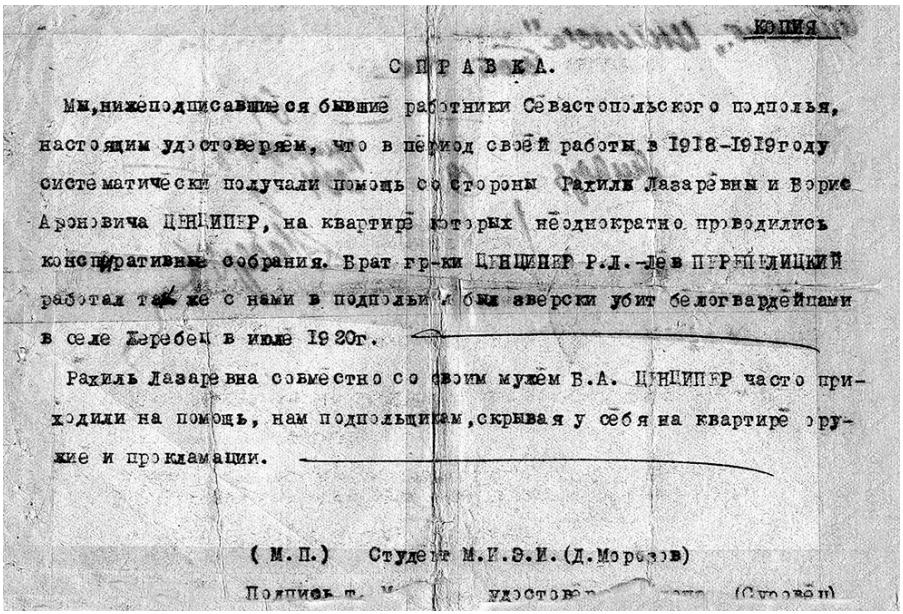
Ася с Володей, 1938 г.



Юра с подругой детства Олей Форнальской, 1936 г.

Юре почти пять лет, 1936 г.

Володя впервые в Севастополе. С бабушкой Рахилью и дедушкой Борисом Ценциперами, 1938 г.



копия

С П Р А В К А.

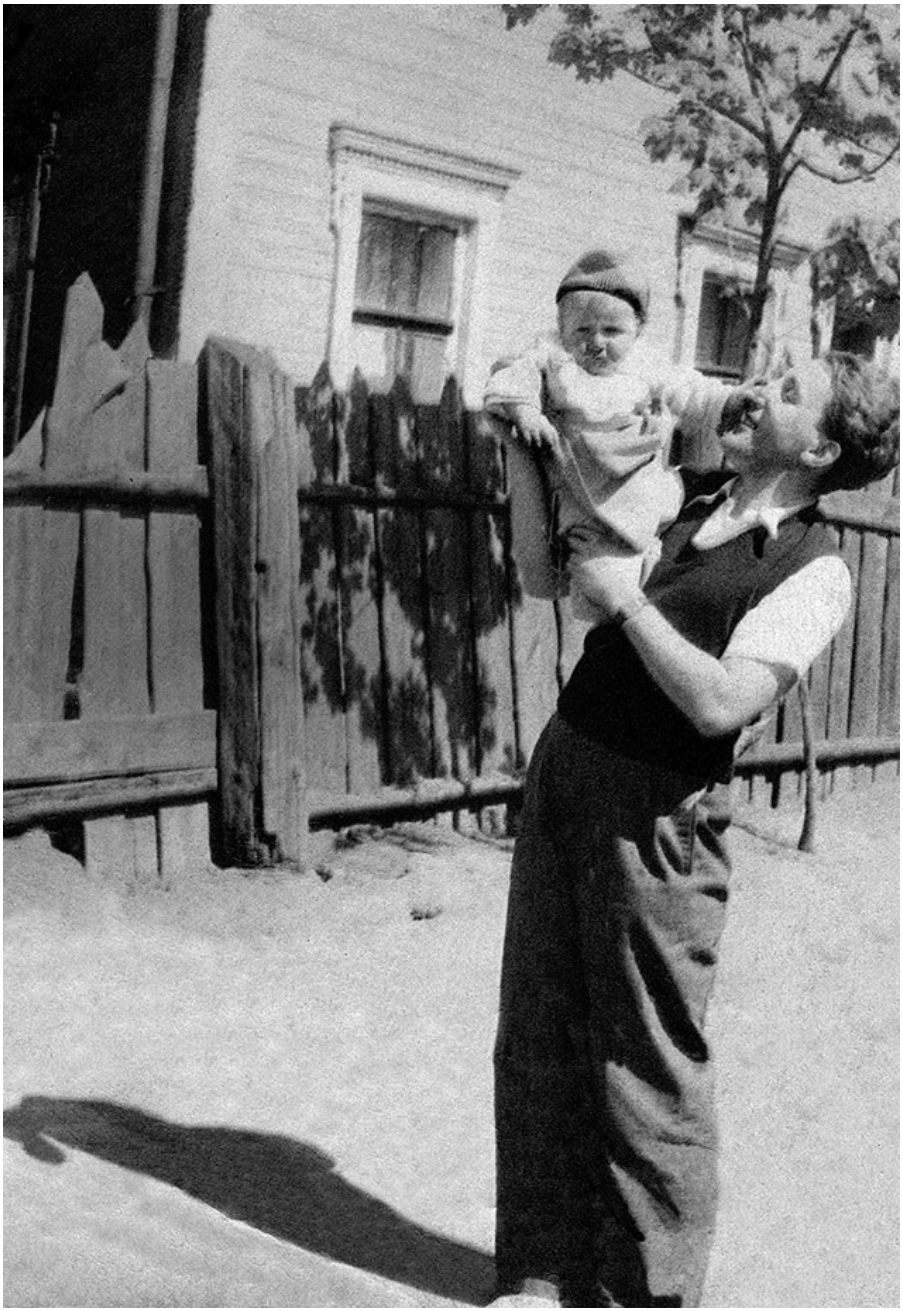
Мы, нижеподписавшиеся бывшие работники Севастопольского подполья, настоящим удостоверяем, что в период своей работы в 1918–1919 году систематически получали помощь со стороны Рахили Лазаревны и Бориса Ароновича ЦЕНЦИПЕР, на квартире которых неоднократно проводились конспиративные собрания. Брат гр-ки ЦЕНЦИПЕР Р.Л. – Лев ПЕРЕЛЬМАН работал также с нами в подполье и был зверски убит белогвардейцами в селе Дерибец в июле 1920г.

Рахиль Лазаревна совместно со своим мужем Б.А. ЦЕНЦИПЕР часто приходили на помощь нам подпольщикам, скрывая у себя на квартире оружие и прокламации.

(М.П.) Студент М.И.Э.И. (Д.Морозов)

Подпись т. [illegible] удостоверяет [illegible] (Справка)

Справка, подтверждающая участие Мишиных родителей в работе севастопольского подполья в 1918–1919 гг.



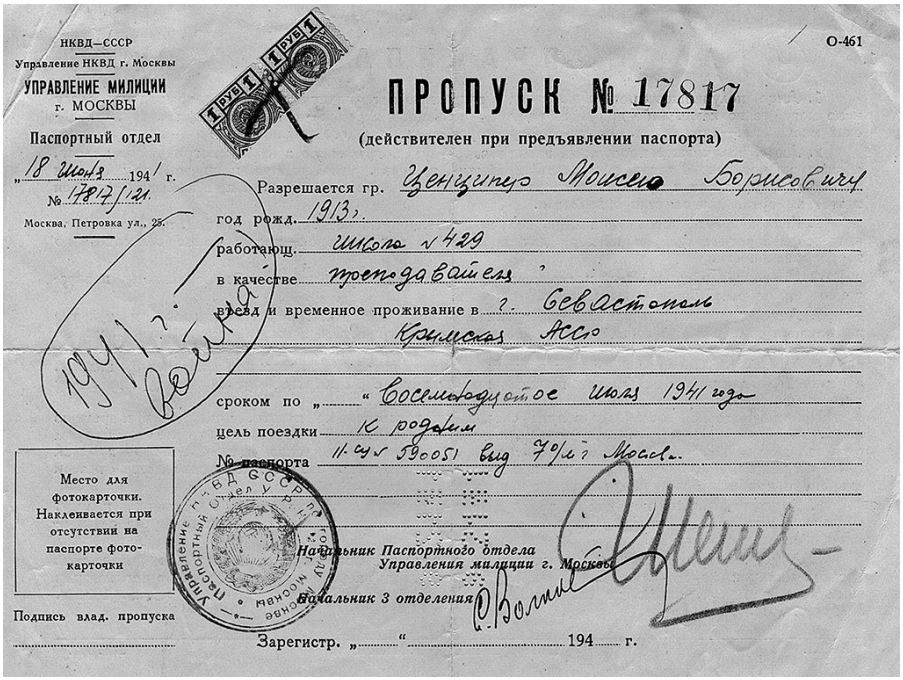
Тогда же в Севастополе с отцом.

Братья во дворе дома в Мининском переулке. Через месяц

начнется война, май 1941 г.

Володя у Большого театра, апрель 1941 г.

Володя, 14 июня 1941 г.



НКВД—СССР
Управление НКВД г. Москвы
УПРАВЛЕНИЕ МИЛИЦИИ
г. МОСКВЫ
Паспортный отдел
„18 июня 194 1 г.
№ 7817/21.
Москва, Петровка ул., 25.

О-461

ПРОПУСК № 17817

(действителен при предъявлении паспорта)

Разрешается гр. Ценципер Моисею Борисовичу
год рожд. 1913,
работающ. школа № 429
в качестве преподаватель
выезд и временное проживание в г. Севастополь
Крымская АССР
сроком по „ « Восемнадцатое июня 1941 года
цель поездки К родным
№ паспорта II-СУ № 590051 выд 7/I г. Москва.

Место для фотокарточки. Наклеивается при отсутствии на паспорте фотокарточки

Подпись влад. пропуска

Начальник Паспортного отдела
Управления милиции г. Москвы
Начальник 3 отделения

Зарегистр. „ “ 194 г.

21 июня Миша поездом “Москва – Севастополь” выехал в Крым к Володе и своим родителям.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР

08/47

25 го ч. м.

Адрес

от бл.

Принял м. ш.

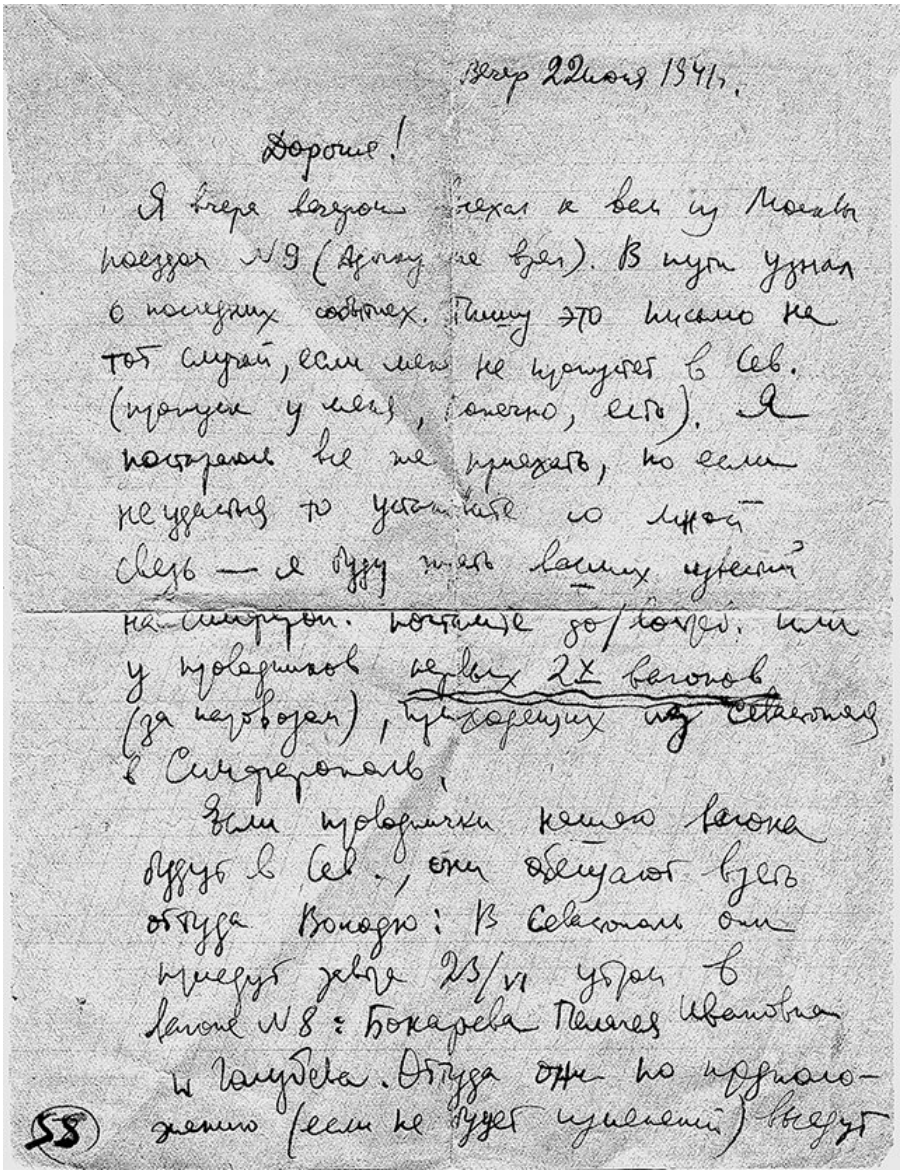
И СЕВАСТОПОЛЯ 46/7 20 24 0824 МОСКВА 114 ЛЕТНИКОВСКАЯ 9

Служебные отметки

ЦЕНЦИПЕРУ

ВСТРЕЧАЙТЕ ЗОЛОДЮ ЧЕМОДАН ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ПОЕЗДОМ ДЕСЯТЬ ВТОРЫМ ИЛИ ДРУГИМ МОСЯ ВЫЕХАЛ СЛЕДУЮЩИМ ЗДОРОВЫ РОДИТЕЛИ

Телеграмма из Севастополя сообщает: скоро Володя и Миша будут опять в Москве, 25 июня 1941 г.



Вчера 22 июня 1941 г.

Дорогие!

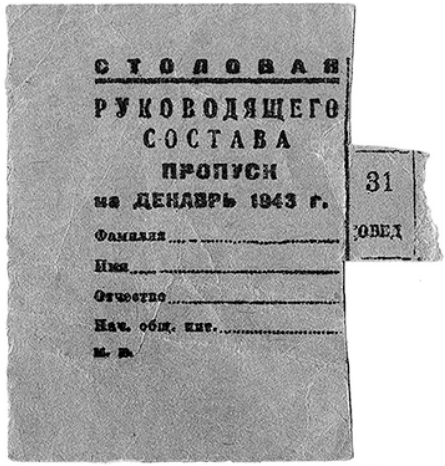
Я вчера вечером ехал к вам из Москвы поездом №9 (дальше не был). В пути узнал о последних событиях. Пишу это письмо на тот случай, если мне не придется в Сев. (пропуск у меня, конечно, есть). Я постараюсь не не приехать, но если не удастся то устроюсь со мной весь — я буду знать ваших адресов на Симферополь. поэтому до/конца, или у проводников первых 2х вагонов (за паровозом), прибывших из Севастополя в Симферополь.

Если проводники моего вагона будут в Сев., они обещали дать оттуда весточку: в Севастополь они приедут завтра 23/VI утром в вагоне №8: Бокарева Пелагея Ивановна и Голубева. Оттуда они по предположению (если не будет изменений) выедут

58

Юра (слева) у модели пулемета. Дербышки, 1943 г.

Юра выдает игры в школьном клубе, 1943 г.

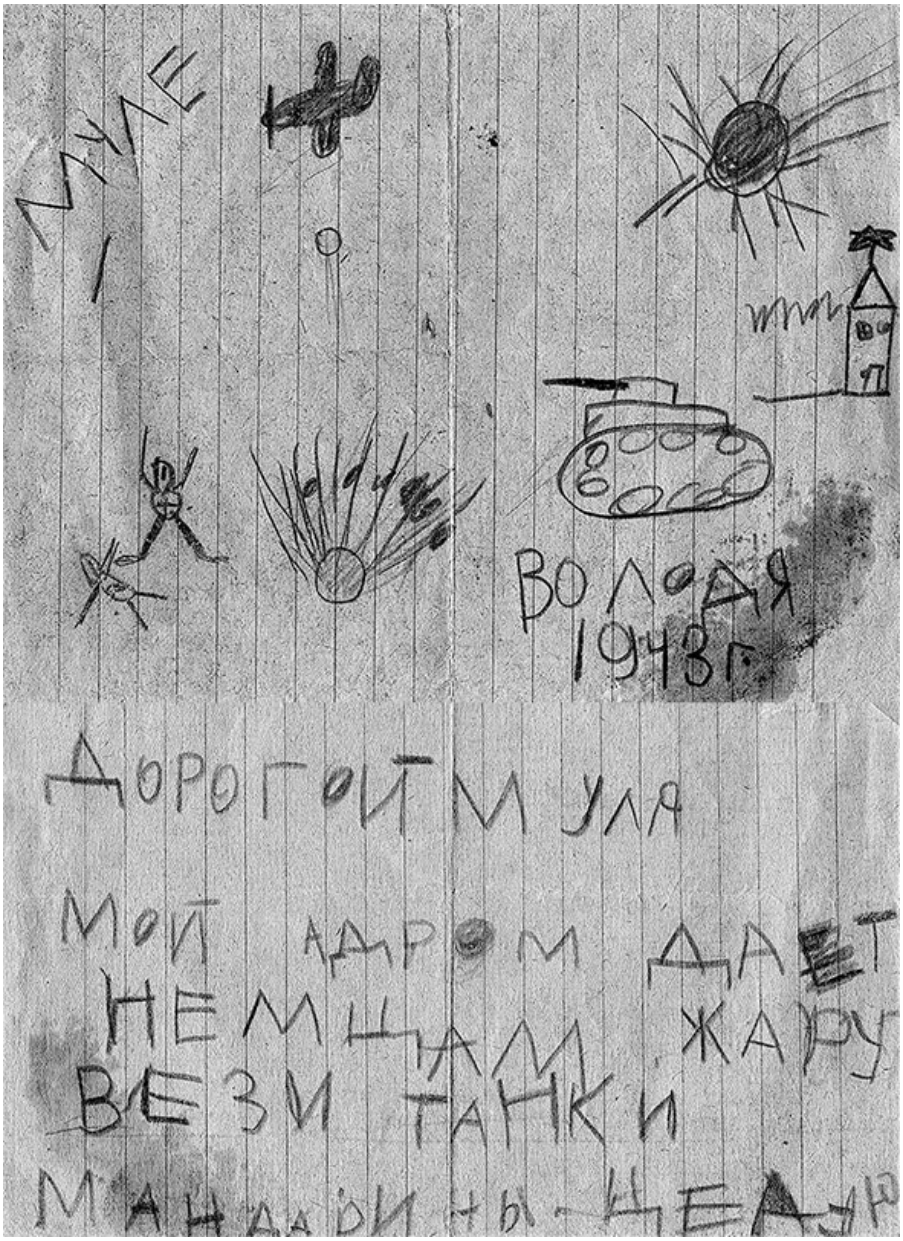


ТАЛОН

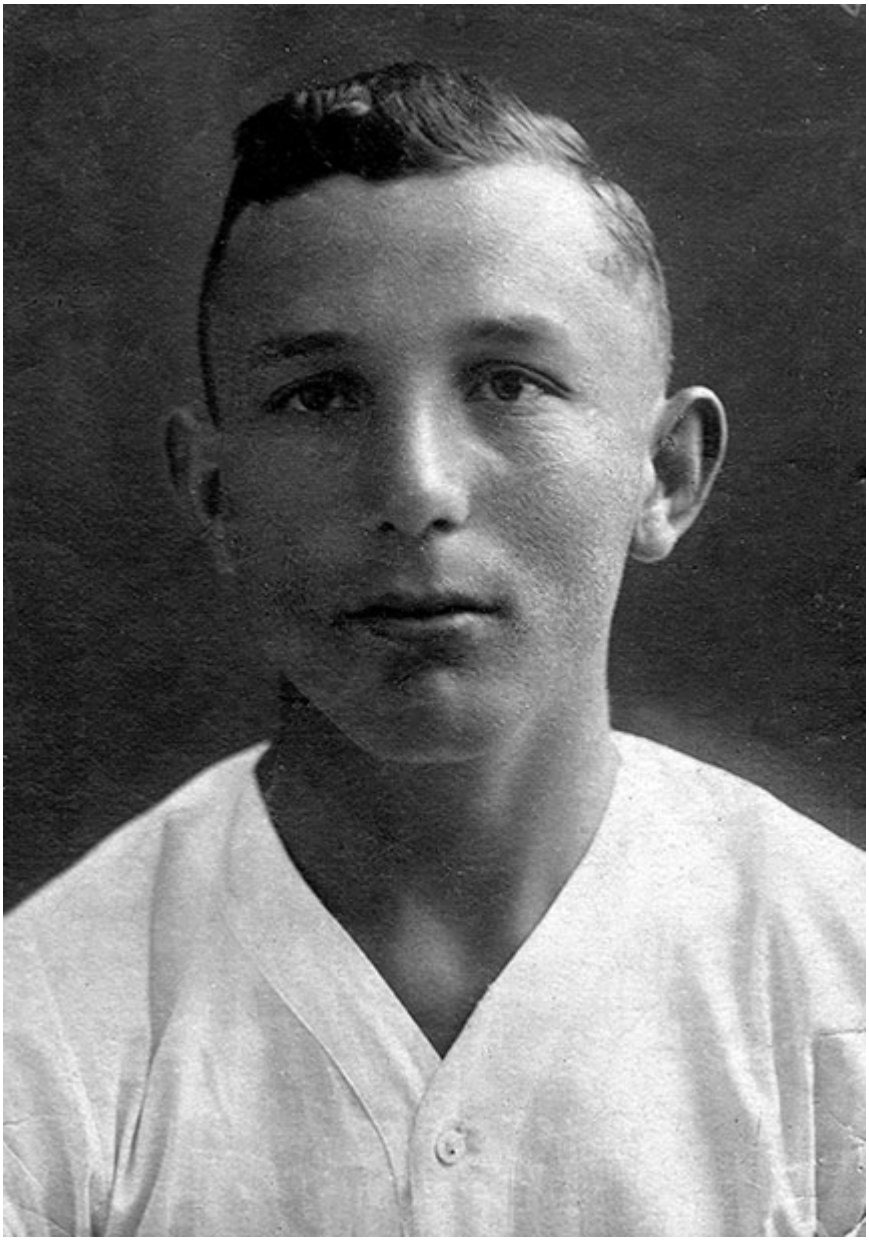
НА ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СНАБЖЕНИЕ
ЗА РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ
в СЕНТЯБРЕ м-це 1942 г.

Цех № _____ Раб. № _____ Фами[illegible]

День рождения Володи, 1943 г.

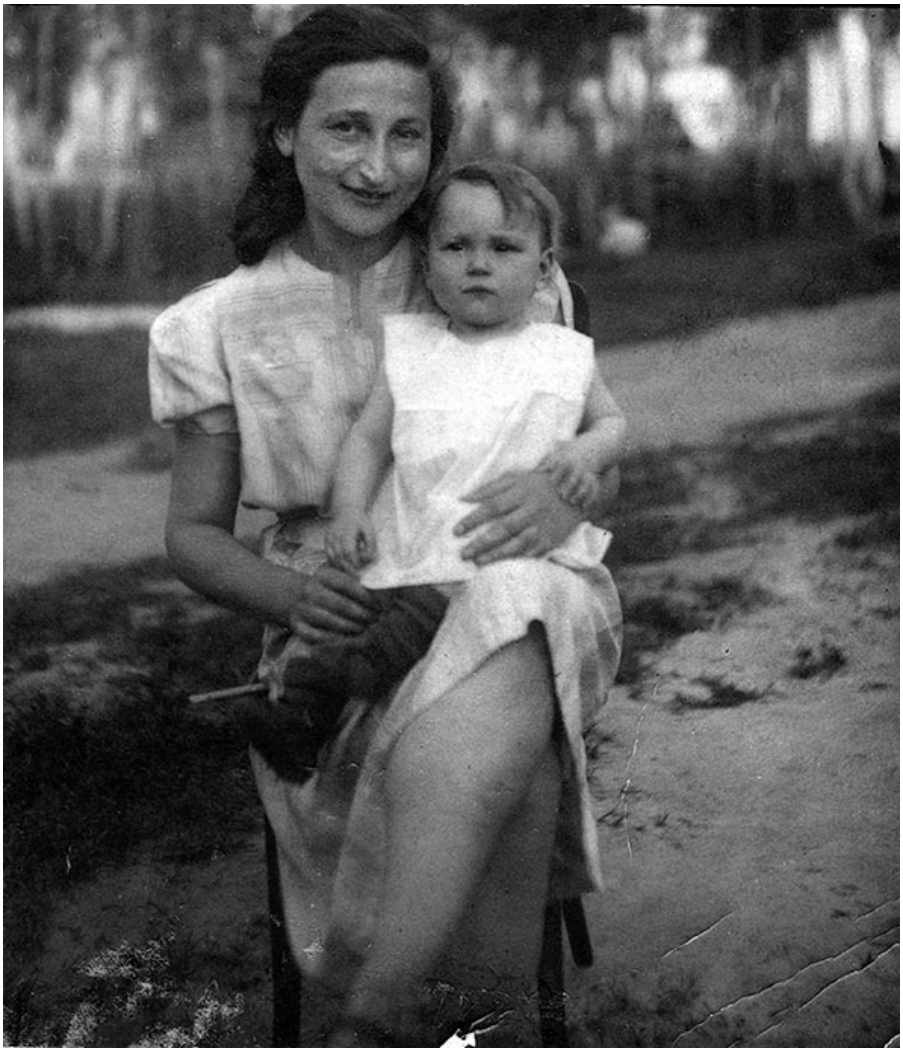


Володя – Муле, 1943 г.

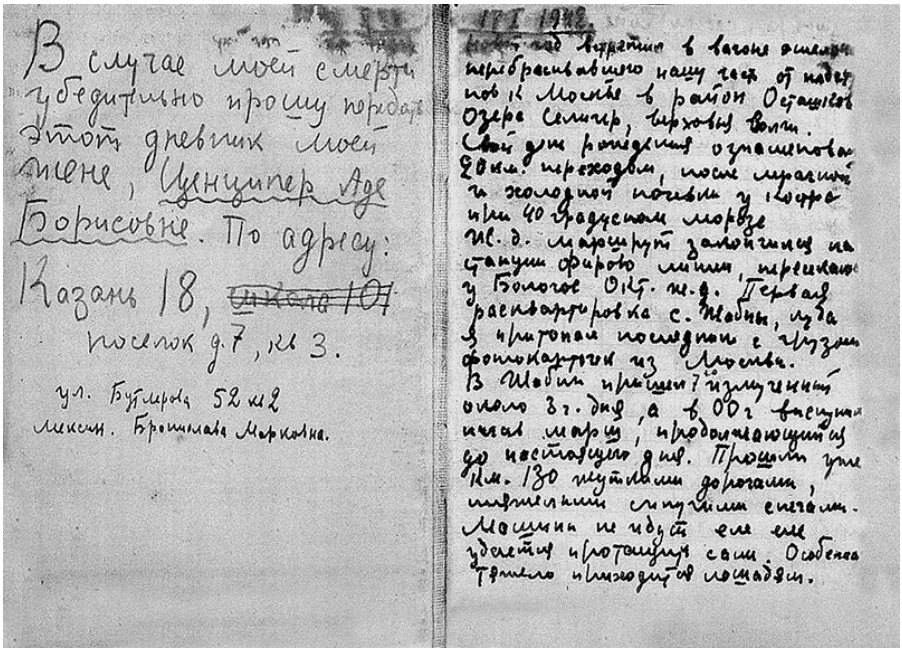


Самуил (Муля) Ценципер в госпитале в городе Поти, 1943 г.

Муж Ады Евгений Еремин. Действующая армия, 1942 г.



Адочка с Иринкой. На обороте Е. Еремин написал: “Эту фотографию я получил в феврале 1942 г. в блиндаже под обстрелом”.



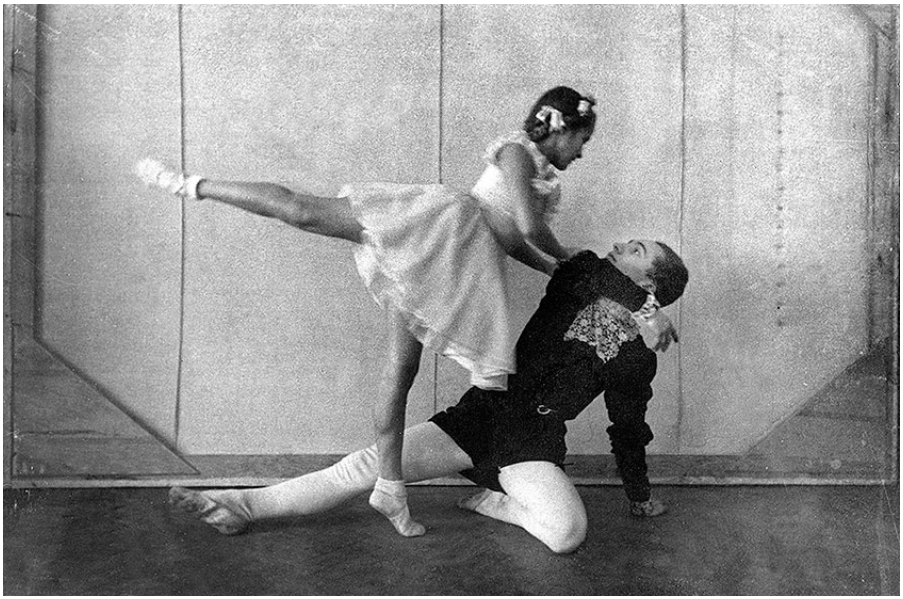
В случае моей смерти убедительно прошу передать этот дневник моей жене, Цинципер Аде Борисовне. По адресу: Казань 18, ~~школа 107~~ поселок д. 7, кв 3.

ул. Бутлерова 52 кв
Лексин. Брошмала Маркелна.

1 I 1942

Военный дневник Е. Еремина.

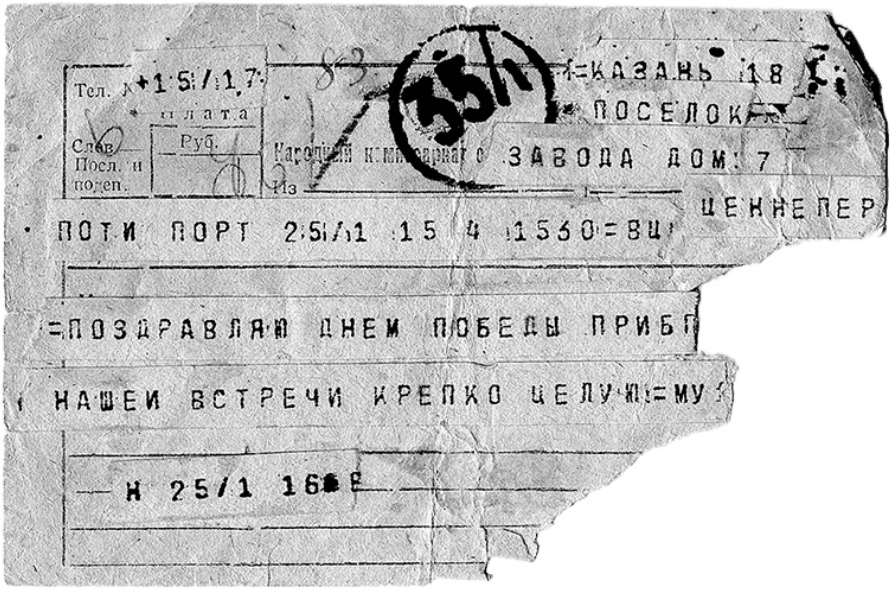
У знамени. Такая фотография – форма поощрения за отличную работу. Отец – директор школы № 101 в Дербышках, мама – учитель истории, 1943 г.



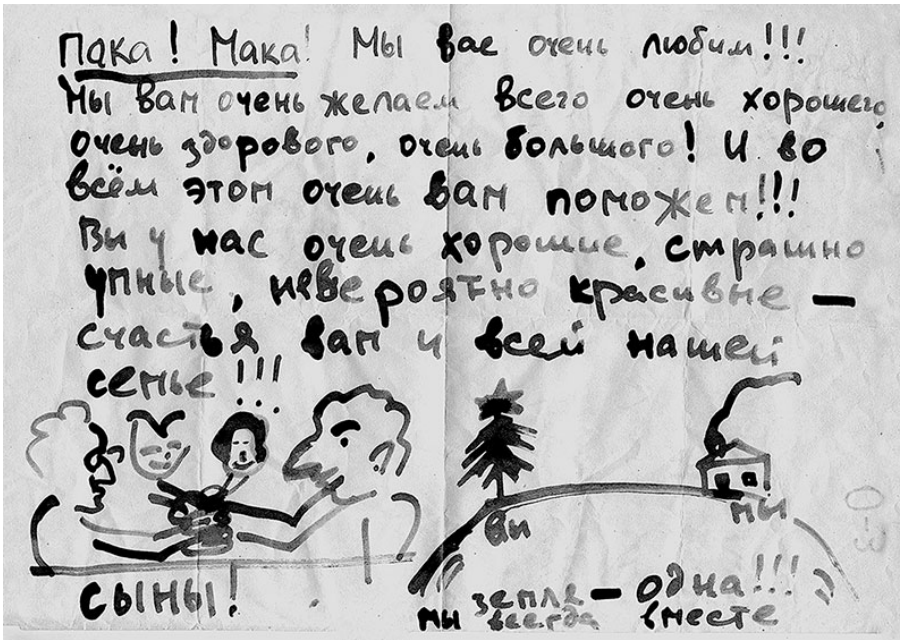
Балет в дербышкинской школе № 101: Аркадий Тевьян (8-й класс) и Эля Смирнова (5-й класс), 1943 г.

Разбор оружия. На занятиях ученики 5-го класса, 1942 г.

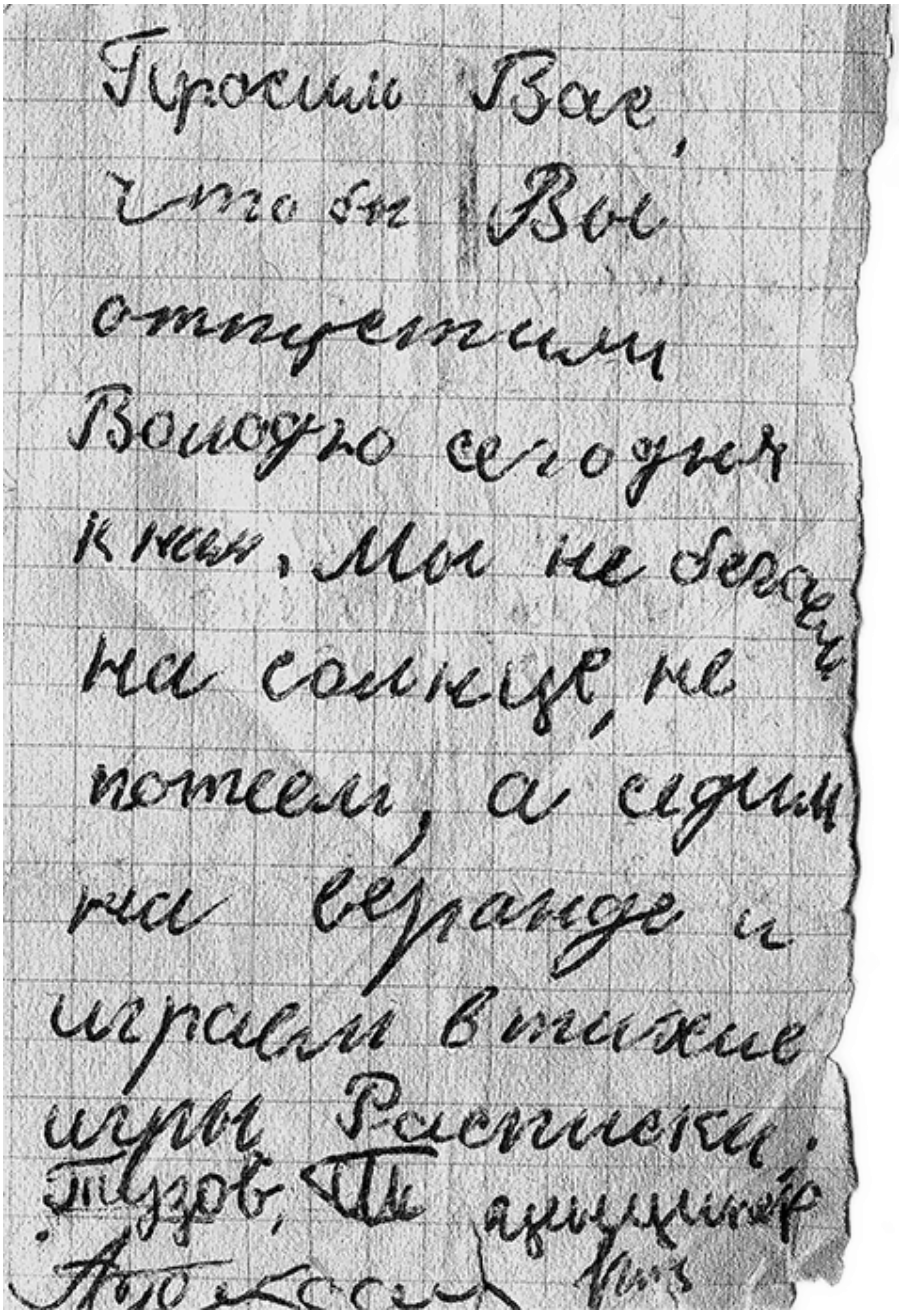
Майор Леонид Ужек. Прага, 1945 г.



Тел. № +1 5 1 1 7
плата
Слав. Посл. и подеп.
Руб.
Народный комиссариат
Из
83
351
=КАЗАНЬ 18
ПОСЕЛОК
ЗАВОДА ДОМ 7
ЦЕННЕПЕР
ПОТИ ПОРТ 25/1 15 4 1530=ВЦ
=ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ ПОБЕДЫ ПРИБ
НАШЕЙ ВСТРЕЧИ КРЕПКО ЦЕЛУЮ=МУ
Н 25/1 16



Пака! Мака! Мы вас очень любим!!!
Мы вам очень желаем всего очень хорошего,
очень здорового, очень большого! И во
всём этом очень вам поможем!!!
Вы у нас очень хорошие, страшно
умные, невероятно красивые —
счастья вам и всей нашей
семье!!!
Сыны!
Ви
ни
мы земля всегда вместе — одна!!!



Записка от Володиных друзей его родителям.

Иринка и Володя с бабушкой Рахилью во дворе школы, 1946 г.

Иринка со своим отцом и дядей Ашуней, 1947 г.

Московское городское бюро продовольственных и промтоварных карточек

СТАНДАРТНАЯ СПРАВКА **Ш-К**

для получения карточек на январь 1948 г.

мужч. Бутягинер Ю. С.

пол фамилия, имя, отчество год рождения

Паспорт №

прописан в доме № 12

кв. № 1 ул. Первомайская

пер.

ул. Сивцев р-н

М. П. Управдом подпись

Средняя школа №

класс

Учрежд. предпр. или учреждения

подпись

м. п.

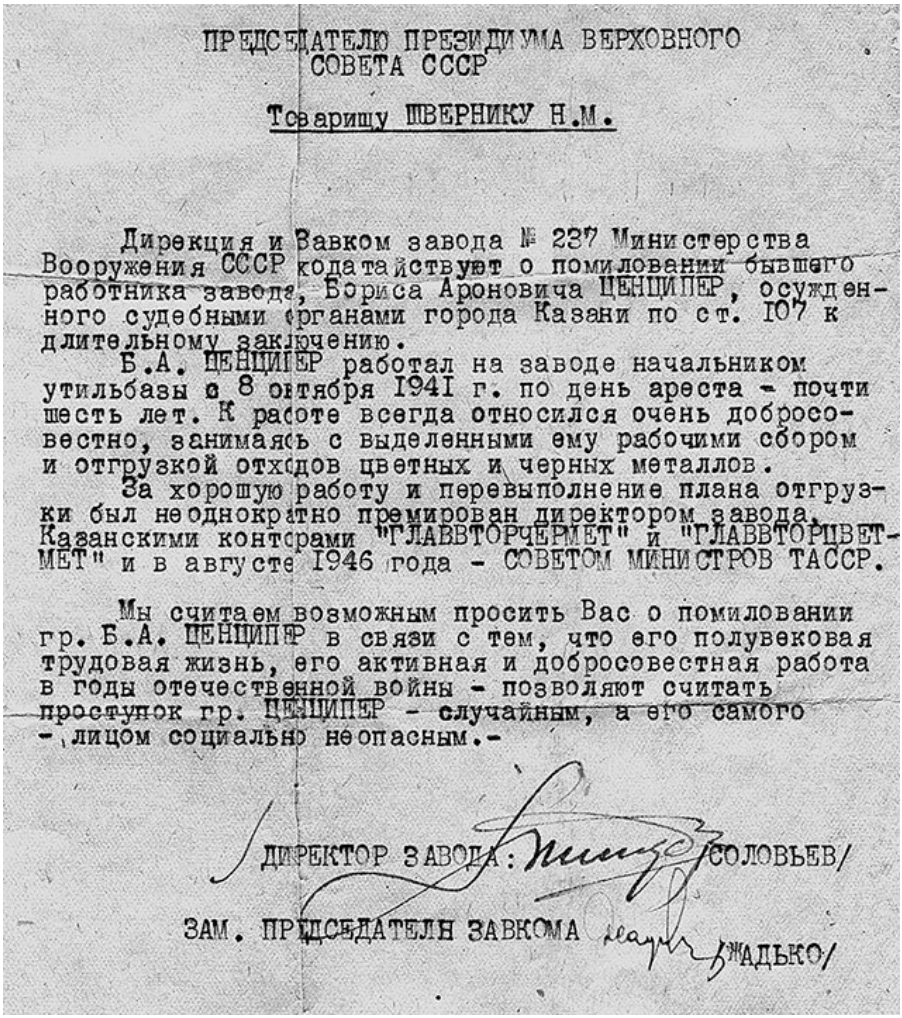
Выдана карточка по группе

"

Картсборщ. подпись

При утере не возобновляется

Справка для получения карточек, 1948 г.



ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Товарищу ШВЕРНИКУ Н.М.

Дирекция и Завком завода № 237 Министерства Вооружения СССР ходатайствуют о помиловании бывшего работника завода, Бориса Ароновича ЦЕНЦИПЕР, осужденного судебными органами города Казани по ст. 107 к длительному заключению.

Б.А. ЦЕНЦИПЕР работал на заводе начальником утильбазы с 8 октября 1941 г. по день ареста - почти шесть лет. К работе всегда относился очень добросовестно, занимаясь с выделенными ему рабочими сбором и отгрузкой отходов цветных и черных металлов.

За хорошую работу и перевыполнение плана отгрузки был неоднократно премирован директором завода, Казанскими конторами "ГЛАВВТОРЧЕРМЕТ" и "ГЛАВВТОРЦВЕТМЕТ" и в августе 1946 года - СОВЕТОМ МИНИСТРОВ ТАССР.

Мы считаем возможным просить Вас о помиловании гр. Б.А. ЦЕНЦИПЕР в связи с тем, что его полувековая трудовая жизнь, его активная и добросовестная работа в годы отечественной войны - позволяют считать проступок гр. ЦЕНЦИПЕР - случайным, а его самого - лицом социально неопасным.-

ДИРЕКТОР ЗАВОДА: /СОЛОВЬЕВ/

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЗАВКОМА /ЖАДЬКО/

Руководство завода ходатайствует о помиловании Б. А. Ценципера, 1947 г.

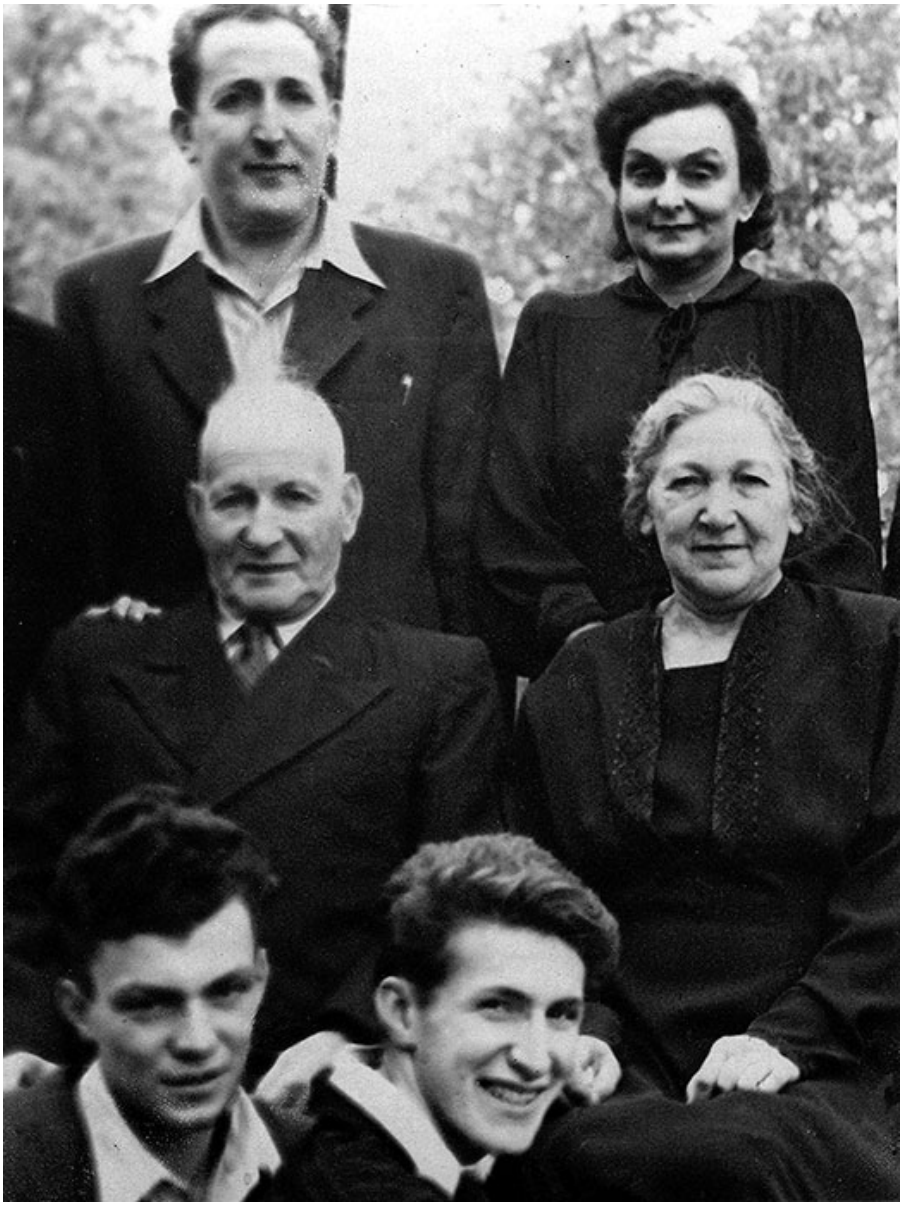
Школа позади, Юра выбирает институт, 1949 г.

Юра и Иринка в Прибалтике, 1954 г.

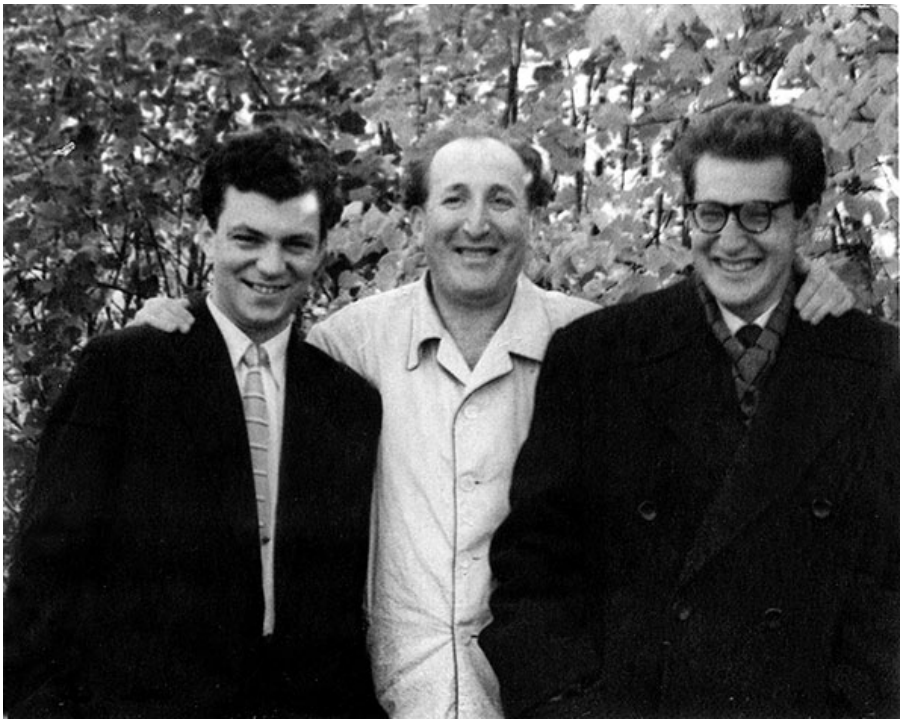
1956 г.: Володя на том же месте, что и в апреле 1941-го.

Награждение в Кремле. В центре для антуража – красный конник Семен Буденный. Мама – крайняя справа, отец – четвертый справа, 1954 г.

М. Ценципер – директор школы № 437, 1956 г.



Вся семья: отец и мама, бабушка и дедушка, Юра и Володя, 1955 г.



Юра и Володя у отца в больнице, 1958 г.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА

ЗА ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

ЦК ВЛКСМ

Выдана Сталинским ~~горкомом~~ райкомом комсомола тов. Центнер Владимир Михайлович

в том, что он в ответ на призыв Центрального Комитета ВЛКСМ изъявил добровольное желание и направляется на уборку урожая в районах освоения целинных и залежных земель в 1958 году.

Секретарь горкома (райкома) комсомола

Комсомольская путевка на целину, 1958 г.

Володя принимает воинскую присягу. Рядом лейтенант, который помог Володе вылететь из института. Ковров, 1960 г.

Володя и Юра. 1960 г.

Юра – за “Динамо”, Володя – за ЦСКА. На футбол в Лужники, 1962 г.

Володя сидит, Юра везет. Байкал, 1964 г.

Иринка с родителями, 1960 г.

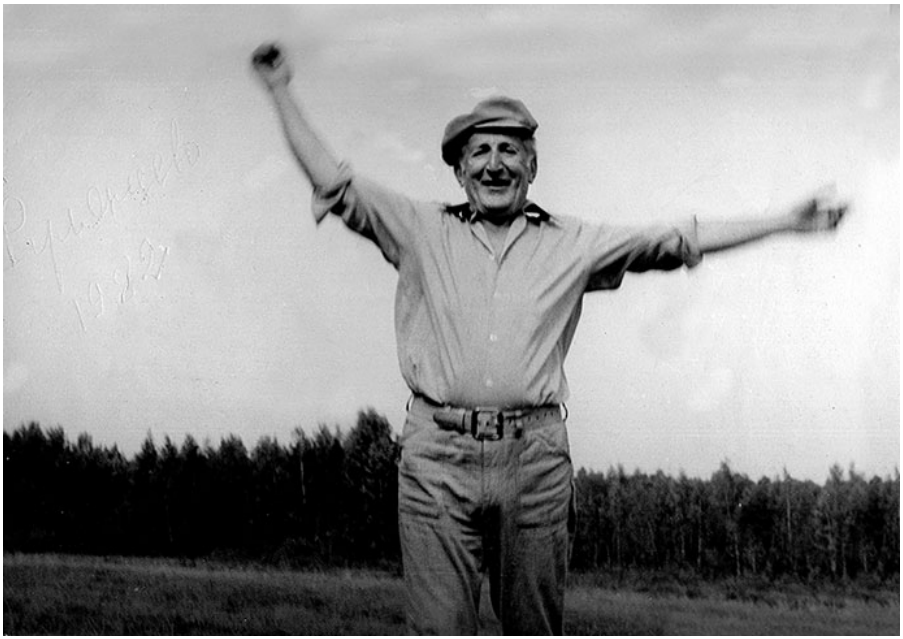
Отец и мама. Больниц было много.

Володя – старший пионервожатый в лагере “Восток-2”. Верея, 1967 г.

Последний раз вместе в родном Севастополе. Тарас, Адочка и Миша, 1970 г.

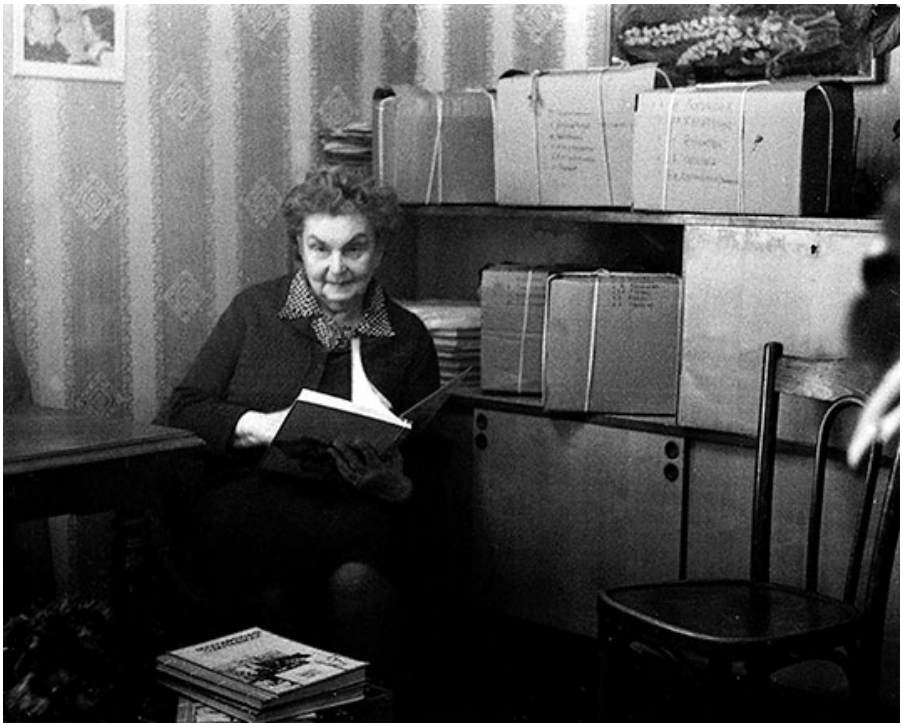
Начало учебного года, 1975 г.

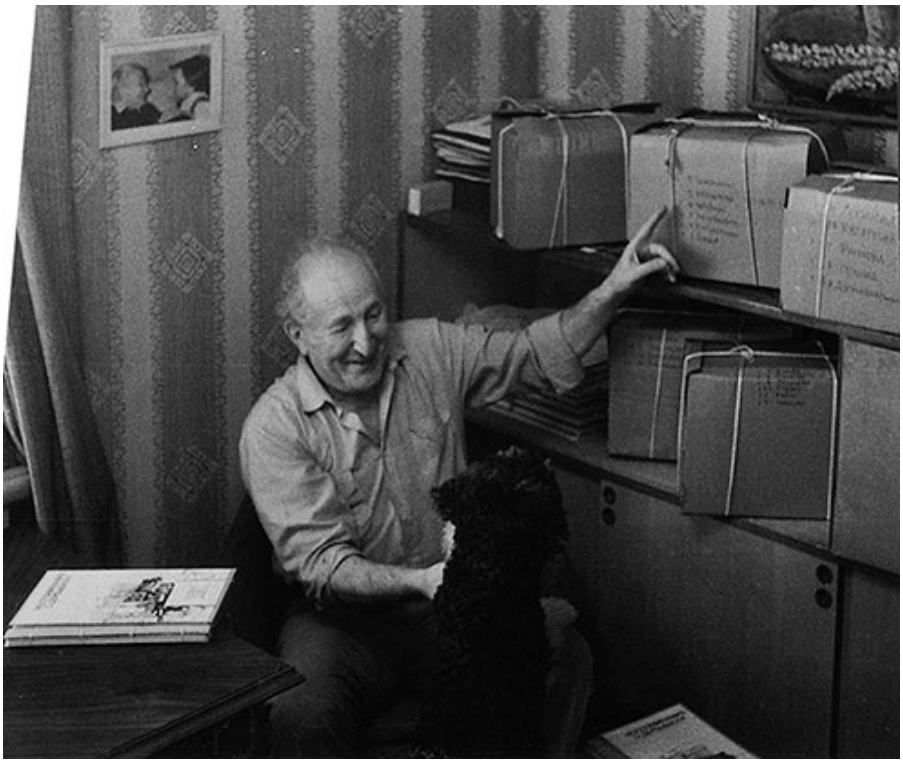
Юра на отдыхе, 1981 г.

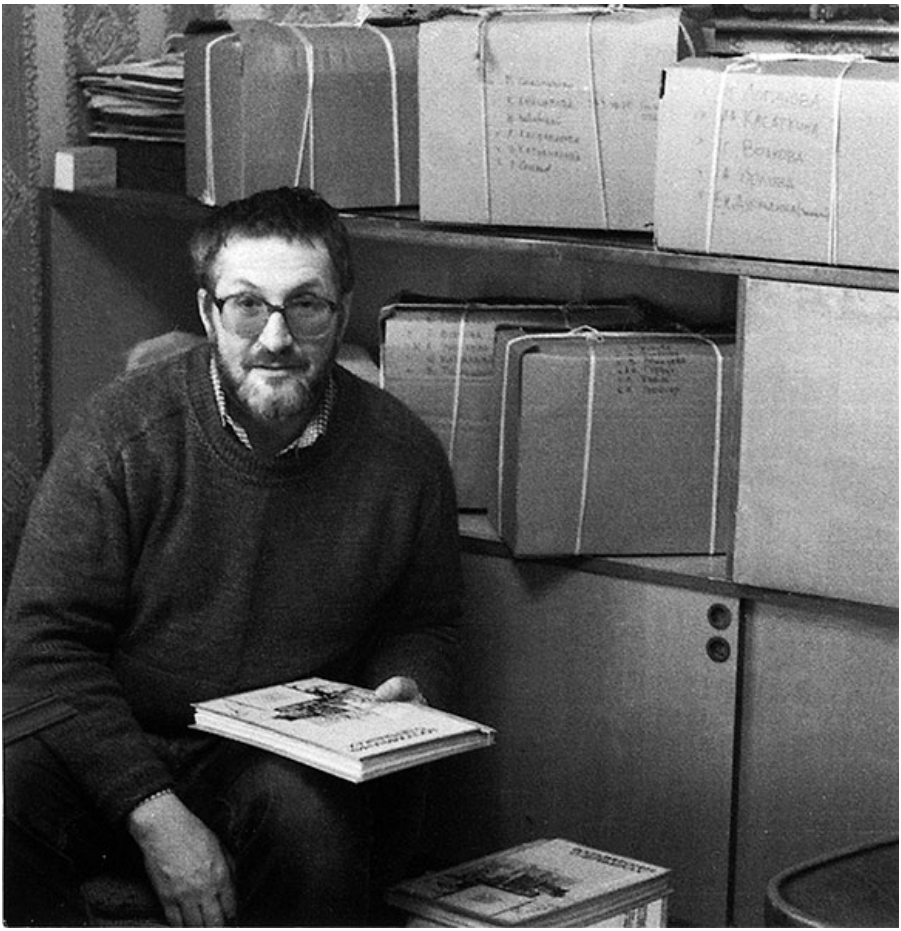


“Сделаем, чтобы искры летели…”, 1980-е гг.

Отец с Володей на борту крейсера “Александр Невский”, 1988 г.

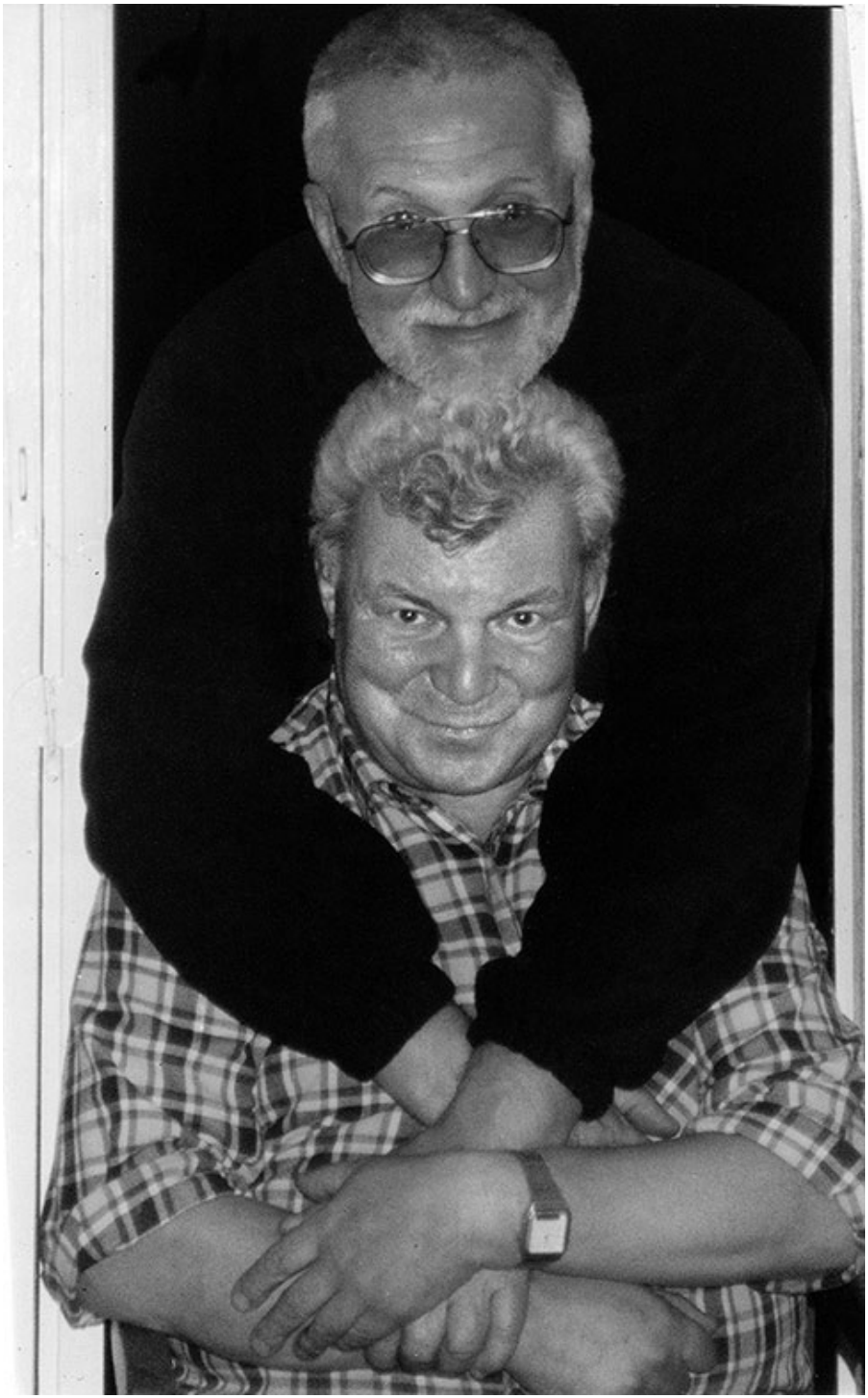






“Альманах” о школе в Дербышках готов к рассылке.

Мама и отец смотрят прямую трансляцию Съезда народных депутатов СССР, 1991 г.



Володя и Юра. Москва, 25 сентября 2000 г.

notes

Сноски

1

ЦРК – центральный рабочий кооператив.

2

В главе использованы фрагменты статьи Юрия Ценципера “Об отце и его времени”, опубликованной в журнале “Вопросы истории” (2012. № 4).

3

РАБИС – профессиональный союз работников искусств.

ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества.

5

Точное название: “К вопросу о развитии монистического взгляда на историю”.

6

Строки из стихотворения В. Маяковского “Юбилейное”. Верная цитата:

Вы
по-моему
при жизни
– думаю –
тоже бушевали,
Африканец!

7

“Ну и как там блицкриг?”; “Ну, дорогой мой Ганс, жизненная игра заканчивается” (*нем.*).